

Часть третья

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

Глава восьмая

ЕДИНАЯ ПОЛИТИКА РЕКОНСТРУКЦИИ ИЛИ НЕСКОЛЬКО ПОЛИТИК?

8.1. Проблемы реконструкции

8.1.1. ПОСЛЕДСТВИЯ ВОЙНЫ И ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

Ни одна из войн в истории не привела к столь обширным и глубоким последствиям как Вторая мировая война. Эти последствия сказались не сразу, понадобилось несколько лет, чтобы они полностью проявились. Однако не будет преувеличением сказать, что с окончанием войны в 1945 г. было уже невозможно вернуться к довоенному состоянию 1939 г. Мы стремимся проанализировать не только социологический и демографический, но и гуманитарный аспект кризиса. Военное столкновение непосредственно затронуло сотни миллионов мужчин и женщин. Те, кто, по счастью, не были его активными участниками, либо очевидцами вооруженной борьбы на своей земле, почувствовали ее косвенное воздействие — это заставило их пересмотреть концепции социального устройства и ценности, которые они, не задумываясь, разделяли прежде.

Итак, гуманитарные последствия. Они включают моральное и материальное воздействие войны на мировое сообщество. Основное следствие войны — это ужасающе огромное число жертв; вид последствий войны вызывал слезы: лежащие в руинах сотни городов, разрушенные заводы и села. Берлин, Дрезден, Токио, Ленинград, Москва, Сталинград, Лондон, Милан, Хиросима, Нагасаки и тысячи других городов были превращены в груды развалин, среди которых копошились, как в муравейнике, изголодавшиеся люди. Всякий, кому довелось видеть это зрелище, уже никогда не сможет изгнать из своей памяти чувства ужаса, вины, страдания, бессилия от невозможности вернуть то общество, в котором жизнь

была бы достойной. Точно так же, ни один из тех, кому довелось видеть то, что творилось в нацистских концлагерях, или слышать о том, как Гитлер и его подручные истребляли миллионы евреев или «не арийцев», не мог не задуматься, что западный человек, который сумел создать самое изысканное, утонченное и процветающее общество в истории, оказался способен опуститься в бездны зла в поисках оправдания или разумного объяснения произошедшего.

Невозможно с уверенностью сказать, каково было количество жертв войны. В СССР погибло 7,5 млн военнослужащих, возможно, столько же гражданских лиц; число умерших от голода и истощения не учитывается. В целом, можно сказать, что примерно 27 млн погибших — такова дань советских людей войне: к этим жертвам следовало бы добавить всех тех, кто был опален войной, или чьи семьи были погублены, как это произошло и в Первую мировую войну. Все эти социальные феномены повторились в чрезвычайно возросших масштабах. Польша оказалась страной, которая в пропорциональном отношении понесла наибольшее человеческие жертвы — приблизительно 15% общего населения страны: почти 6 млн. погибших, большей частью гражданских лиц, половина из них были евреями, проживавшими в восточной части страны, они подверглись особенно зверским преследованиям со стороны нацистов. Немцы потеряли 4,5 млн, но больше, чем кто-либо другой, должны были в конце войны испытать страдания вынужденных переселенцев, когда около 11 млн человек покинуло территории Польши и Советского Союза. Во время войны погибло более 2 млн китайцев, около полутора миллиона югославов, почти столько же японцев. Меньшими были потери французов — около 600 000 человек; итальянцев — немногим более 400 000 человек; у американцев в общей сложности погибло 406 000 человек.

В Европе накануне войны проживало 9 200 000 евреев, а в ее конце их насчитывалось 3 800 000. Все эти данные, даже не будучи абсолютно точными, позволяют создать общее представление о ситуации после войны. Согласно статистическим данным, во время Второй мировой войны на фронтах погибло почти 40 млн, что вдвое больше, чем во время Первой мировой войны. К этим погибшим следует присовокупить число жертв в военных действиях, которые велись за пределами Европы, как, например, в бесконечно долгой войне в Китае, унесшей свыше 20 млн жизней. Однако относительно этого театра военных действий, как и некоторых других, нельзя назвать точное число жертв, можно привести лишь общие оценки, поскольку война охватила ряд стран, где не велись точные подсчеты.

Но стоит ли в кратком очерке о системе международных отношений описывать эти явления и приводить эти статистические данные? Сомнение может быть и законное, но оно сразу отпадает по двум соображениям: во-первых, если отношения между нациями порождают не систему сосуществования, а беспрецедентную бойню, то это значит, что правила человеческого сообщества деформированы в высшей степени и неизбежно порождают для него болезненные травмы; либо это означает, что решение многих проблем слишком долго откладывалось, так что возник запутанный клубок неразрешимых противоречий, который разум не в состоянии распутать, и тогда обращаются к силе, постепенно ослепляющей Европу, а у европейцев растет чувство страха лишиться в будущем положения властителей. Другими словами, европейцы позволили запугать себя коммунизмом и страхом утратить мировое господство; они попали в сети противоречий, из которых не смогли найти выхода. В итоге они подчинились единственной державе, не утратившей способности господствовать на континенте и стремившейся под водительством Гитлера добиться гегемонии на континенте, любой ценой использовать подвернувшийся шанс, не гнушаясь никакими методами.

Второе соображение связано с утратами гуманизма в войне, ибо она сопровождалась ожесточенной борьбой, порожденной бескомпромиссным идеологическим конфликтом. Вторая мировая война оставила столь глубокие траншеи ненависти, что, казалось, их никому никогда не удастся сровнять; выжившие получили такое тяжелое и тягостное наследство, что больше не желали повторения гигантских столкновений, которые ядерное оружие могло бы превратить в самоуничтожение. В 1945 г. никто не мог думать о войне как о средстве возрождения народов или как методе укрепления гражданского и национального сознания. Война стала синонимом зла. В некотором смысле, Вторая мировая война заставила заплатить такую высокую цену, что в ней видели «последнюю» мировую войну. Это утверждение может вызывать возражения, поскольку после 1945 г. в мире происходило огромное число конфликтов, но они лишь подтверждают, что мир в течение всего послевоенного периода испытывал неуверенность и стремился добиться всеобщей безопасности, даже ценой равновесия страха.

Война привела к разнообразным последствиям экономического характера. Европе, Японии и Китаю она принесла чудовищные разрушения. В Соединенных Штатах она совпала с последними отголосками великой депрессии и с началом цикла мощного роста, как ни в одной другой мировой державе. Советский Союз

война отбросила более, чем на десятилетие назад. Концентрация военных усилий означала для СССР возврат жизненного уровня населения к дореволюционному. 1700 городов были разорены или разрушены, то же самое можно сказать приблизительно о 70% промышленных предприятий и 60% транспортной инфраструктуры, оказавшейся на территории, оккупированной немцами. В Германии промышленные предприятия претерпели меньший ущерб, чем казалось, но политический крах мешал производственным мощностям работать в полную силу. В 1946 г. на германской территории, занятой союзниками, валовой национальный продукт составлял менее одной трети в сравнении с 1938 г.; в Берлине 75% жилья было разрушено. В Италии национальный доход в 1945 г. уменьшился до приблизительно 40% от уровня 1938 г.; в Японии в 1946 г. он равнялся 57% по отношению к середине тридцатых годов.

Но даже в странах-победительницах ситуация складывалась драматически. Во Франции через год после освобождения национальный доход составлял половину от уровня 1938 г.; с тяжелыми проблемами сталкивалась Великобритания, хотя она не пострадала от оккупации, а лишь понесла ущерб от бомбардировок. Когда лейбористы пришли к власти в июле 1945 г., Кейнс характеризовал положение в стране как финансовый Дюнкерк. В Соединенных Штатах, напротив, экономическая ситуация непрерывно улучшалась. Там в течение всей войны темпы промышленного роста составляли 15% ежегодно. Валовой национальный продукт, измеряемый в постоянном денежном выражении, вырос с 88,9 млрд долларов в 1939 г. до 135 млрд долларов в 1945 г. (220 млрд — в современных величинах); хотя большую часть растущего производства составляла военная продукция (ее доля в общем производстве выросла с 2 до 40% в период с 1940 по 1943 г.), но и производство товаров широкого потребления увеличилось настолько, что заставило почти всех американцев забыть горечь экономического кризиса.

Соединенные Штаты стали самой богатой страной в мире. В конце войны их золотой запас был равен приблизительно 20 млрд долларов из 33 млрд общемирового запаса; производство товаров широкого потребления в Америке составляло треть общемирового, что неизбежно превращало Соединенные Штаты в самую мощную торговую державу мира. Таким образом, возродились такие понятия как *American Dream*, *American Way of Life*, т.е. американская мечта и американский образ жизни, как синонимы идеала и мифа, которые благодаря средствам массовой информации стали известны во всем мире. Восстановить, реконструировать

стало означать погоню за «американской мечтой», следование экономической и военной мощи Соединенных Штатов. США, к тому же, были единственной державой, которая после войны не получила территориальных приобретений. В то же время Советский Союз, несмотря на разруху, расширил территорию за границы 1939 г. и продвинулся к центру Европы благодаря аннексии части территории Финляндии, стран Балтии, половины Восточной Пруссии, Восточной Польши, Закарпатской Украины, Буковины и Бессарабии, Курил; следует упомянуть военную оккупацию части Германии и Австрии, а также Северной Кореи.

Разнообразие ситуаций свидетельствует, что проблема реконструкции непосредственно касалась Европы и части Азии и только косвенно остального мира. При этом понятие «реконструкция» приобретало весьма разнообразные значения. В странах-победительницах это понятие подразумевало лишь материальные аспекты; в побежденных же странах, которые подписали безоговорочную капитуляцию, оно включало также институциональные аспекты, поскольку предполагало формирование новых режимов, призванных заменить те, что несли ответственность за развязывание войны. Впрочем столь упрощенное различие в толковании понятия «реконструкция» не исчерпывало проблему полностью. Травмы, нанесенные войной, оказались столь глубокими, что почти все страны Европы нуждались и в преобразованиях политических институтов. Определение «реконструировать» никогда не означало возврата к довоенному состоянию, напротив, оно всегда заключало в себе мысль о новом или, по крайней мере, другом мироустройстве.

В Великобритании «реконструкция» означала в то же время и первый грандиозный эксперимент в сфере социальных преобразований, задуманный лейбористами после победы на выборах; во Франции изменилась конституция, и после периода правления генерала де Голля, страна вновь вернулась к парламентскому строю, не особенно отличавшемуся от Третьей республики, но с новой конституцией, которая открыла эпоху Четвертой республики; в Бельгии вопрос о монархии вызвал ожесточенную борьбу и был решен только с отречением Леопольда III; Италия также должна была выбирать между монархией и республиканским строем; ту же самую проблему решали и греки. Вся Восточная Европа, за исключением (временно) Чехословакии и Венгрии, пережила быстрый переход от довоенных олигархических режимов к просоветским режимам, которые поддерживались оккупационными силами. В центре их политических преобразований оставался вакуум в Германии и, по крайней мере, частичный

в Австрии (поскольку положение в Австрии отличалось не отсутствием демократически избранного правительства, а неопределенностью международной ориентации страны при наличии на ее территории оккупационных войск четырех держав). Ситуация, сложившаяся в Германии, делала эту страну важнейшим элементом нестабильности на континенте: именно здесь, более, чем где-либо еще, была поставлена под вопрос способность стран-победительниц продолжать сотрудничество после войны.

Не меньшие изменения произошли и за пределами Европы. В Северной Африке сохранились французские колонии; Ливии предстояло пятилетие неопределенности, которое затем привело ее к независимости; Египет полностью вернул суверенитет в результате упорной борьбы против англичан, пытавшихся сохранить некоторое стратегическое влияние на это государство; в Эфиопии на трон вернулся император Хайле Селассие, свергнутый итальянцами в 1936 г., в то время как Эритрея и Сомали ждали решения своей участи.

Что касается Азии, то на Среднем Востоке, хотя и сохранилось мощное франко-британское влияние, были созданы новые государства и окрепли государства, возникшие между войнами: среди первых были Сирия и Ливан, а среди вторых — Ирак и Иордания; тем временем, обострился палестинский вопрос. Иран с большими усилиями освободился от оккупационных войск союзников, что повлекло за собой рост националистических настроений; Индия уже вступила на путь, ведущий к полной независимости; Цейлон и Бирма также добились самостоятельности. Во всей Юго-Восточной Азии ситуация в течение нескольких месяцев, казалось, вернулась к довоенному состоянию. Однако английское господство в Малайзии, на Северном Борнео, вскоре стало непрочным; господство голландцев над Индонезийским архипелагом яростно оспаривалось местными националистами, которым японцы намекали на возможность самоуправления. Во Французском Индокитае, и особенно во Вьетнаме, развернулось восстание против восстановления правления французов; в то же время Филиппины готовились к независимости, которую Соединенные Штаты собирались им предоставить. Сложным было положение в Китае: как только его покинули японцы, война сразу же переросла в борьбу между силами Гоминьдана и войсками коммунистов, в стране наступила новая, заключительная фаза старого противоборства. Корея едва сумела вернуть независимость, утраченную в начале века, как оказалась «временно» оккупирована американскими и советскими войсками; она ожидала будущего воссоединения страны (которое не совершилось и в 2002 г.). В Японии генерал

Макартур воспрепятствовал попытке советских войск участвовать в военной оккупации, энергично и ревностно осуществлял поставленную перед ним задачу — искоренить милитаризм. Он должен был превратить страну из государства военной и экономической олигархии, подчинявшегося императору как почти сверхъестественной силе, в демократию парламентского типа, в которой фигура императора, хотя и лишенная юридически священного характера, тем не менее фактически его сохраняла. Это было достигнуто благодаря преемственности императорской власти в лице Хирохито; в то же время была принята новая конституция, формально основанная на принципах плюрализма и пацифизма.

Как видно из этого краткого изложения послевоенных событий, повсюду, за исключением Соединенных Штатов и Советского Союза, война повлекла за собой политические и институциональные перемены, которые в 1945 г. сделали мир совершенно другим по сравнению с 1939 г. Но достаточно ли было осуществления институциональных преобразований и смены политических элит, чтобы отразить тягу к переменам, которая во время войны зарождалась и росла во многих странах, в особенности в освободительных движениях?

Потребность в переменах глубоко укоренилась во всем мире в течение нескольких десятилетий. Опыт и практика лишь укрепили эти корни, содействуя произрастанию мощных побегов.

Уже в 1914–1919 гг. росло число тех, кто полагал, что необходимо бороться против подлинных врагов, что следует искать и находить глубоко скрытые причины войн, выявляя их в господствующих социально-экономических структурах, выступая за радикальное обновление последних. Особенно остро это воспринимали борцы с фашистскими режимами, поскольку оценивали их как режимы реакционные, как крайнее выражение капитализма, они видели в движении сопротивления сначала возможность уничтожить злейшего врага, а затем продолжить борьбу за революционные цели всеобщего освобождения от капитализма и империализма. Но Вторая мировая война, в отличие от Первой, не завершилась глубинным преобразованием общества в новую социальную систему. Войну выиграла ведущая капиталистическая держава мира, которая оказала поддержку своим европейским союзникам, но сражалась она вместе с державой, которая символизировала собой революцию. Присутствовали ли с советской стороны в войне элементы революционности, которые могли бы изменить исход борьбы? Присутствовал ли в советской политике импульс к социальному обновлению, который мог бы служить ориентиром для сил, боровшихся за революцию и социализм?

Речь идет о проблеме, которой определенная часть историографии уделила много внимания. В особенности резкой критике подверглось не только существо американской политики, пронизанной империалистической логикой, но также и сталинская политика, которая вдохновлялась лишь заботой о советских национальных интересах, и ради этих интересов всегда была готова пожертвовать делом распространения социализма в мире. Вряд ли стоит доказывать, что эти споры не имели смысла.

Сталин уже давно перестал преследовать революционные цели. Вряд ли могла быть искренней идея возрождения социалистической революции, которая исходила бы от деятеля, заключившего советско-нацистский пакт. Анализ политической деятельности Сталина до и во время Второй мировой войны показывает, что она заключалась не столько в пропаганде революционных призывов, сколько в развитии мощной и энергичной концепции советской безопасности, завоевываемой любыми средствами, и, прежде всего, созданием внешнего «санитарного кордона», нацеленного против капитализма, а не против Советского Союза. В этом заключался политический смысл военной победы Сталина в Европе. Поэтому понятно, что диктатор, когда перед ним вставала проблема выбора, во всех случаях, не колеблясь, жертвовал революционными перспективами партий, связанных с Советским Союзом, ради интересов самого СССР. Это означает, что идея «революционной реконструкции» не имела смысла, если понимать ее как проект, связанный с советской революцией, но если рассматривать ее в более широком смысле, она предполагала глубокое изменение предшествующего социально-политического режима, системы ценностей и образа жизни.

8.1.2. *НОВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК*

Действительно «революционные» изменения, по сравнению с 1939 г., произошли в системе международных отношений и в соотношении сил внутри нее, т.е. прежде всего, в сфере политических и политико-институциональных отношений. Хотя некоторое время после войны Великобритания еще удерживала свою колониальную империю, а Франция стремилась сохранить контроль над ускользающими из-под ее влияния территориями (например, Сирией и Ливаном), лишь наиболее оптимистичные или наиболее поверхностные наблюдатели сохраняли иллюзии относительно прежней европейской мощи. Вторая мировая война привела к тому, что Европа окончательно перестала быть центром, вокруг

которого вращались другие участники системы международных отношений.

Соединенные Штаты вышли из изоляции и согласились играть роль мировой державы, что, бесспорно, и сделало их таковой, хотя в Вашингтоне не было недостатка в приверженцах возврата к прошлому. В конце концов, достаточно лишь одного замечания (при этом намеренно опускаются финансово-экономические аспекты проблемы), чтобы новизна ситуации стала очевидной: в 1945 г. Соединенные Штаты были единственной державой, способной осуществить свое присутствие одновременно на всех континентах мира: они господствовали на Американском континенте; выступали в роли освободителя и гаранта в Европе; оказывали влияние в Африке, несмотря на то, что там часть территории оставалась под юрисдикцией французов и англичан; присутствовали на обширных территориях в Азии; занимали преимущественное положение в Океании. Расширения американской территории не произошло, более того, вскоре была предоставлена независимость Филиппинам. Но поражение Японии, коллапс в Китае; борьба Франции в Индокитае, противостояние Великобритании и Малайи — все это подтверждало явное превосходство США, которое атомная монополия могла только подкрепить. К тому же ООН доверила Соединенным Штатам контроль над островами стратегического характера в Тихом океане в виде опеки.

Другим государством, которое действительно вышло из войны победителем, был Советский Союз: но не в связи с приобретенной мощью, которая тогда не была оценена должным образом, так как была известна цена, заплаченная за победу над Германией. Новая роль СССР была связана, во-первых, с новой геополитической ситуацией, сложившейся в Европе и Восточной Азии, во-вторых, главным образом, с решительной и несгибаемой волей Сталина и его ближайших соратников, которые смогли защитить СССР от попадания в сферу американского господства.

Центральный момент новой ситуации заключался в том, что с геополитической точки зрения Советский Союз унаследовал мощь и роль Германии, присовокупив их к тому потенциалу, которым царская Россия располагала ранее. Хотя Советский Союз, в отличие от США, не обладал всемирным влиянием: в 1945 г. влияние СССР на Американском континенте было ничтожным, в Африке чисто символическим, на Среднем Востоке лишь гипотетическим, а на Тихом океане было ограничено районом крайнего Севера, тем не менее СССР в это время обладал значительным преимуществом с геополитической точки зрения, так как имел возможность контролировать центр тяжести всей международной системы. Из-

менения политической карты мира еще не произошло и хотя Европа превратилась из субъекта в объект международной политики, евроазиатский регион все еще оставался (вместе с регионом Тихого океана) одним из важнейших при формировании территориального преобладания и мировой мощи.

В сентябре 1945 г. разоренный войной Советский Союз, население которого голодало, тем не менее обладал столь мощной военной машиной, что она оказалась способной разгромить германский милитаризм. Полицейская политическая система СССР заставила советских граждан терпеть столь низкий уровень жизни, что страна смогла осуществить новый рывок в накоплении капитала, провести в короткие сроки реконструкцию военного потенциала и технологическое обновление тяжелой промышленности. Именно такой Советский Союз смог почти без труда контролировать территориальный *continuum* от Одера–Нейсе до Триеста, от греко-турецкой границы до Кавказа, от афганской границы до Маньчжурии и Курильских островов. Итак, это был огромный, внешне однородный регион, точнее превращенный в однородный методами террора. Никто не мог ему угрожать, не заплатив за это дорогую цену (за исключением применения атомного оружия); в течение длительного мирного времени его мощь лишь возрастала, консолидировалась и становилась господствующей силой в сердцеvine Европы, сменив в этой роли Германию. При том, что остальная часть Европы получала поддержку извне, СССР сумел добиться преобладания на Балканах, влиять на ситуацию на Среднем Востоке, решать судьбу гражданской войны в Китае и извлекать из этого выгоду. Итак, это была держава, которую могли ослабить лишь внутренние противоречия. В этом заключалось значение победы Советского Союза; на первый взгляд, эта победа могла показаться менее внушительной, чем победа американцев, но она содержала все предпосылки для возникновения противника, готового и способного бросить вызов Соединенным Штатам.

Особенность революции, происшедшей в международной системе, заключалась в том, что центры международной мощи оказались вне Европы и были сконцентрированы на довольно длительное время в Соединенных Штатах и в Советском Союзе. Зарождалось то, что позже стали называть «биполярной системой». Но это были трудные и мучительные роды, потому что старым империалистическим державам предстояло осознать реальность своего упадка, а Соединенные Штаты должны были признать существование соперника в борьбе за мировое господство. После десятилетий подготовки перед миром предстали два гиганта, ко-

торые исподволь осваивали свои новые роли и теперь должны были показать, что они способны их исполнять. Существовало три сферы, в которых стремление и воля к сотрудничеству союзников в войне, подвергались испытаниям: способность обеспечить функционирование Организации Объединенных Наций; создать финансово-экономическую систему, которая совмещала бы американские проекты и советские интересы (а также интересы государств, входящих в систему рыночной экономики); определить формы сотрудничества для мирного использования атомной энергии в качестве альтернативы соперничеству за превосходство в обладании атомной энергией как источником военной мощи.

8.1.3. ООН И ПРЕДЕЛЫ ЕЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ

С ратификацией Сан-Францисского договора Организация Объединенных Наций начала свою деятельность в январе 1946 г., когда споры между бывшими союзниками привели к подрыву военного сотрудничества. «Прочное согласие», заложенное в основу эффективности ООН, рассеялось быстрее, чем осуществление технической работы по созданию столь сложного института. Организация Объединенных Наций начала работать в Лондоне (январь 1946 г.), еще не устроившись на определенном ей месте: затем оно было закреплено за Нью-Йорком. 10 января было проведено первое заседание Генеральной Ассамблеи; 17 января состоялось первое заседание Совета Безопасности. Два дня спустя, 19 января, делегат Ирана призвал Совет Безопасности обратить внимание на ситуацию в его стране в связи с пребыванием там советских войск. Несмотря на достигнутые в 1942 г. соглашения, которые предусматривали вывод оккупационных войск не позднее, чем через шесть месяцев после окончания войны (ст. 6 договора, подписанного в январе 1942 г., безоговорочно устанавливала, что подобная дата должна исчисляться от завершения войны с Японией), советские войска, оккупировавшие Иранский Азербайджан, вместо того, чтобы готовиться к выводу, казалось, намерены были поддерживать сепаратистские тенденции в северной части страны и оказывать нажим на правительство Тегерана.

Советские представители решили, что иранец выступил по подсказке Соединенных Штатов и Великобритании, и в качестве немедленной ответной меры дважды обратились в Совет Безопасности. 21 января советский представитель потребовал обсудить положение в Греции и заявил протест против постоянного присутствия там английских войск даже после окончания войны, что он квалифицировал как незаконное вмешательство во внутренние

дела Греции; одновременно представитель Украины выступил с аналогичным обращением по поводу ситуации в Индонезии, где британские войска поддерживали попытки голландцев восстановить свое господство.

Деятельность Совета Безопасности сразу же началась со столкновений, выявивших существующее напряжение. Это еще не была открытая враждебность, но недоверие уже нарастало. Для вдумчивой разработки процессуальных норм, как отмечал юрист Гудрич, было мало времени, а Совет сразу столкнулся с кризисными ситуациями, что, совершенно очевидно, мешало ему функционировать «на полных оборотах». Кроме того, как писал бельгийский дипломат, бывший представитель в Организации Объединенных Наций, «разработавшие Устав великие державы предупреждали, что система коллективной безопасности начала функционировать в такой обстановке, которая неизбежно вызовет ее развал». По трем обращениям в Совет Безопасности после обсуждения были выработаны решения, но их не поддержала одна из пяти держав с правом вето. Добиваться голосования по этим решениям означало незамедлительно вызвать кризис международно-правовых структур.

Решение следовало искать за пределами ООН, чтобы при выявлении позиций сторон по вышеназванным проблемам сохранить верность «прочному согласию». Это не было сделано. Иранский вопрос решено было рассмотреть на переговорах, которые обе стороны согласились начать (впрочем, реальная дата завершения вывода советских войск могла бы быть установлена 2 марта, если исходить из даты окончания войны с Японией). Но во время обсуждения вопроса о Греции не было даже этого кажущегося успеха. Присутствовавший при этом политический деятель был потрясен резкой и острой дискуссией между советским представителем А. Вышинским и английским министром Э. Бевиным. Завершив дискуссию без голосования, они ограничились тем, что приняли к сведению заявления сторон по обсуждавшемуся вопросу; аналогично завершилось и обсуждение вопроса об Индонезии.

Так с самых первых дней наметились направления деятельности Совета Безопасности на предстоящие долгие годы. Вместо того, чтобы стать инструментом поиска мирных решений Организация Объединенных Наций начала свою деятельность с роли публичного озвучивания противоречий, которые нарастали между ведущими державами. Это получило наиболее яркое подтверждение 4 февраля. В этот день делегаты Сирии и Ливана обратились с просьбой обсудить ситуацию, сложившуюся в их странах, где продолжали находиться французские и английские оккупационные войска. Была выработана резолюция, которая выражала по-

желание скорого вывода войск и начала с этой целью соответствующих переговоров. Резолюция получила большинство в семь голосов, но поскольку среди них не было голоса советского делегата она не считалась вступившей в законную силу. Так впервые советский делегат осуществил свое право вето. Это был первый случай из длинной серии подобных голосований, происходивших все время, пока СССР оставался в Организации Объединенных Наций в меньшинстве, тем не менее организация функционировала в соответствии с американскими установками, хотя и не без трудностей.

Конечно, это не означает, что уже с первых шагов деятельность организации была парализована. В Совете Безопасности и в Генеральной Ассамблее можно было достигнуть, хотя и с трудом, согласия, в частности, когда оно касалось выражения общих позиций, как, например, при голосовании 24 января 1946 г. при учреждении Генеральной Ассамблеи Комиссии по атомной энергии; во время голосования 14 декабря того же года резолюции, которая определяла общие принципы разоружения; во время голосования 12 декабря резолюции, которая требовала от всех стран-членов ООН отзыва их дипломатических представительств из Испании, где утвердился недемократический режим. Но большей частью эти решения выражали отношение к ситуациям в прошлом, и не определяли конструктивных позиций по вопросам настоящего или будущего.

По новым проблемам расхождения становились все более очевидными. После 4 февраля 1946 г. наиболее ярким символом паралича деятельности ООН оставалось вето; и поскольку советская делегация использовала его с января по сентябрь 1946 г. добрый десяток раз, то с тех пор оно стало символом отказа советской делегации от конструктивного сотрудничества в рамках Организации Объединенных Наций. В результате дискуссия сконцентрировалась на проблеме вето: как лишить советских делегатов возможности злоупотреблять им, ибо они превратили его в средство, порождающее новые конфликты. Упорное обращение советских делегатов к такому инструменту, как вето, было симптомом глубокого недуга, который поразил международную жизнь, а также сковывал деятельность организации, созданной для обеспечения мира на международной арене. Сложившаяся ситуация говорила о том, что желание сотрудничества между двумя великими державами изжило себя.

Один из весьма важных аспектов, затруднявший деятельность ООН с 1950 г. и по настоящее время, хотя, возможно, и не столь яркий, заключается в отказе от применения норм, предусматри-

вавших создание собственных вооруженных сил ООН из контингентов, предоставляемых отдельными странами-участницами непосредственно в распоряжение Организации Объединенных Наций. Рассеялась надежда, что Организация Объединенных Наций сумеет приобрести ту «светскую власть», которой недоставало Лиге Наций. Согласно ст. 47 Устава в феврале 1946 г. был учрежден Штабной Комитет, который должен был определить военный вклад отдельных стран-участниц, однако он никогда не мог преодолеть основное расхождение между советскими и американскими установками относительно критериев определения подобных вкладов. Дискуссии длились около двух лет и были практически прерваны в июле 1948 г. после откровенного признания Комитетом своего бессилия. Штабной Комитет признал, что не может достигнуть соглашения об основных принципах принятия решений, поэтому весь вопрос был передан в Совет Безопасности. Этот орган, как мы видели раньше, был еще менее способен выработать решения по этому вопросу, поскольку в его компетенцию входило принятие оперативных решений. Так провалилась попытка принципиально нового подхода в сравнении с Женевской дипломатией, и с тех пор все операции по поддержанию или установлению мира, которые ООН должна была бы предпринять, осуществлялись благодаря добровольному вкладу стран-участниц.

В Совете Безопасности, по крайней мере до 1955 г. (в Генеральной Ассамблее так оставалось всегда), не столько вырабатывались политические решения, сколько велись дискуссии между державами, чтобы придать им больший резонанс. Со временем ООН постепенно менялась. Число ее членов с 51 вначале возросло до 190 в 1999 г.; тогда стали формироваться группировки большинства, однако, сохранялись доминирующие тенденции к фрагментации организации в результате быстро меняющейся обстановки. Но речь идет об очень медленном процессе, скорее обращенном в будущее. В годы холодной войны, о которых говорится в настоящей главе, Организации Объединенных Наций не удалось выполнить задачу содействия сохранению мира, поставленную перед ней Уставом, более того, для ее деятельности были характерны деструктивные черты. Институциональный переход к более взаимосвязанному и гибкому функционированию международной системы не был реализован. Слишком очевидная гегемония американцев привела к тому, что советская сторона и ее немногочисленные союзники в те годы старались воздерживаться от слишком обязывающего участия в организации, нормы которой сковали бы их ничем не ограниченную свободу маневрирования на международной арене.

8.1.4. НОВАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Большая часть американских концепций в послевоенное время исходила из идеи создания новой международной экономической системы. Именно по данной теме в историографии имело место большое число дискуссий, и сами американцы высказали по этому поводу много интересных соображений. Конечно, предложенные концепции свидетельствовали о подготовке американцев к послевоенной ситуации, и хотя в некоторых кругах часто обсуждали подобные вопросы, это не значит, что высказанные идеи всегда совпадали с практической деятельностью американских представителей в политической и финансово-экономической сфере. И тогда, и сейчас невозможно отрицать, что в 1945 г. мир смотрел на Соединенные Штаты как на единственную державу, способную вновь поставить на ноги мировую экономическую систему — в соответствии с концепцией однородности мира, либо в соответствии с идеей, признающей реальность сосуществования различных экономических структур.

Продолжительная деятельность, инициированная законом о ленд-лизе, в конце войны была затруднена принятием американцами односторонних и достаточно противоречивых решений и затем прервана, поскольку была констатирована невозможность плодотворного диалога с советской стороной. Закон о ленд-лизе был принят с оговоркой, что он остается в силе до окончания состоявшейся войны. Едва был подписан акт о капитуляции Германии, действие закона было приостановлено как в отношении СССР, так и в отношении Великобритании и других стран-получателей помощи. Речь шла о технической ошибке? Обычно дается именно такое объяснение. Война была еще не завершена, и в тот момент, когда американские суда получили приказ повернуть назад, они были на пути в Советский Союз, куда должны были поставить грузы, необходимые для войны с Японией.

Резкое прекращение поставок спровоцировало такую острую полемику, что правительство в Вашингтоне вынуждено было переосмыслить ситуацию и возобновить отправку грузов. Но как только был подписан акт о капитуляции Японии, уже ничто не мешало вновь принять решение о прекращении поставок, чтобы показать англичанам и, прежде всего, Советскому Союзу, что правительство США намерено использовать свои экономические ресурсы очень расчетливо и согласно четким критериям. Другими словами, речь шла о том, чтобы дать понять, как — в рамках новых экономических институтов или вне их — и в какой степени

капиталистические страны Европы и Советский Союз могли бы рассчитывать на финансовую поддержку Соединенных Штатов в восстановлении своей экономики, разоренной войной. Проблема имела большое экономическое и политическое значение, так как она могла бы стать парадигмой способности к сотрудничеству между различными социально-экономическими системами. Прежде враждебные друг другу, возможно теперь они встали на путь поиска методов сосуществования и кооперации, поскольку военное сотрудничество научило их, что пользы от сотрудничества больше, чем от взаимного недоверия.

Вопрос о предоставлении займа Советскому Союзу обсуждался во время войны несколько раз. Уже в 1942 г. об этом говорил Уайт, сотрудник Моргентау, который вел переговоры с Кейнсом о создании Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития; Уильям С. Буллит вновь поднял этот вопрос в 1943 г.; в 1944 г. к нему вернулся Аверелл Гарриман, великий финансист и капитан индустрии, которого Рузвельт направил послом в Москву. Но проблема была сложной и имела ряд аспектов. Во-первых, необходимо было определить, в какой форме заем мог быть экономически выгоден обеим сторонам; во-вторых, целесообразно было выяснить, на каких условиях советская сторона была в нем заинтересована; в-третьих, следовало иметь в виду, как и на каких условиях американское правительство было бы согласно его предоставить. Не должно было быть сомнений во взаимной выгоде займа: советская сторона нуждалась в ресурсах для реконструкции и была в состоянии вернуть кредит поставками натурой: сырьем, необходимым для американской промышленности.

Не было достаточных оснований для идеи, обсуждавшейся в эти годы, что заем мог бы стать первым этапом в прямом экономическом обмене, поскольку, кроме сырья, не было советских промышленных товаров, которые могли бы представлять интерес для Соединенных Штатов. Кроме того, в связи с распределительным характером советской системы, полностью централизованной и регламентированной государством, следовало исключить мысль, что СССР сможет стать огромным рынком для американской промышленной продукции, хотя с окончанием войны в США имелись опасения, что придется снова столкнуться с довоенными проблемами перепроизводства.

Эти соображения не были бесспорными. Американские аналитики из *Office of Strategic Services*, ученые, весьма сведущие в вопросах советской экономики, считали, что американский заем был бы полезен только в том отношении, что ускорил бы на несколько

месяцев реконструкцию в СССР. И действительно, некоторые аспекты восстановления советского хозяйства после войны давали основание для подобного диагноза, хотя и не учитывали затраты человеческих сил трудящихся этой страны. Известный американский историк Габриэль Колко утверждал обратное: «Государственный Департамент знал, что без помощи извне советская реконструкция осуществлялась бы значительно более медленно и более трудно, была бы плодом национальных усилий народа, уже серьезно измученного и изнуренного». Это утверждение представляется весьма категоричным и показывает, что внутри государственного департамента и американского правительства существовали различные установки даже по вопросу о пользе предоставления займа.

Весьма красноречивым является тот факт, что в Советском Союзе собирали слухи, просачивавшиеся из американских источников, поскольку советское руководство было далеко равнодушно к идее крупного финансового займа. Уже первое наблюдение свидетельствует об этом: помощь не была жизненно необходимой, но ее ждали и она была бы полезной, так как облегчила бы проблемы финансирования реконструкции в СССР. Молотов впервые заговорил о займе с Гарриманом в декабре 1943 г., намекнув, что объем займа мог бы составить миллиард долларов. Со своей стороны, Уайт полагал, что заем, чтобы он был действительно эффективным, должен был бы достигнуть, по крайней мере, пяти миллиардов долларов.

Сталин рассказал о своих идеях по поводу займа другому американскому финансовому деятелю, председателю Торговой палаты Соединенных Штатов Эрику Джонстону, который прибыл в Москву летом 1944 г. и 26 июня имел продолжительную встречу со Сталиным. Во время этой встречи собеседники обменялись мнениями по широкому кругу вопросов. Сталин лелеял гипотетическую идею рынка, способного поглотить любые американские товары, за которые можно было бы заплатить как сырьем, так и золотом: «Я не могу предвидеть, — оптимистично заявил он, — когда мы перестанем нуждаться в чем-либо». Итак, Сталин, беседуя с деловым человеком, увлекал его перспективой неограниченных возможностей интеграции, не касаясь, конечно, технических форм взаимосвязей и политических условий, при которых они могли бы иметь место. Такое умолчание было не случайно, поскольку проблемы заключались именно в этом.

Американские политические деятели, впрочем, никогда не разделяли два аспекта проблемы. Как в период между двумя войнами, так и во время подготовительных обсуждений, проходивших в эти месяцы в Бреттон Вудсе, проблематика предоставления

займа СССР, а также всех других займов любой другой стране, не могла рассматриваться в отрыве от видения послевоенного устройства, которое американцы уже разрабатывали. Это была картина реинтеграции мировой системы в единый взаимозависимый комплекс, как точно отмечал, хотя и в другой ситуации, прародитель американских историков-ревизионистов Уильям А. Вильямс.

Результаты войны поставили Соединенные Штаты в центр системы, придав им роль регулирующего, хотя и не обязательно доминирующего, элемента. Это был основной пункт любого анализа складывающейся тогда ситуации. Фактически, американское превосходство заставляло говорить об империалистическом капитализме. Но эта дефиниция представляется упрощенной, поскольку стремится определить проект реорганизации международной жизни, основанный на гибком подходе к международным отношениям, используя при этом термин, который получил негативный оттенок в историко-политической лексике времен холодной войны. Подобный подход не следовало формулировать тем, кто мог извлечь из него наибольшую выгоду. Поскольку эта система постепенно превращалась в реальность, то нельзя не подчеркнуть ее открытый и гибкий характер, что создавало трудности для тех, кто, как Советский Союз, мог согласиться на интеграцию только в жестко регулируемую систему, потому что такова была политико-экономическая организация СССР. В то время, когда обсуждались финансовые аспекты послевоенных проблем, у обоих субъектов, выигравших войну, возникли предсказуемые, но не неизбежные трудности в стремлении добиться системного сотрудничества именно в силу структурных различий, препятствовавших конвергенции.

Накануне конференции в Ялте, 3 января 1945 г., Молотов изложил Гарриману свою просьбу о предоставлении займа в 6 млрд долларов при ставке в 2,5%, благодаря которому Советский Союз смог бы разместить крупные заказы на американском рынке. Повторяя тезис многих экономистов того времени, Молотов полагал, что такой заказ позволит экономике Соединенных Штатов более легко перейти от военного производства к мирному. Молотов представил свою просьбу как взаимовыгодное предложение, но не учел при этом новых аналитических данных, которые, между тем, значительно приглушили, если не полностью развеяли опасения, что в американской экономике наступит спад в период перехода к производству мирной продукции. Кроме того, он сделал свое предложение грубовато, в канун Ялтинской конференции.

Реакция Гарримана, а затем и Рузвельта, заключалась в том, чтобы отложить решение на время после завершения Крымской

встречи в верхах, а пока приостановить рассмотрение предложения как с политической, так и с технической точки зрения. Если жест Молотова, а также реплики Сталина, показывали, что Советский Союз действительно заинтересован в получении кредита, то было еще не ясно, как и в какой форме американцы намерены подойти к рассмотрению этого вопроса. Моргантау продолжал проявлять благосклонность и предлагал увеличить сумму займа до 10 млрд с рассрочкой выплаты на 35 лет, чтобы содействовать закупке американских товаров. Идея предполагала полную интеграцию двух экономических систем, но она не встретила необходимой поддержки. Такого рода заем требовал распутывания сложного политического узла, то есть выяснения, позволит ли Советский Союз вовлечь себя в рыночную экономику на западных условиях. Иначе говоря, существовали технические аспекты, относящиеся к выявлению коэффициента окупаемости, когда столь солидные инвестиции осуществляются в СССР или в других странах при посредничестве правительства или непосредственно частными инвесторами. Политические аспекты заключались в том, как неоднократно подчеркивал Гарриман, чтобы определить возможность одновременного финансового и политического сотрудничества.

В Ялте Рузвельт в разговоре со Сталиным не касался этой особой темы, так как считалось возможным обсуждать только насущные вопросы: может быть, поэтому текущие проблемы в дискуссии превалировали над стратегическими. Возможно, также и потому, что дискуссия о германских репарациях заставила задуматься о сравнительных характеристиках ленд-лиза и репарационных платежей, возможно и потому, что Рузвельт почувствовал потенциальную связь между американским кредитом и реализацией соглашений о Восточной Европе, заключенных с Советами именно в Ялте.

В этих вопросах Гарриман сыграл решающую роль. Накануне смерти Рузвельта он подготовил краткую записку с изложением своих позиций, которая, конечно, сильно повлияла на Трумэна. Имелось также множество реальных доказательств того, что Советы всегда поступали, руководствуясь своими «эгоистическими интересами». СССР в конце войны располагал золотым запасом, который уступал лишь запасу Соединенных Штатов, хотя был значительно меньше, чем в США; у него было огромное количество неиспользованных материалов, полученных по ленд-лизу; он постарался жестоко обобрать оккупированные территории и вывез «все, что можно было вывезти». СССР контролировал внешнюю торговлю оккупированных стран; он использовал предос-

тавившиеся возможности, чтобы навязать выгодные торговые соглашения всем другим странам мира, включая страны Южной Америки; и тем не менее, продолжал просить у Соединенных Штатов «всяческую помощь и содействие, которых считал возможным добиться».

Гарриман, учитывая все это, обосновывал в своей записке тезис: если Соединенные Штаты должны защищать свои интересы, то следует проводить «политику, которая более эффективно реализовывала бы их экономическое влияние, чтобы как можно шире распространять свои политические идеи». Соединенные Штаты должны продолжать поддерживать дружеские отношения с Советским Союзом, но на основе взаимовыгодного обмена. В отношениях с СССР это означало «связать экономическую помощь непосредственно с политическими проблемами». Поэтому Гарриман был еще благожелательно настроен в отношении предоставления займа, но рассматривал его как инструмент достижения политических уступок.

Как отмечает американский историк Джон Льюис Гэддис, Советы, используя исключительно внутренние ресурсы, могли к 1948 г. добиться довоенного уровня инвестиций капиталов. Однако они не могли без американской помощи быстро реализовать амбициозные программы сохранения в дальнейшем быстрых темпов экономического роста, которые они лелеяли. Внутренняя слабость СССР давала возможность Соединенным Штатам связать заем с политическими условиями и предоставить его только после удовлетворения финансовых потребностей Западной Европы. Эти политические условия заключались в обязательстве Советов скрупулезно выполнять Ялтинские соглашения в вопросах о Польше и Восточной Европе — это означало, что их следовало понимать в духе западного толкования.

Таким образом, вопрос о займе оставался открытым еще в течение нескольких месяцев. В июне, однако, общая сумма кредита, на которую были согласны американцы, сократилась до 1 млрд долларов, и Конгресс не чинил препятствий операции такого масштаба. Препятствия возникли в связи с ухудшением ситуации на Балканах. Пока эти проблемы не были преодолены, вопрос о займе оставался в подвешенном состоянии. Потсдамская конференция внесла дальнейшую ясность. Если Трумэн постепенно склонялся к отказу от компромисса по германским репарациям, на который соглашался Рузвельт, то это было связано с поступающими сведениями о том, как вели себя Советы на оккупированной ими германской территории, которую они продолжали систематически обирать, вывозя все сколько-нибудь ценное. Поставки на

основе закона о ленд-лизе, однажды прерванные, были окончательно прекращены несколько недель спустя. Советы выжимали, как лимон, германскую промышленность, не соглашаясь, однако, на политические уступки американцам, которые тогда находились в положении абсолютного превосходства, что позволяло им уклоняться от предоставления бесплатной финансовой помощи Советам. Идея займа становилась все более туманной. Ремонтные работы, извлеченные из Германии, стали подлинной заменой займа.

Когда накануне Потсдама Бирнс стал государственным секретарем, его позиция по этому вопросу была уже ясной. Хотя вопрос оставался открытым для дискуссий до конца 1945 г., он превратился скорее в политический. С ним связывали возможность добиться от Советов уступок как в отношении ратификации соглашений, достигнутых в Бреттон Вудсе, от которой Сталин отказывался в качестве ответной меры на отсутствие предложений по кредиту, так и в дискуссии о мирных договорах с малыми державами «Оси». Несмотря на то, что к этому моменту поворот в американской политике в отношении Советского Союза еще не выявился полностью, расхождения и разногласия накапливались, что сделало проблематичным предоставление СССР помощи без политических условий.

Мировая политика Соединенных Штатов переживала в течение нескольких месяцев период переосмысления, что привело к принятию основополагающих решений, обнародованных в конце 1946 — начале 1947 г. Тем временем рассеялись возможности достижения экономического соглашения между двумя державами-победительницами, которое могло бы укрепить их послевоенное сотрудничество и заложить основы для взаимного выигрыша. Вместо этого формировались долгосрочные стратегии, в которых уже предусматривалось будущее решительное противостояние двух систем. Как в юридическом плане (в недрах Организации Объединенных Наций), так и в финансово-экономическом плане основания для недоверия и конфликтов превалировали над соображениями сотрудничества и взаимодействия.

8.1.5. КОНТРОЛЬ НАД ЯДЕРНЫМ ОРУЖИЕМ

К этим соображениям добавлялась третья серьезная причина для разрыва, которая не вытекала из системных факторов, но усиливала их. Для американцев обладание атомной бомбой было результатом только их конъюнктурного превосходства, но оно ставило Соединенные Штаты, прежде всего, перед необходимостью решить, как использовать подобное превосходство, и установить

рамки применения атомной энергии под международным контролем. Кстати, интересно отметить, что чувство вины или ответственности, которое характерно для Вашингтона периода американской монополии на ядерные секреты, послужило в то время основанием для дискуссий в западной историографии, однако оно не породило такой же озабоченности у советского руководства. Иначе говоря, вопрос о международном контроле над использованием ядерной энергии вызывал опасения скорее у американцев, чем у Советов.

В сентябре 1946 г. Сталин сказал в интервью журналисту А. Верту, что он думает об атомной бомбе: «Атомные бомбы предназначены для устрашения слабонервных, но они не могут решать судьбы войны, так как для этого совершенно недостаточно атомных бомб. Конечно, монопольное владение секретом атомной бомбы создает угрозу, но против этого существуют, по крайней мере, два средства: *a*) монопольное владение атомной бомбой не может продолжаться долго; *b*) применение атомной бомбы будет запрещено».

Конечно, невозможно знать до какой степени Сталин был убежден в том, что говорил, и в какой степени его слова были рассчитаны на американскую публику, но следует отдать должное его невозмутимости. Действительно, тогда не было оснований и причин, которые дали бы американцам возможность вмешаться и использовать ограниченное число атомных бомб в качестве инструмента политического давления с целью вынудить Советы подчиниться воле Соединенных Штатов (допускаю, что в Вашингтоне питали такие надежды). Кроме того, Сталин прекрасно знал, на какой стадии находятся американские исследования, потому что его информаторы, проникнув в американские лаборатории, сообщали ему, по крайней мере с 1943 г., новейшие сведения о достигнутых американцами результатах в этой области, и до 1950 г. эти информаторы (главным из которых был известный физик Клаус Фукс) работали спокойно и их стало больше — несколько десятков. Поэтому Сталин отлично знал, сколько у американцев бомб, какие еще встречаются трудности на экспериментальной стадии, и, прежде всего, он предвидел, что монополия продлится недолго.

Когда говорят об атомной бомбе, то обычно стараются подчеркнуть, что именно в этой области американцы первыми начали проводить собственную военную политику и что это привело к нарушению равновесия в позициях держав-победительниц. Напротив, параметры дискуссии были заданы реализмом Сталина. Сдержанная дискуссия в определенных рамках отличала научные круги США от военных и от политико-дипломатических сфер.

Сегодня она представляется более интересной с точки зрения американского менталитета и того, как в Вашингтоне представляли будущие отношения с Советским Союзом, чем с точки зрения рассуждений о значении атомной монополии для этих отношений.

В действительности, дискуссия началась еще до применения двух атомных бомб против Хиросимы и Нагасаки. Во второй половине 1945 г., пока продолжались Лондонская сессия СМВД, а затем Московская конференция о мирных договорах, большинство ученых, работавших над Манхэттенским проектом, выступили за широкое распространение информации, которой они располагали, и за скорейшее установление международного контроля над ядерной энергией. Военные почти единодушно занимали прямо противоположную позицию и рекомендовали использовать атомное превосходство в политических целях; дипломаты разделились по различным идеологическим течениям, но никто из них не исключал, однако, политико-дипломатического обсуждения этой проблемы с Советами.

Государственный секретарь Бирнс на первом этапе своей деятельности на этом посту, когда он еще не был полностью информирован о масштабах и успехах советского шпионажа, был убежден, что американская атомная монополия продлится, по крайней мере, 7–10 лет и полагал, что ключевым моментом любых переговоров должен быть вопрос о контроле. Только уверенность американцев, что они будут знать все о том, что происходит в других странах, могла убедить их раскрыть часть своих секретов. Абсолютно противоположного мнения придерживался заместитель государственного секретаря Дин Ачесон. Он полагал, что секреты ядерного оружия не удастся сохранять долго, и считал необходимым не создавать у Советов впечатления, что ревностное отношение американцев к монополии на атомное оружие имеет антисоветскую направленность. Он утверждал: «Невозможно, чтобы советское правительство, обладающее мощью и сознающее ее, не реагировало бы очень жестко на сложившееся положение. Оно должно будет и, конечно, станет действовать весьма энергично, чтобы компенсировать утрату прежней мощи в сложившейся ситуации».

Ачесон правильно оценивал реакцию Советов, но слишком опасался обидчивости Сталина. В итоге, наиболее реалистичную позицию занимал Трумэн, который в октябре 1945 г. впервые выступил в конгрессе по вопросу об атомном оружии. Он подчеркнул, что теоретические знания, на которых основано производство атомного оружия, широко известны. Поэтому и другие государства через какое-то время смогут создать свою атомную

бомбу, что означало бы открыть дорогу «безудержной гонки вооружений», которая способна привести к катастрофе. Единственной альтернативой этой угрозе могло бы стать соглашение между всеми странами, которые в состоянии создать атомную бомбу, об отказе использовать ее в военных целях. Необходимо было как можно быстрее начать дипломатические переговоры, и Трумэн заявил, что Соединенные Штаты будут вести по этому вопросу переговоры сначала с англичанами и канадцами, с которыми американцы были связаны совместными действиями во время войны, а затем и с другими странами.

Таким образом, принцип ведения переговоров лег в основу американской позиции, и задача заключалась в том, чтобы установить сроки и условия подобных переговоров. Во время встречи с Эттли и с канадским премьером Макензи Кингом в середине ноября 1945 г. американцы объявили позиции, по которым возможно достижение соглашения. Они предусматривали необходимость учреждения комиссии при Организации Объединенных Наций (ООН в то время еще не начала свою работу), чтобы вести переговоры на основе четырех принципов, каждый из которых должен был служить предшествующей стадией для перехода к последующей фазе переговоров. В соответствии с этими принципами требовалось установить полный обмен информацией в научных целях; установить контроль, чтобы гарантировать мирный характер использования атомной энергии; предусматривалось уничтожение атомного оружия и всех других вооружений, способных привести к массовым разрушениям; создание эффективной системы контроля с использованием инспекций и других средств, чтобы гарантировать страны, подписавшие такие соглашения, от неисполнения его другими странами.

Важно учесть этот пункт, согласно которому принцип учреждения инспекции вытекал из решения уничтожить все произведенное атомное оружие. Проект был умеренный и осторожный, и можно было использовать его как основу для продуктивной дискуссии, тем более, что на Московской сессии СМВД Бирнс сумел получить поддержку Советов по вопросу об учреждении специальной комиссии при Организации Объединенных Наций.

Бирнс поручил своему заместителю Ачесону и Давиду Е. Лилянталу, руководителю строительства гидроэлектростанции на реке Теннесси, подготовить окончательный проект, чтобы представить его в связи с началом деятельности ООН. После принятого Генеральной Ассамблеей ООН в январе 1946 г. решения создать Комиссию ООН по атомной энергии Ачесон и Лилянталь разработали свой проект. Он предусматривал создание Комиссии Орга-

низации Объединенных Наций, которая после проведения учета мировых ресурсов расщепляющихся материалов взяла бы на себя контроль «над всеми запасами обогащенного урана и тория» с обязательством предоставлять ресурсы только для мирного использования. Нарушители этого правила подлежали наказанию соответствующими контрмерами; Соединенные Штаты должны были решить в дальнейшем, как и когда прекратить производство своих атомных бомб.

Для представления этого плана в ООН Трумэн выбрал деятеля, который, как он надеялся, облегчит в дальнейшем прохождение через конгресс возможных соглашений. Речь шла о Бернарде М. Барухе, восьмидесятилетнем финансисте, который оказывал определенное влияние на процесс формирования некоторых американских политических решений. Этот момент следует подчеркнуть, потому что обычно говорят о переговорах 1946 г. по ядерному оружию как о переговорах по «плану Баруха». В действительности Барух появился на политической сцене в последний момент и его основной вклад заключался в том, что он потребовал включить в проект Ачесона-Лилиенталя поправку, согласно которой вопросы об атомном оружии должны были бы проходить голосование в Совете Безопасности без применения права вето, поскольку они касались проблемы, затрагивавшей интересы всех стран мира, а не только великих держав. Совершенно очевидно, что предложение американского финансиста вносило изменение в проект по очень важному вопросу и фактически делало невозможным принятие его Советами. С момента, когда Советы стали создавать свой атомный арсенал, у них не было никаких оснований соглашаться на контроль, лишавший их возможности реализовать право вето.

Трумэн и Бирнс понимали, что попали в трудное положение, и испытывали досаду, что выбрали Баруха представителем Соединенных Штатов в столь тонком деле. Тем не менее, было слишком поздно что-либо менять и поневоле пришлось позволить Баруху представить проект в измененном виде, что он и сделал 16 июня 1946 г. Казалось, американские предложения в версии Баруха были более «открытыми» и вильсоновскими, чем вариант, подготовленный государственным департаментом, потому что отменялось право вето в вопросе о контроле над ядерной энергией и проводилась «свободная и полная инспекция», когда это потребует; вариант Баруха обеспечивал теоретически неограниченную гарантию всем странам мира.

В действительности он отражал концепции, характерные для американских военных кругов. Это был бы подлинно «открытый» проект, если бы в то время все страны мира обладали знаниями,

необходимыми для мирного или военного использования атомной энергии. Однако в то время, исключая немцев, с одной стороны, только три государства на Западе уже добились существенных успехов на пути создания своих атомных арсеналов, а с другой — только Советы энергично стремились ликвидировать разрыв в военных потенциалах. Создать авторитетный международный орган, где у Советов не было бы права вето, означало бы навязать им, и только им, обязательство показать всем, на какой стадии находятся их научные исследования и подчиняться правилам, установленным этим авторитетным органом. Консультант Молотова по проблемам ядерной энергетики Дмитрий Скобельцын считал, что план Баруха делал невозможным развитие независимого производства, поскольку «контроль над ресурсами» был бы поручен «международной организации», находящейся, вероятно, под контролем американцев. Скобельцын утверждал: «Откажемся от этого контроля и будем со всей решительностью продолжать наши научные исследования и работу по подготовке нашего полностью независимого атомного производства так же, как американцы поступили во время войны». Молотов разделял эту точку зрения.

Поэтому не вызывает никакого удивления, что выступления советского представителя в ООН Громыко были жесткими и негативными. Он обвинил американскую делегацию в намерении подорвать единство великих держав в Совете Безопасности, так как она представляет проекты, «несовместимые с интересами Организации Объединенных Наций» и предложил альтернативный план, согласно которому международная конвенция запрещала бы производство и применение атомного оружия и предусматривала уничтожение уже произведенного атомного вооружения. Что касается контроля, инспекции, санкций и отмены права вето — все это решительно исключалось. Ошибка Баруха предоставляла Громыко возможность показать, что Советы были действительно против атомного оружия, предлагая уничтожить все уже существующее оружие, что сделало бы излишними инструменты контроля, противоречащие суверенитету государств и нормам ООН. В действительности проект Ачесона-Лилиенталя поставил бы Громыко в затруднительное положение, потому что требовал от него более аргументированного обоснования принципиальной враждебности Советов всему, что мешало их планам военной и экономической реконструкции. В этих условиях дискуссия осталась безрезультатной. Создание авторитетного органа, гарантировавшего только мирное использование ядерной энергии, оказалось невозможным. Реализм Сталина был обоснованным. Американцы утратили возможность избежать гонки вооружений, о которой

с опасением говорил Трумэн. К этому времени все понимали тяжесть предстоящего бремени и степень риска, вытекающие из создавшейся ситуации и осложняющие положение не будущее, уже чреватое конфликтами.

8.1.6. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

От всего того, что могло бы составить сущность «грандиозного плана» Рузвельта, почти ничего не сохранилось; остались лишь институциональные формы ООН; остался взаимный страх, что одни хотели бы доминировать над другими с использованием силы; осталось глубокое недоверие, отраженное в политической хронике.

Был только один вопрос, по которому державы-победительницы пришли к символическому согласию: наказание главных военных преступников. 8 августа 1945 г. они подписали в Лондоне соглашение об учреждении Международного военного трибунала в Нюрнберге, который начал свою работу 20 ноября, а завершил ее почти год спустя — 1 октября 1946 г. Приговор был вынесен 22 нацистским главарям, 12 из них были приговорены к смертной казни, 7 — к различным срокам тюремного заключения и 3 оправданы. Среди приговоренных к смертной казни были высшие нацистские деятели (такие, как Геринг, фон Риббентроп, фон Кейтель, Розенберг, Зейс-Инкварт и Мартин Борман, единственный кому удалось избежать наказания).

Решение победителей судить побежденных за зверства, совершенные нацистами, вызвало и тогда, и в последующем широкую дискуссию, потому что невозможно отрицать субъективность изложенной логической аргументации. Между тем, с более широкой исторической точки зрения процесс означал важный этап в развитии международного права, потому что был утвержден принцип, согласно которому даже во время войны существует предел, через который нельзя переступить; пренебрежение установленными ограничителями означает совершение «военного преступления», преступления, которое в любом случае наказуемо. Была собрана огромная масса документов и свидетельств о зверствах, совершенных по повелению Гитлера и ведущих нацистских деятелей. Издание этой документации составляет более 40 огромных томов и дает исчерпывающую фактическую базу, характеризующую агрессивную гитлеровскую политику, а также намеренное истребление евреев и других национальных меньшинств. Впервые был провозглашен принцип, что индивид не должен подчиняться приказам своего государства, когда оно нарушает

определенные установления международного права. Нюрнбергский трибунал заявил, что подлинная сущность новых принципов заключается в утверждении «международных норм, которые налагают на индивида обязательства, требующие от него пренебречь подчинением национальному государству». Генеральная Ассамблея ООН одобрила эти принципы единогласно 11 декабря 1946 г. Впрочем они не получили непосредственного практического применения и были использованы второй раз только против японских военных преступников, преданных суду специального трибунала, проходившего в Токио с мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Впервые в международное право было введено понятие, что преднамеренно агрессивная политика и ведение войны с особой жестокостью и террором являются «преступлениями международного характера». Сам этот принцип стал основополагающим для международного сообщества, находившегося на пороге важных перемен.

8.2. Приметы генезиса холодной войны

8.2.1. WE NOW KNOW? ТЕПЕРЬ МЫ ЗНАЕМ?

Известный американский историк Джон Гэддис, описывая в 1997 г. историю холодной войны на основе ранее недоступных советских источников, назвал свою книгу *We Now Know* (*Теперь мы знаем*), подразумевая, что прежде мы не знали правды и, наконец, нам стала известна истина. Высокопарность у него превалирует над критическим отношением. Сегодня мы знаем несколько больше о происхождении холодной войны. Трудно утверждать, что стали известны «подлинные» объяснения. Это, впрочем, не оправдывает незнания того, что известно из архивов советского времени в той мере, в какой они ныне доступны.

В период между сентябрем 1945 г. и весной 1946 г. рассеялась, как дым, надежда, что институциональный путь в политико-юридической области и многополюсный подход в финансово-экономической сфере станут базой для реконструкции новой международной системы. Вместо многополюсности возникла биполярность. Это означало, что существовал не один единственный способ реконструкции международной системы в глобальном масштабе; родилась биполярная система, поскольку были две державы-победительницы, и формы их реконструкции наполнялись различным содержанием: сложились две модели или «два лагеря», как позже сказал Сталин. Теоретическое обоснование разделению на «два лагеря» было дано в учредительном документе Коминформа; эти

два полюса стремились объединить вокруг себя все свободное пространство, но со временем образовался и «третий лагерь» — неприсоединившихся стран. Сразу после окончания войны причины, породившие трудности и разногласия, требовали доброй воли для поиска компромиссных решений, но они переросли в открытые столкновения, которые, постепенно обостряясь, сделали ситуацию необратимой. В эти месяцы стало ясно, что разгром Германии и закат европейской гегемонии не смогли элиминировать силовую политику, они только привели к смене векторов.

Анализировать эти проблемы означает рассматривать причины будущей холодной войны, как стали называть обострение отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом в период с начала 1947 г. по крайней мере до 1955 г. (при ограничительной трактовке этого понятия) или до 1989 г. (в таком случае за этой метафорой скрывалась очень сложная и фрагментарная картина). Подойти к анализу этого конфликта по его сути — не позволяя превалировать бесчисленному количеству эпизодов или предвзятой интерпретации событий, или бесконечной критике, обусловленной уже самой проблемой, в особенности в историографии, свободной обсуждать прошлое с использованием источников и применять в политике выводы из своих исследований — означает заняться трудными исследованиями в документальном и в концептуальном плане.

Советские источники стали доступны для историков только после 1990—1991 гг., а до этого времени большая часть советской историографии находилась под влиянием политической пропаганды; все эти моменты создают ограничения для работы историка, которые можно будет преодолеть лишь постепенно. Поэтому приходится ограничиться «взглядом извне», хотя и учитывая события в советской системе между 1985 и 1991 гг., что не может не повлиять на анализ послевоенных событий. Этот «взгляд извне» приобретает определенную упорядочность, если представить его в виде четырех периодов различной интенсивности и продолжительности, включающих различные проблемы, — впрочем, эти периоды связаны между собой развитием исторической ситуации:

а) период до конца 1945 г., когда Соединенные Штаты изменили восприятие Советского Союза от ненадежного союзника вначале, затем как противника и, наконец, как врага и в Европе, и в Азии;

б) этот пересмотр образа СССР был вызван закрытыми дебатами, происходившими в американской администрации в первые месяцы 1946 г., которые привели к существенному изменению отношения Соединенных Штатов к Советскому Союзу. Развее-

лись надежды на достижение компромисса и исчезли иллюзии осуществить, несмотря ни на что, универсальный «большой проект», оставленный в наследство Рузвельтом и пересмотренный Трумэн. Последний был убежден, что по отношению к Советам нужно проводить политику дистанцирования и противостояния, которая подпитывалась глубоким недоверием к стратегическим планам Сталина и уверенностью в способности Запада противостоять этим замыслам и сорвать их, дождавшись соответствующего момента;

в) в конце 1946 и весной 1947 г. поворот в отношениях, назревавший в предыдущие месяцы, открыто выразился в заявлениях и акциях в политико-дипломатической и экономической сфере, так что смысл новых намерений стал очевидным. Эти намерения заключались в решимости дать понять Советам, что Соединенные Штаты и часть Западной Европы безусловно будут развивать собственную политику реконструкции, которая принимала как неизбежный факт, наличие другого субъекта, во многих отношениях враждебного;

г) в 1948–1950 гг. к политическим проблемам добавились события военного характера в Европе и Азии. Политическое разделение мира с тех пор стало расколом мира на противостоящие друг другу военные блоки, нацеленные на достижение военного превосходства.

Итальянский дипломат Пьетро Кварони, обладавший необычайным даром наблюдения, будучи послом в Москве, писал в мае 1945 г.: «В настоящее время здесь господствует чрезвычайно эгоцентристское представление о собственной значимости и собственной силе, которое должно привести к умозаключению, что ради дружбы с русскими никакие уступки не будут слишком большими».

8.2.2. СТАЛИНСКАЯ ИМПЕРИЯ

Сталин стоял во главе огромной державы, добившейся победы в войне, но еще связанной со своим недавним революционным прошлым, и естественно испытывал недоверие ко всему, что не относилось к миру «реального социализма» как позже стали называть советскую систему. В победе он обрел обоснование для консолидации личной власти, возвысившись так, что оказался вне какого-либо контроля и мог подавить даже малейшее несогласие. Он использовал эту власть для достижения двух целей в международном плане: защищать безопасность СССР от любой угрозы и наращивать усиление СССР как мощной мировой дер-

жавы. Ничто не могло остановить его устремления к достижению этих внешних целей, даже условия существования советских граждан. Поэтому согласно пятилетним планам восстановления и реконструкции народного хозяйства ресурсы распределялись таким образом, что потребности государства превалировали над необходимостью повысить уровень жизни советских людей. Императив этой политики состоял в устранении всяческой, даже самой отдаленной угрозы.

Согласно подсчетам Алека Нове, одного из крупнейших исследователей советской экономической истории, в течение пяти лет, с 1945 по 1950 г., большая часть имеющихся ресурсов шла на реконструкцию и развитие тяжелой промышленности. Эта тенденция изменилась только после смерти Сталина. В целом, за указанное пятилетие 87,9% капиталовложений предназначалось для производства средств производства и только 12,1% вкладывалось в производство средств потребления, в том числе продуктов питания. Такую экономику скорее можно определить как военную, чем как экономику гражданской реконструкции (восстановления народного хозяйства). Действительно, предусматривалось к 1950 г. удвоить производство стали, которое в 1945 г. составляло 12,5 млн тонн, что и было достигнуто. Нове рассчитал индекс людских затрат: если заработную плату в промышленности в 1940 г. принять за 100, то в 1947 г. индекс заработной платы в реальном исчислении (а не в денежном, деформированном инфляцией) составлял 51, т.е. почти половину. В 1950 г. индекс вырос на 17%, что отражало некоторое повышение уровня жизни, хотя и в минимальных размерах. Только к 1953 г. средняя заработная плата достигла индекса 143 по сравнению с 1940 г. Между тем, инвестиции в военное производство продолжали расти. В 1950 г. они составляли 19% государственного бюджета, а в 1952 г. — около 25%.

Ощущение опасности, присущее Сталину, заставляло его делать упор на восстановление советского военного потенциала, даже ценой колоссальных усилий со стороны советских людей. Оно выражалось в его стремлении воспрепятствовать любыми средствами возможному снижению авторитета Советского Союза на международной арене либо из-за его внутренней отсталости, либо из-за разорения, которое страна претерпела вследствие германской агрессии. Именно националистическое чувство обостряло державную политику Сталина и толкало его к действиям во всех направлениях. Несмотря на то, что, фактически, СССР стал геополитическим колоссом, доминирующим в Евразии, Сталин не упускал из виду имевшиеся, как ему казалось, возможности. Преследуя геополитические цели, Сталин еще до окончания войны

предпринял ряд инициатив, направленных на преодоление вековых барьеров и достижение максимально возможного расширения сферы советского контроля. Территориальное продвижение в сердце Европы привело Советы в Кенигсберг (переименованный в Калининград), а оккупация Восточной Германии, контроль над Польшей и Финляндией привели к превращению Балтийского моря почти в советское озеро, хотя и не давали выхода в Северное море, открытое для легко доступных с моря территорий.

Для отношений с Польшей и странами Дунайско-Балканского региона был характерен переходный период. Он был обусловлен отчасти переговорами о мирных договорах и дискуссиями с западными союзниками о роли союзных контрольных комиссий, отчасти протестами западных государств в связи со спорной реализацией ялтинской Декларации об освобожденной Европе, отчасти в связи с очень специфической ситуацией, сложившейся в Чехословакии и Венгрии, где оставались коалиционные правительства с участием буржуазных политических партий. Но благодаря соглашению с Югославией и с Албанией, которое тогда не оспаривалось, Советы полагали, что обошли вопрос о закрытии проливов в Средиземное море. К этому следует добавить антиправительственную войну у северных границ Греции, которую вели прокоммунистически настроенные партизаны. Все эти события ставили вопрос о том, как далеко хотели бы Советы распространить свой контроль на Балканах, несмотря на соглашения, подписанные в Москве в октябре 1944 г.

Советы были заинтересованы в обсуждении вопроса о режиме судоходства в проливах и в складывании своих отношений с Турцией непосредственно с Анкарой. После того, как на конференции в Тегеране Сталин отверг предложение о включении Турции в войну, советская пропаганда обвиняла правительство Анкары в намерении продлить войну и в оказании немцам поддержки на Балканах. Только в конце января 1945 г. турецкое правительство заявило об открытии проливов для союзнического флота, который осуществлял поставки Советскому Союзу, и лишь 23 февраля объявило войну Германии.

Эта рассчитанная медлительность (в значительной мере согласованная с англо-американцами) дала Москве повод начать против Турции предупреждающие дипломатические выступления по всем направлениям. Во-первых, 21 марта 1945 г. Советы денонсировали договор о дружбе и нейтралитете, который связывал обе страны с 1925 г. (в иной форме, чем договор от 1921 г.); во-вторых, они стали предъявлять территориальные претензии, касающиеся возврата Советскому Союзу армянских городов Карс и Ардаган, которые

по договору 1921 г. отходили к Турции, а также претензии относительно пересмотра границы с Болгарией в пользу последней.

Еще более значительными были требования по вопросу о режиме судоходства через проливы, в отношении которого выдвигалось требование изменения конвенции Монтре от 1936 г. и предоставления СССР военных баз в Босфоре и Дарданеллах. Это было только начало давления, которое продолжалось в течение почти всего 1946 г., что не могло ни вызвать опасений у турецкой стороны. Но что гораздо важнее, весь комплекс советских требований демонстрировал, что в зоне Восточного Средиземноморья СССР не намерен больше ограничиваться пассивной ролью. Следует учесть, что с самого начала переговоров о мирном договоре с Италией советские делегаты добивались, чтобы СССР был бы предоставлен мандат на управление территорией Ливии или, по крайней мере, Триполитании. Эти домогательства наряду с давлением на Турцию и изменениями, которые происходили в это время в районе Адриатики, где просоветские силы захватили господствующие позиции, а также наряду с тем фактом, что в августе 1945 г. СССР добился права на участие в международном управлении Танжером — все вместе создавало мощный фронт советского продвижения. Складывалось впечатление, что Советы собираются заявить о своих интересах в Средиземноморье, конечно, не таких, как на Балтике, но достаточных для того, чтобы радикально изменить соотношение стратегических сил в регионе.

Англичане, при поддержке французов и при относительном равнодушии тогда американцев, должны были противостоять новой ситуации, когда впервые после 1833 г., Россия предстала как потенциальный соперник английской гегемонии в Средиземноморье. В 1945–1946 гг. речь шла лишь о выдвижении Советами своих требований (за исключением Адриатического моря), но именно эти требования отражали намерение играть новую, отнюдь не маргинальную роль, как это было в прошлом, что угрожало английским стратегическим интересам; их защита вызывала много противоречий между Англией и Италией вплоть до 1940 г.

Характеристику новой советской позиции дополняет иранский вопрос. Опасения, высказанные в Организации Объединенных Наций, относительно соблюдения сроков вывода советских войск — в течение шести месяцев с момента окончания войны — были не безосновательны. После окончания войны в Азии в Иранском Азербайджане, который входил в советскую зону оккупации, начались антиправительственные демонстрации, советские войска воздержались от их подавления, но даже англичане и американцы не заняли по отношению к ним жесткой позиции. Вдохновленные

этим, представители демократической партии Азербайджана, то есть компартии этой провинции, как и коммунистической партии, действовавшей во всем Иране (партии Туде), в декабре 1945 г. при поддержке нескольких тысяч выходцев из соседнего советского Азербайджана, свергли иранского правителя в Тебризе и провозгласили автономную республику. Началось осуществление социальных преобразований по советской модели. Более того, из Азербайджана волнения перекинулись в курдские провинции Ирана.

Потрясенное этими событиями, иранское правительство запросило вмешательство ООН, но не добилось реального результата. Вследствие этого в апреле 1946 г. правительство Тегерана было вынуждено заключить соглашение непосредственно с правительством Москвы, согласно которому в обмен на обещание вывода советских войск (которое произошло до 9 мая, на два месяца позже изначально предусмотренного срока) учреждалась кампания со *смешанным* капиталом (51% акций принадлежал Советам и 49% иранцам) для эксплуатации нефтяных ресурсов региона, при этом признавались особые интересы СССР в этой зоне. Кроме того, шахское правительство предложило коммунистической партии три министерских портфеля в правительстве Тегерана. Все эти соглашения и концессии были подписаны под давлением неблагоприятных обстоятельств в ситуации изоляции, в которой оказались иранцы. Возможно, Сталин раскаивался в своих поспешных действиях, когда спустя несколько месяцев восстание в Азербайджане вспыхнуло с новой силой, а позже меджлис, иранский парламент, отказался ратифицировать соглашения по нефтяным концессиям. С тех пор отношения между Ираном и Советским Союзом ухудшились на длительное время. В цепи геополитических событий, которую мы здесь пытаемся восстановить и очевидную для политических деятелей той эпохи, этот эпизод, ставший поражением для Сталина, добавлял еще одно звено, подтверждавшее стремление Советов отодвинуть границу их сферы влияния, установленную войной в регионе Персидского залива, богатого нефтью.

Затем обратимся к Азии. Мощное коммунистическое проникновение наблюдалось в Бирме, Таиланде и Вьетнаме: в первых двух странах отряды партизан вели войну в джунглях, во Вьетнаме организованные силы коммунистов доставляли много хлопот французам. Эти территории граничили не с Советским Союзом, а с Китаем; то, что происходило в Китае, не могло не вызывать тревоги. Поскольку Сталин продолжал признавать националистическое правительство Чан Кайши, то обострение гражданской войны и заметные успехи коммунистов в условиях, когда у власти

находилась коррумпированная, слабая в военном отношении и не способная консолидироваться партия Гоминьдан, позволяли предвидеть грядущие серьезные перемены. Кроме территорий, переданных, согласно Ялтинским договоренностям, Советскому Союзу за счет Японии, сохранялись проблемы в Северной Корее, где складывалась ситуация, похожая на германскую, но где Советы меньше испытывали давление международного контроля и сумели быстро поставить у власти администрацию коммунистического образца.

Таким образом, в целом, впечатление, что Советский Союз вышел из войны очень ослабленным и должен был бы полностью сосредоточиться на вопросах внутренней реконструкции, следует скорректировать, так как Сталин стремился удовлетворить свои амбиции в достижении абсолютной безопасности. Амбиции в достижении абсолютной безопасности или в дальнейшей экспансии советской державы? Существовала ли агрессивная политика СССР или существовала только необходимость консолидировать то, что уже было достигнуто? В таких случаях важно, прежде всего, знать, как подобная деятельность воспринималась бывшими союзниками: им не понадобилось много времени, чтобы изменить свою оценку намерений советского диктатора. Уже через несколько месяцев они увидели в его действиях стремление к мировому господству, которое опиралось на деятельность во всем мире коммунистических партий, связанных с Москвой и активно выступавших в защиту политики, осуществлявшейся кремлевским лидером. Даже самые сдержанные аналитики из американского генерального штаба уже в феврале 1946 г. пришли к заключению, что целью Советов было не революционное социальное восстание, а безопасность СССР. Советская концепция предполагала обеспечение высокого уровня безопасности: достижение защиты СССР, как писал Даниэль Ергин, «от любого вызова объединенных западных держав».

Весь этот геополитический аспект представлен нами здесь несколько искусственно с целью показать, что одновременно происходило в достаточно далеких областях и объяснить, как параллельно формировался ответ Запада. Этот ответ, изначально интуитивный и скорее в форме нескоординированных реакций, которые плюралистические демократии противопоставляли целостному плану единоличного правителя, сконцентрировался на критических проблемах, вызванных акциями Советов в разных регионах. Все это затем переплелось с важной темой борьбы с колониальной системой: значение этой проблемы Советы поняли не сразу и, возможно, позже американцев, но эта проблема в значительной

мере повлияла на принятие решений как западными правительствами, так и правительством Москвы.

В Европе показательным стал казус Германии, а в Азии — казус Кореи, у границ которой происходили грандиозные преобразования в Китае. Именно вокруг этих двух важных проблем развернулись события мирового значения, которые в обстановке растущего напряжения заставили говорить о холодной войне и способствовали перерастанию гонки атомных вооружений в соревнование за такое ядерное превосходство, что конфликт все больше приобретал характер военного противостояния. Дальнейшее распространение советского влияния заставляло американцев задуматься, как преобразовать атомное превосходство в инструмент достижения немедленных результатов; т.е. необходимо было выяснить, можно ли использовать против Советов «атомную дипломатию», чтобы поставить их в затруднительное положение.

8.2.3. МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ С МАЛЫМИ ДЕРЖАВАМИ «ОСИ»

Первый ответ на поставленный вопрос был дан на сессии Совета министров иностранных дел, созданной в Лондоне 11 сентября 1945 г. для обсуждения мирного договора с Италией и малыми государствами-союзниками Германии, т.е. Венгрией, Румынией, Болгарией и Финляндией. Договор с Италией подлежал рассмотрению первым, он затрагивал наиболее трудные политические вопросы и вызвал ожесточенную дискуссию. Это было связано с тем, что договор касался средней по масштабам страны, которая могла гордиться почти двухлетними союзническими отношениями с государствами антигитлеровской коалиции. К тому же она первая освободилась от фашизма и объявила войну Германии и Японии, введя в действие регулярную армию и силы Сопротивления на территории Италии и Югославии. Короче говоря, дискуссия о договоре с Италией могла бы вызвать ожесточенные споры. На более отдаленное время была запланирована дискуссия по другим мирным договорам. Поскольку они касались стран, находившихся в зоне военного преобладания Советов, то и обсуждались при этом не столько международные аспекты, сколько важные политические вопросы, так как в каждой из этих стран параллельно переговорам о мире формировались правительственные коалиции, которые, по мнению западных держав, находились под жестким советским контролем.

Именно в этой сфере западные представители, в частности Бирнс, развернули дипломатическое наступление. Для повестки

дня сессии западные деятели подготовили список вопросов, в котором первым пунктом предусматривалось обсуждение ситуации в Румынии. Речь шла не о мирном договоре, а об анализе полемики, возникшей в Союзнической контрольной комиссии, где Советы в соответствии с прецедентом, созданным англичанами и американцами в Италии в 1943 г., вели себя абсолютно независимо, не обращая внимания вначале на жалобы, а затем на все более энергичные протесты английского и американского представителей, и таким не очень джентльменским образом навязали советскую волю королю Михаяу.

Предложение обсудить румынский вопрос вызвало очень жесткую реакцию со стороны Молотова, который добился отмены этого пункта, угрожая в противном случае не участвовать в дискуссии по проектам, подготовленным британцами в отношении Италии. Уже с первых шагов было ясно, что Бирнс и вообще американцы глубоко ошибались, надеясь найти в Советах более покладистых партнеров по жизненно важным для них вопросам в расчете не провоцировать резкую реакцию новой американской мощи.

Нельзя сказать, что эти первые шаги предвещали удачное начало Лондонской сессии. В течение ее работы Бирнс пытался смягчить позицию Молотова, но на все повторные просьбы Советы отвечали в соответствии с Ялтинской декларацией об освобожденной Европе. Единственное, чего добился Бирнс, так это того, что они подняли цену за свое сотрудничество, потребовав учредить Союзническую контрольную комиссию также для Японии, находившуюся тогда под единоличным управлением генерала Макартура.

В этой обстановке началась дискуссия по проекту, касавшемуся Италии. Великобритании было поручено подготовить проект договора с Италией, уже в начале сентября она ознакомилась с выработанным текстом другие заинтересованные делегации. Проблема заключалась в том, чтобы в нем нашло отражение обещанное американцами правительству Рима, т.е. «справедливый мир», который учитывал бы вклад Италии в борьбу с нацизмом. Исключая технические решения большой, но временной значимости (относительно разоружения, демилитаризации определенных частей итальянской территории или репараций), некоторые вопросы стали проверкой для победителей, сумеют ли они найти компромисс для ситуаций, в которые сами они не были вовлечены.

В самом деле, в договор с Италией входили положения, не имевшие первостепенного значения, но вызвавшие острые споры, по крайней мере, это относилось к колониям и к вопросу ус-

тановления северных границ Итали: с Францией, с Австрией и, прежде всего, с Югославией. С Францией, потому что правительство Парижа, смягчив весной 1945 г. свои претензии на Валле-Д'Аоста, очень жестко потребовало небольших территориальных изменений вдоль Альпийского хребта, в районе Брига — Тенды, и настаивало на этом требовании. Поддержка Италии Францией по всем другим вопросам мирного договора была обусловлена удовлетворением этого требования. Граница с Австрией — потому, что в связи с возрождением независимой Австрийской республики, возник вопрос о будущем района Альто Адидже (Южный Тироль), который Советы упрямо считали уступкой Австрии, в то время как другие державы, в частности Соединенные Штаты, склонялись к решению вопроса посредством плебисцита. Граница с Югославией — потому, что разрыв между спорными позициями — то есть намерениями Югославии и ожиданиями Италии, были весьма значительными.

Итальянцы знали, что их ожидают территориальные потери, что предстоит вернуть Словении и Хорватии территории, где проживали словенцы и хорваты; они знали также, что должны заплатить ценой территорий и экономических потерь за фашистскую агрессию 1941 г. Тем не менее, они надеялись преодолеть эти трудности, используя этнические линии, намеченные в 1919 г. американцами, англичанами и французами, которые оставляли Италии большую часть, если не все западное побережье Истрии с многочисленными небольшими портами, населенными большей частью итальянцами. Югославы, в свою очередь, решительно потребовали передачи им всей области Венето-Джулия, вплоть до Монфальконе и Гориции, а также небольшой части итальянской территории в Тарвизио. Ни одна из двух сторон не участвовала непосредственно в этой фазе переговоров, но итальянские предложения нашли достаточно решительных защитников в лице западных держав, а югославы получили твердую поддержку со стороны Советов, которые считали приобретение дружественной страной порта Триест стратегической удачей исключительной важности.

Наряду с этими вопросами обсуждалось будущее бывших итальянских колоний: Эритреи, Сомали, Ливии и островов Додеканеса. На Эритрею выдвигала свои претензии Эфиопия; Додеканес по этническому характеру населения должен был перейти к Греции, несмотря на то, что архипелаг до 1912 г. принадлежал Османской империи; неопределенной была судьба Сомали, к которому проявляли интерес англичане, но участники сессии СМВД скорее были склонны учесть пожелания Италии. Еще более неясной была судьба Ливии, в особенности после того, как Советы,

ссылаясь на принцип компенсации ущерба, понесенного вследствие участия Италии в нацистской агрессии, требовали не только возмещения урона от военных действий, но и предоставления им опеки над этой территорией или другими бывшими итальянскими колониями, чтобы получить возможность проникнуть в Африку и, как подозревали американцы, приблизиться к конголезскому урану, во всяком случае, получить базы в Средиземноморье в соответствии с новой стратегией присутствия в этом регионе.

Вопрос о границах с Югославией и вопрос о колониях наметил четкую демаркационную линию между тем, что требовали Советы, и тем, что западные державы склонны были уступить. Дело было уже не в договоре с Италией, а в тех последствиях, которые, в результате удовлетворения советских требований, могли бы повлиять на ситуацию, особенно в Средиземноморье, а также на положение в Африке и на контроль над добычей минеральных ресурсов вообще. Напряжение быстро нарастало, и уже невозможно было достигнуть какого-либо соглашения, оставалось лишь поручить группе экспертов изучить вопрос об итало-югославской границе. В вопросе о колониях западные державы проявили твердость, англичане и американцы постарались не допустить, чтобы в этой сфере Советы добились даже минимального выигрыша.

Переговоры о мирном договоре с Италией отражали невозможность достижения компромисса относительно Балканских стран. Именно по этому вопросу во второй половине 1945 г. выявились серьезные противоречия между двумя сторонами, что укрепило сомнения американцев в возможности сотрудничества с Советским Союзом. Вопрос затрагивал не только три страны, бывших участниц «Оси», а всю Восточную Европу, поскольку советская политика рассматривалась и оценивалась западными державами как нечто целостное, как плод великодержавных намерений и единого плана, а такая политика требовала организованного отпора, хотя объективно сталинская политика, возможно, и была иной. Следует подчеркнуть эту склонность Запада не видеть разнообразия подходов Советского Союза к проблемам различных европейских стран, находящихся под его контролем, что дало результат, противоположный желаемому, т.е. западные державы подтолкнули Советский Союз к формированию в Восточной Европе однородного блока, полностью разделявшего позиции Сталина.

Результат этот не был единственно возможным, и при ином отношении западных держав он мог бы быть совершенно другим. Иначе говоря, если невозможно было обсуждать со Сталиным проблемы обеспечения безопасности и неприкосновенности гра-

ниц советских «владений», то оставался открытым вопрос, неизбежно ли было создание подобного блока или был допустим некий *modus procedendi*, при котором международное преобладание СССР могло бы сочетаться с относительным различием ситуации в странах-сателлитах, оставляя им некоторую свободу выбора по внутренним вопросам. Короче, была ли неизбежной сталинизация Восточной Европы или иное развитие отношений между участниками агонизирующего военного союза помогло бы избежать подобного результата?

Если анализ проблемы и имел место в годы холодной войны и вплоть до недавнего времени, то ответ на эти вопросы обычно бывал четким и однозначным. Сталин сказал однажды Миловану Джиласу, одному из крупнейших деятелей югославской компартии и ближайшему в те годы сподвижнику Тито (Джилас рассказывает об этом в своих мемуарах): «Эта война отличается от всех предыдущих: кто занимает территорию, тот устанавливает свой собственный общественный строй. Каждый вводит свою систему там, куда вступает его армия. Иначе и быть не может».

На основании этой фразы, сказанной во время долгой беседы, содержавшей также и остроумные ответы, были сделаны категоричные выводы, будто бы в этой фразе кратко изложена предварительно продуманная концепция, а не просто случайное рассуждение. Однако, ни одна из гипотез не может быть исключена. *A posteriori*, «монолитная» интерпретация представляется наиболее вероятной. Тем не менее, как недавно отметил Войтех Мاستны, методы формирования советского блока были весьма далеки от того, чтобы подтвердить столь последовательную и однозначную установку. Слишком много примеров неуверенности и колебаний говорят о том, что в действительности советское внимание к странам Восточной Европы было различным по степени заинтересованности; Сталин и Черчилль в октябре 1944 г. пытались представить это в процентном соотношении. Польша, Румыния и Болгария были для Советов абсолютным приоритетом; Чехословакия, Венгрия, Албания, Югославия и Финляндия относились к другой категории, что и проявилось в практической политике.

8.2.4. ПОЛИТИКА СТАЛИНА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В Польше после миссии Гопкинса мая 1945 г. было в июне сформировано правительство, в состав которого вошел 21 министр, 16 из них были членами Люблинского комитета, остальные представителями эмиграции, либо других «буржуазных» партий. Президентом республики стал коммунист Берут; премьер-мини-

стром был назначен социалист Осубка-Моравский, вице-премьерами — лидер коммунистов Гомулка и главный представитель правительства в изгнании — Миколайчик, который согласился лично проверить устойчивость компромисса. Значительная часть партий участвовала в формировании правительства добровольно, другая часть вошла в польскую политическую систему, воплощая проект компартии об использовании разных форм и для сохранения видимости плюрализма.

Согласно Ялтинским соглашениям, это правительство должно было организовать «как можно быстрее» всеобщие выборы. Коммунисты, которые в конце 1946 г. объединились с социалистами в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП), пытались выступить на выборах единым списком, включив в него также и «буржуазные» партии. Однако им не удалось осуществить свои намерения в отношении наиболее авторитетной партии — Польске странництво людове, которую как раз и возглавлял Миколайчик. Постоянная работа в правительстве выявила и подпитывала возникшие разногласия. Постепенно, но непреклонно манипулируя избирательными списками, контролируя средства пропаганды, прибегая к арестам, ПОРП стала ведущей партией в демократическом блоке, который готовил выборы. Ситуация была противоречивой: внешне казалось, что коалиционное правительство противостоит этому давлению, фактически уже во второй половине 1945 г. Польша оказалась под жестким контролем.

Во имя защиты высших советских интересов польское коалиционное правительство 19 сентября 1945 г. подтвердило ответственность Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, подписанного Люблинским правительством 21 апреля, т.е. до окончания войны, и направленного против Германии. Договор содержал статью, которая обязывала договаривающиеся стороны, и в первую очередь Польшу, не подписывать соглашений с третьими странами, направленных против другой стороны. Но ситуация в Польше была особой: от Рузвельта до Черчилля и Трумэна все западные правительства не добивались от польского правительства, чтобы оно соблюдало плюрализм по существу, а не только по форме. Таким образом, судьба страны была предопределена со второй половины 1943 г. Уже в 1944 г. Люблинское правительство приняло декрет о национализации промышленности; в июне 1946 г. новое коалиционное правительство провело референдум о ликвидации сената и создании однопалатного парламента, о признании новых границ Польши и одобрении аграрной реформы, а также о «конфискации основных отраслей экономики».

Миколайчик выступил против ликвидации Сената, он получил по этому вопросу поддержку 75% участвовавших в референдуме и провалил предложение коммунистов. Тем не менее, коммунистические руководители воспрепятствовали признанию подлинных результатов референдума и сфабриковали ложные. Затем коммунисты, объединившись с социалистами, почувствовали себя достаточно уверенно для победы на выборах, которые были назначены на январь 1947 г. и обеспечили 90% мест «демократическому блоку». Опозиция была поставлена в такие политические условия, что Миколайчик, даже будучи избранным в парламент вместе с другими 26 депутатами своей партии, вынужден был покинуть Польшу в октябре того же 1947 г.

Формально иной была ситуация в Румынии и Болгарии, в двух побежденных странах, в которых осуществлялась военная оккупация под управлением союзных контрольных комиссий. В 1945 г. внутри этих комиссий американские представители после этапа их относительного равнодушия стали оказывать давление, чтобы добиться непосредственного участия в реорганизации правительств Румынии и Болгарии. Положение было, в сущности, урегулировано соглашением между Сталиным и Черчиллем, однако в нем не участвовали Соединенные Штаты; американские представители апеллировали больше к ялтинской Декларации об освобожденной Европе. Но этот аргумент на практике был неэффективным, его ослабляли неоднократные заявления Советов о возможности применять к этим двум странам те же критерии, согласно которым Союзная комиссия действовала в Италии: тот, кто оккупировал, нес военную ответственность и осуществлял контроль, тот и должен был обладать почти исключительной властью.

Таким образом, выявилось значение «итальянского прецедента», но его повторение в новом климате 1945 г., особенно после Ялты и после кончины Рузвельта, неоднократно порождало столкновения между советскими военными и дипломатами и американскими военными и дипломатами, которых более или менее спонтанно поддерживали англичане.

Первый конфликт произошел в Румынии, где было много причин для трений, особенно после того, как 27 февраля 1945 г. советский заместитель министра иностранных дел Вышинский, воспользовавшись организованными на площади демонстрациями против умеренного монархического правительства генерала Радеску, в грубой и ультимативной форме заставил короля Михая отправиться в отставку Совет министров, сместить Радеску и поставить во главе кабинета другого «буржуазного» деятеля Петру Гроза.

6 марта Гроза сформировал коалиционное правительство, в котором доминировали коммунисты. Американцы отказались признать новое правительство, протестуя против методов его формирования. Спустя несколько дней после создания правительство Гроза, используя вполне обоснованные аргументы, объявило 22 марта о проведении радикальной аграрной реформы.

Американская дипломатия безуспешно пыталась изменить положение вещей, поддерживая короля и его слабое сопротивление правительственным мерам. Но любая попытка реорганизовать правительство Гроза, предложенная американскими представителями в Контрольной комиссии, решительно отвергалась Советами. После напряженных споров на Лондонской сессии Совета министров иностранных дел Трумэн поручил американскому послу в Москве Гарриману встретиться непосредственно со Сталиным, который в то время отдыхал в Крыму. На этой встрече, состоявшейся 24 и 25 октября 1945 г., было решено созвать в декабре в Москве Совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, но на ситуацию в Румынии оно не повлияло. Внешняя респектабельность правительства Гроза была омрачена инцидентами 8 ноября 1945 г., когда вооруженные отряды открыли огонь по нескольким тысячам манифестантов, по традиции столпившимися под стенами королевского дворца, чтобы приветствовать короля по случаю его именин. Политический характер демонстрации был очевиден, но столь жестокие репрессивные меры лишь усилили впечатление, что правительство Гроза, направляемое Советами или желающее им угодить, не церемонится в выборе средств. Эти инциденты не способствовали развитию добрых отношений между победителями. Они произошли после договоренности возобновить дискуссии по мирным договорам, а также после выступления президента Трумэна 27 октября в Нью-Йорке, где он произнес свою первую важную программную речь по вопросам внешней политики.

Трумэн в этом выступлении отметил, в частности, что расхождения во мнениях и противоречия между победителями после окончания военного конфликта являются неизбежными, и высказал соображение, что «между победителями (в тот момент) не было никаких столкновений интересов, которые имели бы настолько глубокие корни, что бы их нельзя было разрешить», сочетая «терпимость и твердость». Между тем, он выделил, как один из опорных пунктов своей международной деятельности, следующий принцип: «Мы отказываемся признавать любое правительство, силой навязанное какому-либо государству другой державой. В определенных случаях бывает невозможно воспре-

пятствовать насильственному установлению таких правительств. Но Соединенные Штаты никогда не признают их».

Позиция Америки была позицией выжидания, американцы слабо реагировали на польские события, но достаточно резко на румынские или на то, что происходило в Балканских странах. В Болгарии Патриотический фронт, который руководил Соппротивлением и в котором ведущую роль играли коммунисты, сразу после заключения мира создал правительство патриотического единства под руководством военного, полковника Симона Георгиева, выходца из группы Звено, ранее занимавшей крайне правые позиции, а затем выступившей вместе с коммунистами. Это объединенное правительство продолжало свою работу до осени 1946 г., но его состав постоянно изменялся, в результате чего за короткий срок оно попало под контроль коммунистов. Достаточно вспомнить, что после подписания мирного договора задача по поддержанию порядка была поручена милиции, прямому порождению Соппротивления. Быструю и радикальную чистку осуществили без промедления: свыше 2000 осужденных были приговорены к смертной казни, среди них принц- регент Кирилл.

Выборы были подготовлены быстро, в них участвовали партии, не имевшие четкой организации, и блок под вывеской Патриотический фронт, который на выборах 18 ноября собрал почти 90% голосов. Но именно эти выборы, ставшие прелюдией к установлению полного контроля коммунистов над правительством, послужили для американцев основанием оказать давление в связи с нарушениями, допущенными во время избирательной кампании. Тем не менее, победители в течение всего периода переговоров о мирных договорах, сохраняли открытый характер режима, многопартийную коалицию, которая больше по форме, чем по существу, свидетельствовала об отсутствии ужесточения сталинского контроля над Софией.

Вне советской территории такие страны, как Болгария, были связаны с Россией традиционными узами; другие страны Дунайско-Балканского региона должны были избрать свою судьбу, но на практике это относилось только к Чехословакии и Венгрии. В Албании после отхода последних германских солдат, партизаны-коммунисты контролировали всю территорию, за исключением отдельных горных районов, которые удерживали сторонники бывшего короля Зогу. С конца 1944 г. коммунистические отряды изгнали эти формирования, и они перестали пользоваться влиянием. Генеральный секретарь партии труда (т.е. коммунистической) Энвер Ходжа, уверенный, что контролирует всю страну, создал Демократический фронт, который уже 2 декабря 1945 г. одержал

победу на выборах, получив большинство в 93% голосов. С тех пор Ходжа сумел противодействовать заговорам своих противников (например, начальника политической полиции Кочи Дзодзе, пользовавшегося поддержкой Сталина) и попыткам политических переворотов вплоть до самой своей смерти в 1985 г. Централизованный по сталинскому образцу режим существовал до 1990 г., когда правительство Тираны неуверенно приступило к первым реформам, на которые оказала влияние нестабильная ситуация в Югославии.

Ялтинские соглашения предусматривали также возврат Югославии к плюрализму. В марте 1945 г. маршал Тито сформировал правительство национального единства, в котором пост министра иностранных дел занял Шубашич, а другие посты были отданы представителям различных национальностей Югославии. Практически из 28 министров 23 были коммунистами. Тито чувствовал себя подлинным освободителем собственной страны от немцев и не был более склонен следовать советским рекомендациям, в особенности после кризиса, связанного с занятием Триеста. Он не считал, что процесс утверждения его личной власти и гегемонии коммунистической партии должен проходить поэтапно и постепенно. В течение нескольких месяцев была проведена жесткая и суровая чистка и приняты первые нормы, подавляющие свободы. На 11 ноября 1945 г. были назначены выборы в Учредительную скупщину, на которых предлагался только один список — кандидатов Народного фронта, и хотя 10% избирателей воздержалось от голосования, победа Народного фронта была триумфальной — он получил 90% голосов участвовавших в выборах. 29 ноября Учредительная скупщина на своем первом заседании провозгласила рождение Федеративной Народной Республики Югославии.

Таким образом, именно в Албании и Югославии советское влияние должно было бы быть меньшим, но политическое развитие шло в направлении укрепления коммунистической монолитности. Было ли это именно то, к чему стремились Советы? Учитывая происходившее в Польше, Болгарии и Румынии, следует ответить нет. Поспешность вызывала тревогу. В двух Балканских странах и, в особенности, в Югославии репрессии Тито против оппозиционеров, против священников вообще и против хорватской католической церкви, в частности, вызывали тревогу и опасения относительно того, что же подобные режимы могут еще сделать на остальной территории, находившейся под советским влиянием. Это создавало трудности для дипломатии Москвы, которая старалась держать открытыми каналы переговоров и убедить американцев признать польское правительство (что и произошло

в октябре 1945 г.), но в особенности правительства Румынии и Болгарии, которые в декабре 1945 г. еще не были признаны. Поспешность плохо сочетается с заранее продуманным планом, она, скорее, противоречит ему, поскольку для такого плана характерны постепенность и соответствие здравому смыслу.

Красноречивыми примерами такого рода были Чехословакия и, в еще большей степени, Венгрия. В самом деле, казус Чехословакии не имел и, казалось, не должен был иметь особых характерных черт. Пражское правительство принадлежало к группе стран-победительниц, восстановленных после войны и решивших вернуться к демократическому парламентскому режиму, а во внешней политике — к тесному сотрудничеству с Советами. Во время визита в Москву Бенеша в декабре 1943 г. был подписан договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Чехословакией. Бенеш внезапно предложил Сталину и Молотову взять Чехословакию под советское покровительство, обещав не принимать каких-либо решений во внешней политике без предварительной консультации с правительством Москвы. Таким образом, уже тогда были заложены основы событий 1948 г.

В такой ситуации Бенеш в апреле 1945 г. вернулся в страну и поручил социал-демократу Фирлингеру руководство коалиционным правительством, где коммунистам принадлежало 8 министерств из 25, (важнейшее из них — министерство внутренних дел — было поручено Клементу Готвальду), коммунисты получили также министерство информации. 5 апреля правительство Фирлингера распространило программный манифест подчеркнуто реформистского и демократического содержания. Выборы были перенесены на май 1946 г., но политическая жизнь возобновилась в своих обычных формах, несмотря на послевоенную напряженность и последствия отделения Словакии во время войны. За всем этим последовал суд над монсеньором Тиссо, приговоренным к смертной казни, и другими коллаборационистами. Именно в связи с этими событиями проявились первые симптомы враждебности к католической церкви и первые признаки определенной склонности к инквизиторским методам, которые превышали потребности антифашистской чистки. Тем не менее Запад смотрел на Чехословакию как на модель сосуществования, показавшую возможность участия в правительстве таких людей как Массарик, сын экс-президента республики, как Бенеш в качестве главы государства, не представляя, что эти деятели спонтанно сделали свой выбор, обусловленный, возможно, горькими воспоминаниями 1938 г.

То же самое относится и к венгерским событиям, потому что после выхода из войны и советской оккупации Венгрия была страной, где несмотря на существовавший политический вакуум, скрытое напряжение и непримиримость партий, политическая жизнь в течение всего 1945 г. развивалась достаточно нормально в соответствии с требованиями времени. В Венгрии, единственной из всех стран Центральной Европы, к которым была обращена ялтинская Декларация об Освобожденной Европе, дважды прошли «совершенно свободные и справедливые» выборы и оба раза коммунистическая партия потерпела сокрушительное поражение. Она была единственной страной, в отношении которой разногласия между представителями держав в Контрольной комиссии не достигали такой остроты, как в отношении Румынии и Болгарии, она была также единственной страной, за которой единодушно без каких-либо трудностей всеми державами был признан «сертификат» на демократичность. Ведущие партии Венгрии достигли согласия о необходимости осуществления аграрной реформы и скорейшего проведения выборов; к тому же коммунисты не были намерены создать, как обычно, Народный фронт, поскольку в этом вопросе их сдерживали Советы.

22 декабря 1944 г. было сформировано Временное национальное правительство, продержавшееся у власти до 15 ноября 1945 г., его возглавил генерал-полковник венгерской армии Бела Миклош, а в состав входили правительства еще двое военных и представители разных партий, в том числе двое коммунистов. В октябре 1945 г. состоялись выборы в органы городского управления Будапешта. Коммунисты, возглавляемые Матиасом Ракоши, надеялись добиться показательного успеха, который увлек бы за собой всю страну, но на выборах потерпели позорный провал, «столь же сокрушительный, сколь и неожиданный». В течение некоторого времени они намеревались прибегнуть к силе; затем пытались исправить положение, реорганизовав правительство. Теперь пост министра внутренних дел получил Ракоши, но ему этого удалось добиться только при условии, что министра фланкировали два государственных секретаря от других партий, один из которых, представитель партии мелких сельских хозяев, курировал полицию: этот компромисс помог удержать трудно сложившееся равновесие. Парадоксально, но ситуация в Венгрии не способствовала усилению напряженности международной обстановки, а представляла один из элементов возможного согласия и компромисса.

Всеобщие выборы, от участия в которых были отстранены только «коллорационисты», состоялись 4 ноября 1945 г. и принесли успех партии мелких сельских хозяев (57% голосов и 246 мест),

в то время как коммунисты получили только 70 мест. Новое правительство, возглавляемое сначала Зольтаном Тильди, а с февраля 1946 г. Ференцем Надем (не путать с представителем коммунистов Имре Надем), было многопартийным коалиционным правительством, оставшимся у власти до 31 мая 1947 г.

Таким образом, накануне возобновления работ Совета министров иностранных дел венгерская ситуация была весьма неоднозначной в сравнении с положением в других странах Восточной Европы, и не отражала мнение, что венгерский казус якобы был окончательно решен и не могло быть и речи о включении страны в советскую орбиту. Конечно, советское присутствие было господствующим, но положение в Венгрии (как и в Финляндии) представляло одну из моделей советского политического влияния, которое оно могло бы принимать в обстановке международного сотрудничества. Иначе говоря, Венгрия стала образцом для тех, кто намерен был утверждать, что сталинизация зоны советского влияния не была неизбежной. Премьер-министр Надь это прекрасно понимал, когда предлагал «поддерживать как можно более тесные отношения с Россией», не надеясь на достаточно эффективную помощь Запада, и сознавая, что, «успех или провал венгерского демократического эксперимента зависят окончательно от силы воли, то есть от эволюции отношений между великими союзными державами: чем более напряженными они будут, тем хуже станут отношения в Будапеште между отдельными компонентами правительственной коалиции» (как писал Бруно Арчидиаконо).

Общие замечания о странах, контролируемых или находившихся в зависимости от Советского Союза, не дают исчерпывающей картины того, что происходило в каждой из них, но позволяют представить достаточно четко общую картину событий в каждой из них в начале наиболее сложной фазы переосмысления внутренних отношений в огромном содружестве и в то же самое время объясняют ход Московского совещания министров иностранных дел трех держав.

8.2.5. К КОМПРОМИССУ О МИРНЫХ ДОГОВОРАХ С МАЛЫМИ ДЕРЖАВАМИ

Работа Московского совещания продолжалась с 16 по 27 декабря 1945 г. и, в отличие от Лондонской сессии СМВД, завершилась достижением компромисса. Чтобы понять, почему это соглашение стало возможным и какова была вызванная им реакция, необходимо учесть одно особое обстоятельство. После своего

«полного» провала в Лондоне Бирнс решил отказаться от метода «атомной дипломатии» и вернуться к дипломатии компромиссов, которая была результативной для обеих сторон. Он продолжал двигаться в этом направлении в одиночку, поскольку его сотрудничество с Трумэном было нелегким и ненадежным. Еще менее он мог рассчитывать на доброе расположение государственного департамента, где число сторонников жесткой политики в отношении СССР постоянно возрастало.

Бирнс, напротив, считал, что вести с Балканского полуострова позволяют увидеть слабый луч надежды, хотя и вызывают озабоченность. Чтобы лучше понять реальность не только по официальным докладам, он решил послать осенью 1945 г. специальную миссию в Болгарию, Румынию и СССР, которая состояла из двух его представителей — Марка Этриджа, журналиста и политика *либеральных* взглядов и с большим опытом, и вместе с ним Сирила Блэка, молодого историка из Принстона. После длительной поездки в страны, находившиеся под советским контролем, они представили Бирнсу более чем пессимистический доклад. Его суть заключалась во фразе, которая определяла как «опасную и нереальную» любую попытку компромисса с Советами в отношении какой-либо оккупированной ими территории. Только жесткая политика могла бы принести некоторые результаты, потому что иных средств заставить Москву задуматься не было.

Бирнс не довел этот доклад до сведения общественности, напротив, полагал, что в нем содержались элементы, позволяющие осуществить некоторый маневр. Он считал, что в соответствии с линией поведения, выработанной Рузвельтом, возможно добиться существенного успеха и восстановить климат Ялты, изменить ход событий, ведущий к конфликтам, и взять курс на достижение компромисса. Это, по его мнению, позволило бы начать диалог между странами-победительницами не только в отношении Балканских стран или Италии, но и по такому сложному вопросу как мирный договор с Германией, заключение которого было невозможно без соответствующих гарантий и взаимных уступок.

Во время работы Московской совещания Бирнс, исходя из этого мнения, пытался лично убедить Сталина, что возможны некоторые изменения в румынском и болгарском правительствах, и это устранило бы причины их непризнания Соединенными Штатами Америки; в обмен он обещал создание Союзнической комиссии для Японии, в которую входил бы и Советский Союз. Это была по существу сделка, лишенная конкретного содержания, но она весьма облегчила достижение компромисса по процедуре подготовки мирных договоров, которые должны были стать

едиными и превратить договор с Италией в специфический казус в связи с систематическими требованиями Советов в отношении стран Восточной Европы. Было решено, что мирная конференция для окончательного подписания текстов договоров состоится в Париже в мае 1946 г.

Бирнс вернулся домой, убежденным, что добился хороших результатов, к тому же первая реакция общества и отдельных лиц подтверждала его впечатление. Как пишет Бирнс в своих мемуарах, Трумэн, который захотел принять его сразу после возвращения в Вашингтон, неоднократно выражал свое одобрение; из всех советников президента только адмирал Леги выразил недовольство компромиссом, достигнутым относительно Болгарии и Румынии. У Бирнса было мало времени, чтобы осмыслить эту реакцию, потому что после краткого пребывания на родине ему предстояло отправиться в Лондон, где должно было состояться открытие первой сессии Организации Объединенных Наций. В действительности у него было много причин для беспокойства, потому что именно в это время обострились дебаты в американской администрации. Он сам невольно способствовал этому, пойдя на компромисс с Москвой. Последний был оценен как уступка, не получившая достойной компенсации, бесполезная политическая акция, заслуживавшая порицания, или, как выразился Джордж Кеннан, «это был фиговый листок демократических процедур, который прикрывал срам сталинской диктатуры».

Сообщения, поступавшие из Восточной Европы, хотя и были несколько смягчены информацией из Чехословакии и Венгрии (но даже они не были лишены некоторой озабоченности), заставляли переосмыслить основные направления американской внешней политики и постепенно убедили подавляющую часть американского истеблишмента в необходимости смены курса.

Этот поворот, конечно, имел глубокие причины: большая часть американского истеблишмента питала глубокую неприязнь в отношении советского коммунизма — она была уверена, что военное сотрудничество было лишь вынужденным эпизодом и его необходимо как можно быстрее завершить. Это мнение было широко распространено в двух группировках американского общественного мнения: на правом фланге его представляла республиканская партия, а на левом — *либеральные* демократы.

Республиканцы подвергали критике Советы и мнимую слабость Трумэна, но более всего Бирнса. Для *либеральных* демократов были неприемлемы какие-либо компромиссы в вопросе о демократических нормах. Эти настроения подкреплялись как информацией дипломатического характера, так и сообщениями о развитии

событий внутри советской системы. Жесткость и неисполнение ялтинских договоренностей; очевидная склонность советских властей оказывать поддержку коммунистическим партиям в оккупированных странах; принятие законодательства о реформах по советской модели там, где складывался перевес сил; совершенно очевидные ограничения религиозной жизни и, в некоторых случаях, преследования священников и представителей церковной иерархии; ограничения политических свобод — все это маскировало основную цель советской политики: стремление к безопасности, которым руководствовался Сталин; все это придавало его политике характер неоправданного произвола. Казалось, американцы пассивно воспринимали сложившуюся ситуацию, но в целом их политика предусматривала важные экономические соглашения. Фактически страны Восточной Европы, а также и СССР, оставались вне экономического объединения под американской эгидой. Со своей стороны Советский Союз заключил торговые соглашения в марте 1945 г. с Болгарией, в мае — с Румынией, в августе — с Венгрией, которые послужили прелюдией к созданию в январе 1949 г. Совета Экономической Взаимопомощи, известного под аббревиатурой СЭВ.

8.2.6. К «ЖЕЛЕЗНОМУ ЗАНАВЕСУ»

Период с января по март 1946 г. был отмечен чередой кризисных моментов. Когда Бирнс вернулся из Москвы, Трумэн принял его, не проявляя недовольства, но у него уже копилась досада на государственного секретаря. Президент не одобрял его методы, упрекая Бирнса в том, что тот недостаточно последовательно выполнял директивы Белого дома. Возможно, это так происходило по причинам личного характера (Трумэн узнал о предложении занять пост вице-президента, когда большая часть американского политического истеблишмента ожидала, что выбор падет на Бирнса), возможно в силу независимого характера самого Бирнса, который считал, что может самостоятельно решать достаточно широкий круг вопросов. Поэтому выражение первоначального одобрения быстро сменилось высказываниями в совершенно ином тоне, в особенности после того, как Бирнс с большим опозданием — только 2 января, и, можно смело сказать, допустив некоторую вольность, ознакомил Трумэна с текстом доклада Этриджа, подготовленного в начале декабря. В докладе выражалась столь глубокая обеспокоенность в связи с положением в Европе, что Бирнс рекомендовал не разглашать содержание документа, к тому же общий смысл доклада можно было бы кратко изложить

в одной фразе, где говорилось, что Советы «вели себя как империалистическая держава худшего толка».

Знакомство с документом совпало с мощным хором критики в адрес политики Бирнса, раздававшейся со всех сторон — от военных высказывался адмирал Леги, от представителей республиканцев выступали сенатор Ванденберг, Джон Фостер Даллес, Клара Бут Льюс. Все это и подтолкнуло Трумэна к повороту в политике. Он написал жесткое послание, в котором выражал недовольство чрезмерной независимостью государственного секретаря и сжато изложил всю скопившуюся неприязнь в отношении Советов. Кульминацией послания стало раздраженное суждение: «Не думаю, что мы должны продолжать поиски пути к компромиссу». За этим следовал перечень позиций, по которым поиски компромисса следовало прекратить (речь шла о вопросах, обсуждавшихся с Советами), и в заключение прозвучала остроумная реплика Трумэна, ставшая затем кратким афоризмом, не лишенным юмора: «Я устал нянчиться с Советами».

Это был период раздражения, персонализировавшегося на фигуре Бирнса, и вслед за посланием Трумэна (от 5 января) последовала цепь событий, которые, как кусочки мозаики, формировали новую ситуацию. Информация о ходе работ Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности ООН, начавшихся в Лондоне, давала понять, что Советский Союз не намерен конструктивно включиться в международную систему безопасности и сотрудничества. Столкновения по проблемам Ближнего Востока и Ирана, противоречия по вопросам, связанным со странами Азии, не создавали идиллической картины мирного сотрудничества. Продолжение конфликтов вне Организации Объединенных Наций усиливало растущую неприязнь.

В феврале 1946 г. в Советском Союзе проходили выборы в Верховный Совет. Во время избирательной кампании ведущие руководители ВКП (б) выступали с речами, большей частью предназначавшимися для внутреннего потребления, за исключением речи Сталина, которую он произнес 9 февраля в Большом театре в Москве и которая получила отклик за пределами страны. Советский диктатор по этому случаю подвел итоги Второй мировой войны и отметил успехи, достигнутые благодаря понесенным жертвам советских людей и сотрудничеству с союзниками.

Затем он указал цели реконструкции: три последовательных пятилетних плана вплоть до 1961 г.; благодаря выполнению их Страна Советов сможет восстановить свой промышленный потенциал и быть «гарантирована от всяких случайностей». Это означало, что измученный советский народ не получил бы возможности

передохнуть, а военная дисциплина не знала бы ни ослабления, ни паузы. Ресурсы страны должны были быть сконцентрированы, как обещал Сталин, в научно-исследовательской сфере, потенциал которой будет быстро развиваться. «Я не сомневаюсь в том, — утверждал Сталин, — что если окажем должную помощь нашим ученым, они сумеют не только догнать, но и превзойти в ближайшее время достижения науки за пределами нашей страны». Это свидетельствовало о той воодушевленности, с которой Советы вступали в соревнование по ядерным исследованиям. Советский лидер вернулся к вопросу об отношениях между капиталистической и социалистической системами в общем плане. Вторая мировая война разразилась вследствие разницы в уровне и темпах экономического развития капиталистических стран. Ее можно было бы избежать, если бы сложилась система периодического перераспределения между державами сырья и рынков, но эти методы несовместимы с существованием капитализма; это означает, что только преобразование мировой экономической системы помогло бы избежать войн в будущем, но они остаются неизбежными, пока существует капитализм. Сосуществование капиталистической и социалистической систем невозможно в течение длительного времени.

Эта теория о неизбежности конфликта возродилась из пепла распущенного Коминтерна и отражала идейную преемственность международной политики СССР. Хотя и не было недостатка в тщательных интерпретациях сталинской речи, предназначенной якобы для восприятия только внутри советского блока, ее международный резонанс оказался значительным. Было весьма трудно отделить это выступление от деятельности коммунистических партий в ряде стран порой откровенно подрывной, очень часто двойственной, но всегда находившей поддержку в Москве, что сейчас широко подтверждается документами из советских архивов. Подобная деятельность вызывала недоверие и подозрение в существовании подрывных планов мирового масштаба, о которых международный коммунизм вновь открыто заявил спустя короткое время после вынужденного союза с капиталистическими державами.

Итак, несмотря на противоречивость ситуации, у западных держав, в частности, у американцев, было много причин для размышления над реальными целями советской политики. Может ли она в будущем быть совместимой с юридическими и экономическими институтами, которые должны были бы руководить послевоенной реконструкцией? Если уже тогда возникали сомнения в советской лояльности в отношении ООН, то как было избавиться от мысли, что Советы хотят полностью сохранить свою независи-

мость, чтобы вернуться на путь мировой революции (или мировой гегемонии, если эту идейную концепцию перевести на язык державной политики)?

Анализ сложившейся ситуации получил выражение в двух видах акций: первой — основной и секретной; других — шумных, но пока лишенных действенности. Для краткости лучше начать с последних. Уже 28 февраля Бирнс ответил Сталину. Государственному секретарю необходимо было поднять свой личный рейтинг, подорванный критикой за уступки Советам. В выступлении в Нью-Йорке в *Overseas Press Club* он говорил о работе ООН и выразил удовлетворение присутствием в ООН Советов, страны, не похожей на других. Затем он добавил: «Несмотря на различие в образе жизни, наш народ уважает своих союзников и желает видеть в них друзей и партнеров в сообществе, где приумножаются свободы и повышается уровень жизни. Тем не менее, в интересах мира в всем мире и в интересах нашей традиционной общей дружбы мы должны четко заявить, что Соединенные Штаты намерены защищать Устав ООН». Никто не может и не должен использовать его ради своей выгоды и, следовательно, ни одна страна не имеет права держать свои войска на территории другой страны без согласия последней (намек на ситуацию в Иране); никто не обладает правом без необходимости затягивать процесс подготовки мирных договоров; никто не имеет право односторонне изменять *status quo*. «Если мы являемся великой державой, — продолжал Бирнс, — то мы должны вести себя как таковая: не только обеспечивать нашу собственную безопасность, но мы должны защищать мир во всем мире».

Существовала ли реальная опасность для мира во всем мире? В те дни в Соединенных Штатах находился Уинстон Черчилль, который тогда в Великобритании не занимал ответственного поста в правительстве, но оставался вызывающим восхищение лидером британского сопротивления нацизму. Черчилль проводил в Соединенных Штатах отпуск, но, естественно, он встречался с Трумэном и другими представителями американского истеблишмента. Именно Трумэн пригласил его выступить на академической церемонии в Фултоне, маленьком городке в штате Миссури, откуда президент был родом. Черчилль принял приглашение. Он провел консультации с американскими политическими деятелями, прочел текст своего выступления Бирнсу и адмиралу Леги, послал копию Трумэну, который должен был присутствовать на церемонии. Черчилль описал положение в Европе в более красочных тонах, чем это обычно делали американские политики: «От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике, — по словам

Черчилля, — железный занавес опустился на континент. За этой линией сохраняются все сокровища древних государств Центральной и Восточной Европы. Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София — все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере, и все в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но в значительной степени возрастающему контролю Москвы».

Советский Союз не хотел войны, добавил Черчилль, но он «хочет овладеть плодами войны и безгранично распространить свою мощь и свои доктрины». Сложилась такая ситуация, которая требует контрмер ради спасения мира. Черчилль сказал: «Русские больше всего восхищаются силой, и нет ничего такого, к чему бы они питали меньше уважения, чем военная слабость. По этой причине наша старая доктрина равновесия сил является несостоятельной».

Черчилль говорил о том, что нужно принять все меры противодействия, создать «братскую ассоциацию» народов, говорящих на английском языке. Веское заявление Черчилля в дальнейшем в популярной историографии приобрело иную трактовку и расценивалось как первое объявление Советам «холодной войны». Термин «железный занавес», который Черчилль уже почти за год до этого использовал в письме к Трумэну, воспринимался как символ крестового похода, который предстояло предпринять, либо как преднамеренная провокация. В действительности же, ему в значительной мере был придан другой смысл, поскольку речь Черчилля лишь в некоторых моментах совпадала с важными решениями, принятыми позднее американцами.

Роль этого термина скорее всего заключалась в том, чтобы служить детонатором для американского политического мира, помочь ему избавиться от изоляционистских тенденций, очень мощных в момент завершения войны, либо породить в Соединенных Штатах тревожные настроения, столь распространенные в Европе. Черчилль в то время был скорее выразителем определенных настроений, ведь он не мог принимать активное участие в процессе выработки решений. Присутствие Трумэна при произнесении речи имело скорее политическое значение, оно воспринималось как выражение уважения к бывшему союзнику и не означало, что американский президент полностью разделяет высказанные положения. Президент ознакомился с текстом речи лишь накануне и прокомментировал ее как «прекрасную, которая принесет лишь благо, даже если она разворошит осиное гнездо».

Гораздо менее был известен реальный порядок принятия решений внутри дипломатической группировки, руководившей

американской внешней политикой. Он заключался в разнообразных обсуждениях, систематически проводившихся после получения в Вашингтоне — в связи с вето Сталина на ратификацию соглашений в Бреттон Вудсе — телеграммы от Джорджа Кеннана, дипломата редкого аналитического дарования, которого уже давно считали крупным экспертом по советским вопросам. Это была телеграмма в 8 000 слов, потому и ставшая известной как «длинная телеграмма»; ей была суждена особая судьба, так как в переработанном виде, с сохранением ее основного содержания она была опубликована в 1947 г. в июльском номере авторитетного журнала *Foreign Affairs* без указания имени автора (скрывшегося под псевдонимом *мистер*) под заголовком «Источники советского поведения». Но именно факт публикации статьи в столь авторитетном журнале после того, как были приняты фундаментальные решения о повороте во внешней политике США, а статья появилась *a posteriori* как политическая аргументация и теоретический анализ доктрины «сдерживания», подчеркивает важность телеграммы, посланной Кеннаном в 1946 г. Можно утверждать, что телеграмма (конечно, не сама по себе, а как искра в сложном процессе зажигания) знаменует собой начало новой стратегии, на которую ориентировалась вся американская внешняя политика в последующие десятилетия.

Это утверждение могло бы показаться излишним, но не следует забывать, что оно касается комплекса тем, которым американцы придавали структурообразующее значение в международной жизни: эффективность Организации Объединенных Наций; применение принципа самоопределения в соответствии с Ялтинскими соглашениями; действенное участие в институтах, разработанных в соответствии с договоренностями в Бреттон Вудсе; достижение подлинных соглашений о международном контроле над использованием ядерной энергии. Относительно международного права и международного рынка речь Сталина фактически лишь подтвердила существующую реальность, а телеграмма Кеннана наметила долгосрочную стратегию, необходимую для преодоления послевоенного разочарования и порожденного им напряжения.

Телеграмма Кеннана делится на несколько четких разделов, касающихся основных аспектов внешней политики России. Отношение Советов к проблемам мировой политики было продиктовано не объективным анализом ситуации за пределами страны, а «основными внутренними потребностями России». «В основе неврастенического взгляда Кремля на международные дела лежит традиционное и инстинктивное российское чувство наличия опасности», этому чувству советское руководство могло противо-

поставить только политику наступления, «посредством упорной борьбы не на жизнь, а на смерть за полное уничтожение противостоящей силы, никогда не вступая во взаимодействие и в компромисс с ней».

Итак, сосуществование было невозможно, а конвергенция основных принципов с советской идеологией могла лишь усилить Советы; поэтому ни о каком компромиссе не могло быть и речи до тех пор, пока коммунизм не исчерпал свое стремление к мировому господству, и только после этого появилась бы возможность начать конструктивную работу. Гипотетическое соглашение не находило никакого подтверждения в советской модели формирования внешней политики. Соединенные Штаты должны были придти к логическому заключению: «Резюмируя, мы имеем здесь дело с политической силой, фанатично приверженной мнению, что с США не может быть достигнут постоянный *modus vivendi*, что является желательным и необходимым подрывать внутреннюю гармонию нашего общества, разрушать наш традиционный образ жизни, ликвидировать международное влияние нашего государства с тем, чтобы обеспечить безопасность советской власти... Следует ответить политикой сдерживания. Будучи невосприимчивой к логике разума, она (советская власть) очень чувствительна к логике силы».

Из этих рассуждений следовало, что необходимо оказать сопротивление советской силе. Запад должен был объединиться в теснейший блок под эгидой Соединенных Штатов. Оставалось терпение, ожидание, сдерживание. В дальнейшем внутренние изменения должны были привести к модификации советской внешней политики. Советы трактовали свою политику догматически, почти религиозным образом: они не ставили актуальных проблем, их поддерживало, казалось, терпение, свойственное церкви. Необходимо было противопоставить этому терпению отношение, равное по силе и противоположное по направленности: не стремясь к столкновению, но и не оставляя места для уступок.

Только после 1989 г. можно было в полной мере оценить дальновидность этих стратегических установок, еще более точно они были представлены в статье, подготовленной на основе телеграммы и опубликованной в *Foreign Affairs*. В 1946 г. доклад Кеннана воспринимался прямо и непосредственно, текущий кризис требовал некоторой корреляции и систематизации в соответствии с письмом Трумэна Бирнсу от 5 января: прекратить «нянчиться с Советами». Написанная в конце февраля, телеграмма послужила ориентировочным планом для серии решений, принятых в последующие месяцы. Прежде всего, изменился способ решения про-

блем: уже не поиск компромисса, как во время совещания в Москве, а, напротив, выявление пунктов разногласий и отказ от компромисса вплоть до неизбежного разрыва.

Несколько недель спустя Трумэн поручил одному из своих личных доверенных сотрудников Кларку Клиффорду подготовить доклад об отношениях между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Клиффорд перевел в оперативный план то, что Кеннан проанализировал с политической точки зрения. Оценивая положение Кеннана о невозможности сосуществования как аксиому, определяющую толкование советской внешней политики, Клиффорд пришел к специфическому выводу о необходимости развивать союз с Великобританией и другими западными странами, чтобы дать почувствовать Москве значимость «военного языка». По мнению Клиффорда, если будет необходимо, Соединенные Штаты должны быть готовы вступить в атомную войну. Но это трактовалось как крайнее средство, потому что целью американской внешней политики оставалось стремление убедить Советы в возможности мирного сосуществования.

Обрисованный поворот в американской политике закладывал предпосылки для длительного, труднопреодолимого тотального противостояния Советскому Союзу, которое проявлялось постепенно. Оно постоянно требовало новых средств и новых международных обязательств, а также умения убедить в их необходимости конгресс и общественное мнение, колебавшиеся между изоляционизмом и активной международной политикой. Первые признаки этих изменений в политике США проявились во время обсуждения мирных договоров с малыми державами «Оси», а также по мере того, как обострялась проблема межсоюзнической администрации в Германии. Возможно необходимость сохранить минимум взаимопонимания, чтобы юридически урегулировать проблемы, не решенные Советом министров иностранных дел в Москве и Лондоне, привела к некоторой задержке во внешнем проявлении поворота в политике США, его первые симптомы стали ощущаться общественностью только в сентябре 1946 г. в связи с германским вопросом.

8.2.7. МИРНЫЕ ДОГОВОРЫ С МАЛЫМИ ДЕРЖАВАМИ «ОСИ»

Переговоры, прерванные в Москве, возобновились в Париже 25 апреля 1946 г. Бирнс еще выступал в качестве представителя Соединенных Штатов, но прежде чем выехать из Вашингтона он

вручил 16 апреля Трумэну письмо с просьбой об отставке, в котором констатировались политические и личные расхождения между ними. Письмо предусматривало отставку Бирнса и назначение Трумэном на его пост генерала Джорджа Маршалла после того, как тот завершит свою миссию в Китае; это означало продление пребывания Бирнса на его посту до января 1947 г.

Совет министров иностранных дел на основе предварительной разработки, которой заместители занимались с января, работал над редакцией мирных договоров с апреля по июль. Затем, с 29 июля Совет был расширен до масштабов мирной конференции, в которой участвовала уже 21 страна — бывшие жертвы агрессии — с разной степенью их участия в редактировании текстов, поэтому работа конференции продолжалась до октября. Окончательная редакция документов была завершена СМВД в Нью-Йорке в ноябре—декабре, и мирные договоры были подписаны в Париже 10 февраля 1947 г.

С начала апреля переговоры перешли от обсуждений процедурного характера к рассмотрению существа вопросов, и уже тогда почувствовалось изменение климата в отношении как проблем, касающихся Италии, так и других договоров с малыми странами. Речь шла уже не о стычках по процедурным вопросам или полемике в защиту тех или иных принципов, возникли реальные противоречия по действительно важным проблемам.

Что касается договора с Италией, произошедшие изменения выявили глубину разногласий, которые были скрыты за топтанием на месте по процедурным вопросам. В отношении территорий обсуждались итальянские границы со всеми тремя соседними государствами (Францией, Австрией и Югославией). Созданная в связи с этим комиссия по обследованию была направлена в марте—апреле 1946 г. в Триест и в различные районы области Джулия. В результате комиссия представила четыре различных предложения по проведению пограничной линии. Линии, предложенные американцами, французами и англичанами были абсолютно идентичны до юга Триеста, затем покидали Италию и пунктирной линией уходили с востока на запад, спускаясь в разных местах к морю. Американская линия выходила к Читтанова в Истрии, что было наиболее благоприятным для Италии решением, хотя граница и отклонялась на запад больше, чем линия Вильсона в 1919 г. Советская линия, напротив, заметно уходила на запад от старой границы Италии с Австро-Венгерской империей и выходила к морю у Монфальконе; предусматривалось, что вся территория к востоку от этого города (включая, разумеется, Триест и Горицию) должна отойти к Югославии.

Относительно границы с Австрией со стороны американцев выдвигалось предложение о проведении плебисцита, а французы придерживались в своих требованиях умеренных территориальных уступок со стороны Италии, которые даже при попытке непосредственной договоренности о компромиссе существенно не изменились. По вопросу о колониях соглашения не удалось достигнуть. Эта ситуация отражала неустойчивость позиций и была чревата возможностью возникновения открытого конфликта между США и Советами. Если американцы, казалось, были склонны к уступчивости в вопросе о восточной границе, то и Советы проявляли уступчивость, когда отвергали идею плебисцита относительно итало-австрийской границы, или когда проявляли сдержанность в вопросе о репарациях. Американцы и другие западные державы обещали поддержать «справедливый мир» для Италии, т.е. мир без карательных мер. Советы считали Италию страной, принадлежащей к западному лагерю, но, даже провоцируя во время переговоров трудные ситуации, они сдерживали свою непримиримость в вопросе о югославской границе и проявляли уступчивость по многим другим проблемам.

Лишь во время июньско-июльской сессии СМВД начал вырисовываться компромисс. В отношении северной границы договорились отказаться от проведения плебисцита и подтвердить довоенную линию ее прохождения; было решено, что вопрос о немецком меньшинстве в Италии будет решен путем переговоров между заинтересованными сторонами. 5 сентября было заключено соглашение, известное по имени двух его инициаторов: Де Гаспери, председателя совета министров и министра иностранных дел Италии, и Грубера, министра иностранных дел Австрии. Они подписали договор, согласно которому границы оставались неизменными, этническому австрийскому меньшинству, оставшемуся под суверенитетом Италии, предоставлялась административная автономия и гарантии уважения языковых и культурных особенностей. В отношении западной границы были приняты требования французов.

По вопросу о восточной границе был найден компромисс на основе предложений, которые уже давно циркулировали в кулуарах конференции, но были представлены французским министром Бидо как его собственные; в соответствии с ними западный участок пограничной линии проходил через Горицию и оставлял город за Италией, затем граница шла к югу и образовывала небольшой выступ до Монфальконе, принадлежащий Югославии. Оставшуюся территорию французская линия отводила Италии, но участок от Монфальконе до Триеста, Каподистрии и Читтанова д'Истрия

был отнят у Италии и образовывал Свободную территорию с особым статусом, который должен был получить одобрение Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Этот компромисс вначале был болезненно воспринят Италией, поскольку лишал ее суверенитета над Триестом, но поскольку этот вопрос переходил на рассмотрение в ООН, то фактически надежды Югославии становились весьма иллюзорными (это было еще одно зернышко на чаше весов, нарушавшее неустойчивое равновесие в отношениях между Москвой и Белградом).

Кроме вопроса о границах, был решен вопрос о колониях, причем Италии было категорически предписано полностью отказаться от всех территорий, ранее находившихся под ее контролем, окончательное решение вопроса было отодвинуто на год после вступления в силу мирного договора. В случае возникновения в дальнейшем разногласий, четыре великие державы обязывались принять меры, предложенные Генеральной Ассамблеей ООН.

С принятием этих и других решений, касающихся малых держав «Оси», работа Совета министров иностранных дел по подготовке мирных договоров с ними фактически завершилась. Конференция с 21 участником была созвана только для того, чтобы дать другим заинтересованным странам возможность выразить свои мнения, которые в действительности не были учтены, что отчетливо проявилось на последующей сессии Совета министров иностранных дел в Нью-Йорке в ноябре–декабре 1946 г., когда предложенные существенные поправки не были приняты.

Трудности в достижении компромисса касались как решений важного международного значения, так и обязательств, наложенных на Италию, которые предусматривали, прежде всего, ограничение вооружений (не более 185 000 солдат и 65 000 служащих в полиции); военно-морской флот не ограничивался водоизмещением в 65 000 тонн и численностью 25 000 военнослужащих; авиация не должна была иметь более 200 боевых самолетов и 150 транспортных, на которых служили бы не более 25 000 человек; постоянная демилитаризация границ с Францией и Югославией; общая сумма выплат по репарациям составляла 360 000 долларов, прежде всего Югославии, Греции и СССР.

Статьи, касающиеся территорий Франции и Австрии, были одобрены. Соглашение Де Гаспери — Грубер привело к созданию зоны с особым статусом Трентино — Альто Адидже, где власти обладали оговоренными полномочиями и обязались предоставить особые гарантии немецкоговорящим этническим группам. По этой проблеме с 1956 г. развернулась длительная дискуссия, связанная с реализацией подобных гарантий, она завершилась только

в 1992 г., когда все обязательства Италии были полностью реализованы.

Что касается колоний, то при отсутствии согласия между великими державами вопрос был передан на рассмотрение в Организацию Объединенных Наций. ООН решила в 1950 г. предоставить независимость всей Ливии, конституированной в королевство под управлением династии Сенуси; Эритрея была конституирована в автономный район под властью Эфиопии; Сомали стала подопечной территорией под управлением Италии на десять лет, т.е. до 1960 г.

Установления по созданию Свободной территории Триест были очень сложными. С 1947 г. Совет Безопасности стал заниматься разработкой ее статута и назначением управляющего. Острые споры за контроль над портом Триест зашли в тупик. Территория Зоны «А», созданной после договоренностей с Белградом в июне 1945 г., фактически осталась под союзническим военным управлением, а так называемая Зона «Б» — под югославской оккупацией.

Во время работы Совета министров иностранных дел и, наконец, Парижской конференции были определены сроки подписания мирных договоров с малыми державами «Оси» — все они были подписаны 10 февраля 1947 г. Самый простой из этих договоров касался Болгарии, которая благодаря поддержке Советского Союза сумела сохранить южную часть Добруджи, захваченную в сентябре 1940 г. Другие статьи предусматривали ограничение вооружений, репарации в пользу Греции и Югославии.

Более сложным было определение нового устройства Румынии и Венгрии. Проблема Венгрии сводилась к заключению мирного договора, согласно которому венгерское государство возвращалось в границы 1938 г., к договору добавлялись статьи о выплате существенных репараций соседним странам, а также статьи о разоружении. Вопрос определения румынской территории был более сложным и требовал более тщательного подхода. Конечно, Советский Союз удерживал Бессарабию и Буковину, к которым добавилась Закарпатская Украина, принадлежавшая до октября 1938 г. Чехословакии; теперь она была передана Советам как гарантия доступа к словацким долинам¹. Тем не менее, Румыния возвратила себе Трансильванию, которую она была вынуждена уступить в 1940 г. Венгрии. Обычно территориальные статьи следовали за военными и экономическими, за исключением одного параграфа: признание за СССР права держать войска на румын-

¹ Закарпатская Украина отошла к Советскому Союзу по договору между СССР и Чехословакией от 25 июня 1945 г. — *Прим. редакции.*

ской территории, которые могли быть необходимы для сохранения коммуникаций с советской зоной оккупации в Австрии.

Оставалось еще подписать договор с Финляндией, с помощью которого Советы частично изменили положение, сложившееся в 1940 г. Они возвратили себе Карелию, которую присоединили раньше, и территорию к северо-западу от Ладожского озера до Выборга. Они отказались от полуострова Ханко и вынудили финнов сдать им в аренду полуостров Порккала-Удд, а также полосу территории в 13 км от Хельсинки. Кроме того, они потребовали аннексии зоны Петсамо, что позволяло СССР иметь непосредственную границу с Норвегией, а Финляндию лишало выхода к Северному ледовитому океану. Аландские острова были демилитаризованы и, как обычно, договор дополняли военные и экономические статьи.

Подписание мирных договоров знаменовало собой завершение трудного, но необходимого процесса. Почти никто из побежденных не был удовлетворен тем, что должен был платить суровую цену, но в связи с развернувшимися грандиозными событиями очень скоро значительная часть этих договоров утратила силу. В итоге они лишь поставили точку в сложившейся картине международных отношений, которая уже не соответствовала состоянию войны или военной оккупации. Международно-правовая нормализация должна была, кроме того, обеспечить вступление пяти стран в Организацию Объединенных Наций. Но стало очевидно, что дискуссия о пяти мирных договорах уже ознаменовалась возникающими противоречиями между победителями. Один итальянский дипломат отметил относительно Триеста: «Спор ведется не между нами и Югославией, а между Россией, с одной стороны, и англичанами и американцами, с другой». Последние уже давно давали понять, что намерены пойти на открытый разрыв.

8.2.8. СПОРЫ О БУДУЩЕМ ГЕРМАНИИ

Невозможность договориться о совместном управлении Германией стала решающим элементом разрыва между четырьмя державами. Ялтинские и Потсдамские соглашения не исключали проблему репараций, но реализация их выплат была связана с двумя важными ограничениями: первое касалось вопроса о жизненных потребностях немцев, а второе требовало управления экономикой Германии как единым целым. При подходе к германскому вопросу следовало в большей мере, чем при решении проблем других стран, учитывать военный аспект, связанный с присутствием союзнических оккупационных войск на территории

бывшего вражеского государства. Все мирные договоры от 10 февраля 1947 г. предусматривали вывод оккупационных войск после вступления в силу ратифицированных договоров. Проблема осложнялась тем, что решение отложить дискуссию особенно противоречило обязательству, о котором часто напоминали американцы, а именно — о быстром выводе их войск из Европы, что привело бы к военному превосходству Советов на всей германской территории. Отсутствие договоренности между странами-победительницами по этому вопросу, больше чем по какому-либо другому, становилось все более очевидным. Речь шла не только о традиционном расколе между Советами и западными державами, но также и о заметном расхождении внутри западного лагеря в связи с несогласием или противодействием французов любому решению, которое допускало или делало возможным возрождение Германии.

Иначе говоря, германский вопрос стал основной ареной борьбы в Европе, при этом выявлялась способность победителей разработать общую политику. Но весьма быстро обнаружилось, что трудности достижения намеченных целей, еще во время войны мешавшие реализации согласованных решений, затем повлекли за собой либо ежедневные компромиссы или столкновения внутри Контрольного совета, либо споры о методах управления, которых каждая держава придерживалась в соответствующей зоне. Дело в том, что во всех четырех зонах — или во всех за исключением французской — оккупационные военные и политические власти искали близких себе по духу деятелей, которым они могли бы доверить распутывание хитросплетений в политической и экономической жизни: от того, как складывались отношения между четырьмя державами, и зависело это развитие.

Так, Советы опирались преимущественно на коммунистов и левых социалистов; английские лейбористы были склонны сотрудничать с социал-демократами, а американцы предпочитали сотрудничать с народно-католической партией и либералами, не отказываясь также и от контактов с социал-демократами; налицо была тенденция сотрудничать с близкими по взглядам силами, но это еще не было жестким правилом. После безоговорочной капитуляции германское государство, в самом деле, переживало период распада, и, казалось, внутривластный процесс полностью зависел от воли оккупационных властей, т.е. от соотношения их на международной арене.

С этой точки зрения результат был совершенно разочаровывающим. Если американцы и англичане стремились осторожно восстановить связующие ткани между соответствующими зонами,

соблюдая решения, принятые в Потсдаме, то французы бойкотировали любые постановления, которые не учитывали их проект отделения от Германии Саара и Рейнской области или не предусматривали, по крайней мере, интернационализацию Рура и контроль над восстановлением производства в этом районе.

Со своей стороны, Советы немедленно приступили к реализации политики экономической трансформации, состоявшей не только в конфискации имущества всех нацистов, но также в проведении аграрной реформы, которая распространилась почти на половину сельскохозяйственных земель Восточной Германии, к тому же она предусматривала конфискацию всей земельной собственности владельца, превышающей 250 акров, и ее перераспределение между мелкими собственниками (приблизительно 40 акров каждому); закрытие всех частных банков и блокирование всех банковских счетов частных лиц; национализацию большей части уцелевших предприятий. Советы, не информируя союзников, предприняли систематический вывоз в СССР из Германии в качестве военных трофеев или в счет репараций всего того, что уцелело — предприятий, оборудования, сырья, запчастей. Их люди работали непрерывно по сменам, чтобы подготовить к вывозу товары, стоимость которых союзники оценивали в миллиарды долларов, но относительно которых Советы отказывались предоставить отчеты.

Таким образом, идея управления Германией как единой экономической единицей осталась на бумаге. Уже во время Московского совещания министров иностранных дел (декабрь 1945) расхождения о принципах управления Германией привели к глубоким разногласиям. В начале 1946 г. Бирнс безуспешно пытался убедить Бидо, министра иностранных дел Франции, смягчить его непреклонную позицию. Население Германии после окончания военных действий жило в крайней нужде, а западные зоны оккупации должны были, кроме того, принять большую часть немецкого населения, вынужденного покинуть Пруссию, Померанию или Силезию, районы перешедшие к Польше или к СССР (не менее 8 млн беженцев).

Контрольный совет только в конце марта 1946 г., почти год спустя после окончания войны, добился соглашения об уровне промышленного производства в Германии. 28 марта было опубликовано соглашение, в котором за основной индекс восстановления германского производства была принята выплавка стали. Уровень производства стали для промышленности Германии устанавливался в 7,5 млн тонн, из них 5,8 млн тонн предназначалось для внутреннего потребления, а остальное — для поставок

в счет репараций. Но очень скоро стало ясно, что этот уровень производства был ниже потребностей Германии для обеспечения предусмотренного в Потсдаме «самодостаточного» развития экономики. Вопрос об уровне производства стал выбором между либо отношениями великих держав, либо между последними и немцами, потому что каждая из оккупационных держав приспосабливалась к изменениям, которые считала полезными или необходимыми для собственных интересов или для завоевания поддержки населения, с трудом включавшегося в «свободную» политическую жизнь.

Развитие ситуации в Германии невозможно было отделить от общей картины взаимосвязей между великими державами, более того положение в Германии оказалось одним из доминирующих аспектов их отношений. Поворот, начатый в марте 1946 г., отразился и на Германии. Были выявлены основные вопросы: методы, использованные Советами для получения репараций, которые, как они полагали, принадлежали им; соотношение между этими методами и обязательством союзников передать часть оставшихся в Германии предприятий Советскому Союзу; проблема уровня жизни немцев; но, прежде всего, необходимо было выявить, возможно или нет определить «общую экономическую политику». В то время как в экономическом плане американцы и англичане решили приостановить демонтаж предприятий, предусмотренный соглашениями 1945 г., госсекретарь Бирнс занялся тем, чему обычно не уделялось достойного внимания — подготовкой политического соглашения по Германии. Оно оказалось самой важной попыткой, совершенной американцами для воссоздания общего климата «большого союза» по германскому вопросу, несмотря на то, что в проект было включено положение, радикально менявшее договоренности о выводе американских войск с Европейского континента, едва это станет возможным после подписания мирных договоров с бывшими противниками.

Проект Бирнса был не результатом импровизации, задуманной для ослабления растущего напряжения и смягчения позиции Советов, а следствием тщательной подготовки, к которой с конца лета 1945 г. американский госсекретарь привлек президента Трумэна, его правительство и американские политические силы. Была проинформирована также республиканская оппозиция, которой руководил в это время сенатор Артур Ванденберг, представлявший самое интернационалистское крыло партии, в противовес изоляционистам под руководством Роберта Тафта.

Идея Бирнса предусматривала, в первую очередь, быстрое подписание мирного договора с Германией, к нему присоединилось

предложение договора о гарантиях демилитаризации Германии четырех оккупационных держав, который представлял бы собой весомый политический инструмент, обладающий достаточной силой, чтобы подавить любую попытку возрождения агрессивной политики со стороны Германии. Проект предусматривал, что правительства четырех оккупационных держав должны сохранить в Германии контингенты инспекционных сил, способные предотвратить реконверсию любого военного производства. Договор также определял процедурные нормы, согласно которым можно было бы потребовать от германского правительства выполнения предъявленных требований, и сохранял за четырьмя державами право применять любые меры, признанные необходимыми для обеспечения эффективности указанных гарантий. Кроме того, вступление в силу мер, предусматриваемых договором, не было связано с обязательным согласием всех четырех гарантов, так как проект четко формулировал, что решения могут приниматься большинством «с тем, чтобы помешать кому-либо из участников блокировать, — как написал в своих мемуарах Бирнс, — совместные действия».

Убедившись в наличии необходимой внутренней поддержки, Бирнс в феврале 1946 г. ознакомил с текстом своего предложения заинтересованные стороны: Москва, Париж и Лондон получили копии проекта договора, который он разработал. Бевин и Бидо отреагировали быстро и позитивно, оценив важное предложение как основу для дискуссии. Молотов сначала выказал сдержанное отношение, затем, во время одной из парижских сессий Совета министров иностранных дел, 28 апреля, выразил свои первые серьезные сомнения и выступил с критикой предложения как соглашения, нацеленного на то, чтобы отсрочить полное разоружение Германии. Он не дал явно отрицательного ответа, но просил как можно лучше обдумать вопрос.

Результаты последующих размышлений были оглашены Молотовым во время июньско-июльской (1946 г.) сессии Совета министров иностранных дел. Он совершенно необоснованно раскритиковал проект договора, предложенный Бирнсом. Прежде, чем говорить о создании германского правительства, что было включено в гарантии по проекту Бирнса, было бы необходимо, считал он, обеспечить получение Советским Союзом его доли репараций, т.е. 10 млрд долларов. Далее следовало оговорить соответствующие гарантии, что бы создаваемое германское правительство было «достаточно ответственным» и «достаточно демократическим» — этого можно было бы добиться, предусмотрев продолжение режима оккупации.

Кроме того, Молотов распространил заявление, в котором остро полемизировал с союзниками, обвиняя их в карательной политике против немецкого народа, а сам выступил в роли сторонника возрождения германского государства, от которого, не прибегая к плебисциту, невозможно отделить какую-либо часть территории, включая Рур, который должен был остаться немецким, хотя бы и под контролем союзников. Он критиковал проекты создания германского государства на федеративной основе и утверждал, что подписание с ним мирного договора было бы возможно только через некоторый испытательный срок, призванный показать способность германского правительства искоренить фашизм и выполнять свои международные обязательства; при этом он прозрачно намекал на выплаты по репарациям.

Заявление не отвергало прямо предложение Бирнса, но отодвигая дату подписания мирного договора, предполагало также отказ от договора о гарантиях. Другими словами, оно отвергало предложение, предусматривающее американские обязательства в Европе в качестве гарантии против возрождения опасности со стороны германского государства. Именно этот пункт лучше всего разъяснял причины сдержанности Советов и помогал понять реальное значение предложения Бирнса. Проект Бирнса о создании военной силы как постоянной гарантии против возрождения немецкой опасности, основывался на отказе от традиционной американской установки изолироваться от Европы. Напротив, он выражал намерение американцев сохранить как можно дольше свое участие в поддержании европейского равновесия вплоть до непосредственного присутствия американских войск на Европейском континенте в мирное время.

Идея, предложенная госсекретарем осенью 1945 г., подразумевала поиск компромисса с Советами (как случилось позже на совещании в Москве); это изменение позиции Вашингтона не может сразу и автоматически расцениваться как выражение поворота к антисоветскому курсу. Возможно именно таким путем американцы намеревались смягчить озабоченность французов, потому что по существу договор лишь воспроизводил гарантии, уже данные Франции в 1919 г. и затем утратившие силу в связи с несостоявшейся ратификацией Версальского договора со стороны сената Соединенных Штатов. Не случайно Бирнс был озабочен, сможет ли он получить необходимую «двухпартийную» поддержку своего проекта. Между тем, с течением времени, «исторический» характер гарантий, предложенных прежде всего французам, стал менее очевидным в связи с возникновением советско-американских противоречий и после выступлений Сталина, Бирнса и Черчилля

в феврале—марте 1946 г. Можно с уверенностью сказать, что характер гарантий, предложенных госсекретарем, изменил направленность и политическое значение в контексте эволюции международной обстановки. Летом 1946 г. Молотов смог прочесть там то, что и предполагал найти. В самом деле, гарантии превратились из средства преодоления сопротивления французов в инструмент изменения политики Соединенных Штатов по отношению к Германии.

Позднее Бирнс писал о своей уверенности, что Советы не желали гарантий, потому что не хотели американского присутствия в Европе. Хотя Сталин благожелательно относился к сохранению единства Германии, но условием осуществления его замысла должен был стать жесткий политический контроль со стороны Советов над всей территорией Германии. Предложение Бирнса выдвинуло на первый план проблему возрождения Германии при непосредственной поддержке Соединенных Штатов, и как следствие этого, реконструкции Европы, где американское присутствие, даже в военном отношении, стало бы еще более значительным, чем Советы могли себе представить.

Однако в июле 1946 г. наметившийся процесс не стал еще необратимым, и иное отношение Советов могло бы придать силы тем, кто в Соединенных Штатах в тот момент противился изменению политического курса. Этого не случилось, поскольку занятая тогда Молотовым позиция автоматически вела к обмену взаимными обвинениями. Генерал Льюиус Клей, американский представитель в Союзном контрольном совете, и его советник дипломат Роберт Мэрфи, решительно отбросив предыдущие проекты договора, подготовили для Бирнса новое предложение, содержание которого он довел до публики на следующий день после выступления Молотова. Но прежде госсекретарь заручился поддержкой двух американских сенаторов — сенатора-демократа Коннелли и республиканца Ванденберга, которые в эти дни были в Париже.

В сущности, новый проект Бирнса ясен: в ожидании соглашения четырех становилось невозможно продолжать прежнюю политику. Экономическая ситуация Германии была таковой, что требовала срочного вмешательства, поэтому Соединенные Штаты предложили другим оккупационным державам, которые решили присоединиться к их инициативе, согласиться на совместное управление соответствующими зонами оккупации. На практике это означало отказ, даже теоретический, от принципа сохранения экономического единства всей Германии, оставшегося лишь на бумаге, и замену его принципом объединения тех оккупационных

зон, которыми могла управлять совместная администрация. Положительного ответа Советов ждать не приходилось; французы также не созрели для принятия решения подобной значимости. Бевин, напротив, не колеблясь, заявил, что британское правительство готово принять американскую идею создания «Бизонии». Но с того момента любые советские планы относительно будущего Германии (так же как все французские планы) должны были быть пересмотрены, Соединенные Штаты стали активно продвигать свою идею объединения трех западных зон Германии, оттеснив на второй план необходимость согласования подобной реорганизации с Советским Союзом.

В то время как американцы и англичане обсуждали с политическими представителями соответствующих зон оккупации планы их слияния, немецкий христианский демократ Конрад Аденауэр выразил им свою полную поддержку. Предварительно он убедился в том, что британские военные власти намеревались создать Землю, т.е. новое административное объединение, которое включало бы всю северную часть Рейнской области и Вестфалию, а это фактически лишало французов надежды на контроль над Руром. В то же время ведущий представитель социал-демократов Курт Шумахер склонялся к менее радикальным методам решения проблемы.

Выступив 6 сентября 1946 г. в Штутгарте, Бирнс заявил о новых американских обязательствах в отношении Германии (и всей Европы). Соединенные Штаты, сказал госсекретарь, сохраняют верность решениям, принятым в Потсдаме об экономическом единстве Германии, но в настоящий момент эти решения невыполнимы, и в связи с этим невозможно возрождение германского производства, столь необходимого для достижения приемлемого уровня жизни. Поскольку полное экономическое объединение Германии в данной ситуации оказалось невозможным, необходимо приспособиться и добиваться максимально возможного, то есть начать с объединения тех зон — британской и американской, — которые готовы к слиянию. К действиям в этом направлении подталкивали также финансовые и валютные потребности: общая финансовая политика характеризовалась галопирующей инфляцией, а потому особенно острым оказался вопрос о проведении радикальной денежной реформы. Затем Бирнс добавил замечание, которое имело важные последствия: «В то время, как Германия должна быть готова поделиться своими ресурсами угля и стали с нуждающимися в них странами освобожденной Европы, необходимо создать условия, позволяющие ей самой использовать собственную энергию и ресурсы, необходимые для роста ее промышленного производства».

Этого настоятельно требовали задачи европейской реконструкции: Германия являлась частью Европы, и реконструкция всей Европы без Германии осуществлялась бы более медленно. Бирнс затронул также политические аспекты германской проблемы. Он поставил под вопрос границу с Польшей и отметил понимание Соединенными Штатами того, что Рур должен остаться частью Германии; он рассуждал с некоторой напыщенностью о различии между немецким народом и нацизмом и добавил, что спустя год после войны наступил момент для четкого выбора: следует предоставить немцам возможность самоуправления.

Казалось, это противоречит присутствию американских войск на германской территории, которое американцы старались сделать наименее обременительным, но в отсутствие мирного договора с Германией вопрос нельзя было решить иначе. Соединенные Штаты предлагали, чтобы его подписание произошло в четко определенные сроки, но, как пояснил госсекретарь, это оказалось невозможно, поэтому появилась необходимость предпринять односторонние инициативы: «Соединенные Штаты не могут облегчить страдания, нанесенные Германии войной, которую развязали ее лидеры. Но Соединенные Штаты не намерены никоим образом ни увеличивать эти страдания, ни препятствовать немцам искать свой выход из этого тяжелого состояния при условии, что они будут соблюдать принципы свободы и следовать по пути мира. Американское правительство намерено вернуть немецкому народу правительство Германии. Американский народ намерен помочь немецкому народу вернуть ему достойное место в международном содружестве свободных и мирных государств».

Речь шла о жестком ответе, целью которого было намерение объявить о подлинном изменении союзнической ориентации или, по крайней мере, о важном политическом повороте. При этом оставалась некая возможность для сомнений, является ли речь Бирнса ясным проявлением окончательно сделанного выбора. И действительно, 12 сентября министр торговли администрации Трумэна и экс вице-президент Рузвельта, Генри Уоллес, выступил с речью, которая получила широкий политический резонанс; он критиковал Бирнса и жесткий антисоветский курс. Некоторое время спустя стало известно, что текст речи был просмотрен и одобрен Трумэном — это заставило сомневаться в последовательности президентской политики. Бирнс поставил своего рода вопрос о доверии, и, хотя мнение Уоллеса получило определенную поддержку в американском политическом мире (например, вдовы Рузвельта Элеоноры), Трумэн заявил, что он поспешил одобрить текст, который сам едва успел просмотреть, но установки которо-

го не приемлет; в то же время он разделяет концепции, которые Бирнс излагал в Штутгарте. Уоллес подал в отставку и ушел из правительства, недолгие разногласия быстро себя исчерпали. Остался только отзвук различных толкований, то есть тень сомнения, будто Трумэн хотел оставить за собой запасной выход на случай — довольно маловероятный — что реакция на речь в Штутгарте будет полностью негативной.

Выступление Бирнса было лишь первым публичным заявлением об изменении курса, которое вызревало в течение нескольких месяцев. За это время изучалось его значение и последствия, поворот курса рассматривался как альтернатива соглашению четырех и проекту гарантий, разработанных госсекретарем — в результате он выражал конец определенной фазы американской внешней политики и начало перемен.

Внешним проявлением этого поворота стало подписание 12 декабря 1946 г. договора, который привел к полному объединению британской и американской зон в Германии, созданию англо-американской Бизонии и к расширению возможностей германской политической жизни. Имелись и внутренние аспекты подготовки соответствующих кругов в США и Европе к инициативам, которые правительство Соединенных Штатов решительно предприняло после назначения в начале января 1947 г. на пост госсекретаря генерала Джорджа К. Маршалла. Маршалл был ветераном неудавшейся миссии в Китае, направленной на сдерживание или элиминирование коммунистических сил. Итак, он принял на себя обязанности госсекретаря, заранее подготовившись к этой роли и хорошо понимая кризисную ситуацию, сложившуюся как в Европе, так и в Азии.

8.3. Поворот американской политики в Европе

8.3.1. ПРЕДПОСЫЛКИ ПОВОРОТА

Еще до назначения Маршалла на пост государственного секретаря американская дипломатия выступила с серией инициатив, направленных на оказание помощи в проведении реконструкции и на укрепление позиций антикоммунистических партий в странах Западной Европы, на которые не распространялся непосредственный контроль Красной армии. Речь идет об акциях, предпринимавшихся настолько тонко, что их невозможно реконструировать аналитическим путем. Особенно важны были политические действия, направленные на уменьшение влияния коммунистических или лево-социалистических партий в Западной Европе, а также на

сотрудничество со всеми другими политическими формированиями, участвовавшими в европейских правительствах. Главная составляющая послевоенного наследия заключалась в участии представителей коммунистических партий в правительствах крупнейших европейских стран: Франции, Италии, Бельгии, Норвегии.

Поворот США во внешней политике был нацелен на сплочение всех консервативных сил: буржуазных, реформистско-демократических, а также тех, кто выступал за реконструкцию здоровых экономических систем, связанных с рыночной экономикой. Реализовать задуманный американцами поворот оказалось довольно трудным, даже неосуществимым делом, пока коммунисты участвовали в правительствах тех стран, о развитии которых заботились американцы. Для успешной реализации дальнейших политических инициатив неперенным условием стало изменение правительственных коалиций. Трудно говорить о проекте, разработанном в тиши кабинетов; американцам, напротив, скорее следовало задуматься о его реализации в политической практике, поскольку они не могли не учитывать реальности, и делали все возможное, дабы заставить антикоммунистические силы Западной Европы преодолеть колебания и принять американскую инициативу политических перемен в ущерб антифашистскому союзу с местными коммунистическими партиями.

С осени 1946 г., когда были заложены основы этого процесса, по май 1947 г., когда он завершился, в Западной Европе и фактически в германской Бизонии была подготовлена почва для эффективного взаимодействия с новым курсом американской политики. Одновременно, с конца 1946 г. до середины 1947 г., изменения происходили и в Европе, находившейся под советским влиянием: во всех странах, за исключением Чехословакии, совершился быстрый переход от плюрализма, часто показного, существовавшего в первые послевоенные месяцы, к открытому господству коммунистов. Только в Венгрии ситуация оставалась неизменной более длительное время — вплоть до выборов 24 июля 1947 г., на которых победу одержал Национальный фронт. Однако коммунистическая партия была не в состоянии осуществить полный контроль (как это было в «блоках» и «фронтах» других стран) до июля 1948 г., когда последний представитель плюралистического режима, президент республики З. Тильди, был вынужден уйти в отставку.

Сменивший Бирнса на посту государственного секретаря США Маршалл оказался деятелем, менее зависимым от политического окружения (Маршалл был начальником Генерального штаба американской армии во время войны и пользовался политическим авторитетом и высоким престижем, которые никто не

мог оспорить). Потому он энергично расчищал путь для более оперативного принятия решений.

Завершение переговоров о мирных договорах с малыми державами и явная невозможность быстрого заключения договора с Германией со всей очевидностью продемонстрировали, что ситуация чревата риском. Советы не намеревались считать окончательной линию, проведенную в результате войны, то есть границы соответствующих зон военной оккупации — то, что Черчилль ярко определил как «железный занавес». Они стремились расширить по периметру свою систему безопасности и свое влияние во всей Германии, а также в любом другом регионе мира, где они могли это сделать без особого риска. Именно так в Вашингтоне расценивался отказ от договора четырех держав о гарантиях, советская политика в Корее и действия коммунистов в Китае. Иначе говоря, германский кризис послужил своего рода детонатором для целой серии опасных ситуаций, поскольку он касался страны, которая геополитически доминировала в Европе. Не было необходимости в немедленной и непосредственной реакции американцев в Германии. Американская политика была политикой мирового масштаба, и американцы могли заявить о себе в любом месте, где они посчитали бы это своевременным и необходимым.

В основе смены США политического курса, превратившей дипломатический конфликт с Советским Союзом в открытое политическое, идеологическое и экономическое столкновение, почти в войну, но в войну без применения оружия, было важное политико-стратегическое решение, непосредственно опиравшееся на концепции, сформировавшиеся в конечной фазе Второй мировой войны и в первые месяцы после войны. Надежда на мировую, в целом взаимосвязанную, систему сменилась реальностью разделения мира на два лагеря. Лагерь, в котором доминировал сталинский Советский Союз, стремился к политической власти, для которой было характерно неистощимое тяготение к консолидации, безопасности и несомненно к экспансии. Продолжать выжидательно реагировать на складывавшуюся ситуацию для американского политического истеблишмента с весны 1946 г. было невозможно. Но комплекс причин, описанных на предыдущих страницах, объясняет, почему вслед за ясным анализом не последовал немедленно твердый ответ.

В конце 1946 г. этот период выжидания и осмысления завершился, начинался новый этап. Многие расценивали этот новый этап, то есть начало политики сдерживания, как выражение агрессивной политики. В действительности как не были непременно агрессивными, а только экспансионистскими, советские намере-

ния, точно так же не был агрессивным план тех, кто стремился взять на себя ответственность воспрепятствовать разрушению «свободного мира», остановить расширение сферы, находившейся под контролем Советов. Это привело к тому, что универсалистские концепции были заменены частной концепцией — она касалась лишь одного лагеря; лагеря, который упрощенно был определен как западный, хотя это определение не имеет никакого географического смысла. Необходимо было консолидировать западный лагерь во всем многообразии его политических и экономических форм (но именно это многообразие было жизненно важной характеристикой плюрализма), чтобы избежать его крушения, которое надвигалось из Германии, Северной Греции, а также из Италии, где неустойчивая ситуация могла содействовать распространению кризиса на всю систему рыночной экономики.

Чарльз Болен, один из американских дипломатов-экспертов по советской проблематике и один из главных противников разрыва с правительством Москвы, нашел важную и блестящую формулировку, в которой проанализировал новую ситуацию: «Соединенные Штаты должны овладеть мировой ситуацией, которая совершенно отличается от тех гипотез, на основе которых был сформулирован американский выбор. После войны между великими державами вместо единства, как политического, так и экономического, возникло полнейшее расхождение между Советским Союзом с его сателлитами, с одной стороны, и остальным миром, с другой. Короче, образовались два мира вместо одного единого. Соединенные Штаты, столкнувшись с этим неприятным фактом, могут глубоко сожалеть о нем, но ради их собственных интересов и ради их безопасности, а также ради безопасности несоветского мира, должны пересмотреть свои политические цели... Логика ситуации заставляет несоветский мир, используя все средства, которыми он располагает, тесно объединиться политически, экономически, в финансовом и военном отношении с тем, чтобы суметь эффективно противостоять советскому натиску. Только таким образом свободный и несоветский мир может надеяться выжить в условиях централизованных и безжалостных действий советского мира».

Итак, следовало срочно действовать, потому что опасность воспринималась как неизбежная, и действовать следовало с расчетом на длительный период, как и предполагал Кеннан. Началась работа по консолидации «западного мира», на что требовались многие годы, и которая могла завершиться только, когда внутри системы реального социализма возникли противоречия, угрожавшие ему с момента возникновения.

С 1945 г. правительства Парижа и Лондона обсуждали возможность подписать договор о двусторонних гарантиях, который в начале переговоров имел антигерманскую направленность и обязательство о взаимном сотрудничестве, что предотвратило бы возврат к постоянным довоенным трениям. С течением времени характер обсуждаемого вопроса изменился. Германская проблема не могла не быть включена в общем виде в отношения с Советским Союзом. Следует отметить, что когда 4 марта 1947 г. Франция и Великобритания подписали Дюнкеркский договор, т.е. договор о взаимных гарантиях против возрождения германской угрозы, сущность взятых ими на себя обязательств обрела как новую форму, так и содержание. Со стороны французов этот был способ включиться в предстоящие перемены в американской политике. Соглашение, заключенное в декабре 1946 г. о создании Бизонии, подчеркивало особое изолированное положение французов в западном мире в связи с проблемой Германии. Для англичан и для Бевина, в частности, Дюнкеркский договор имел существенное значение, он расценивался как «краеугольный камень» долгожданного «западноевропейского объединения» в условиях, когда не было согласия о четырехсторонних гарантиях, предложенных Бирнсом. В таком случае двусторонний договор представлял собой этап более обширного процесса и вместе с тем свидетельствовал о том, что если две крупнейшие страны Западной Европы ориентируются на сотрудничество, то их безопасность значительным образом укрепитя.

В этой ситуации президент Г. Трумэн 12 марта 1947 г. изложил свою доктрину в конгрессе на объединенном заседании палат. Это было первое тождественно сформулированное заявление о смене курса, это был сигнал для тех, кто ожидал окончания колебаний американцев. Поворот американской политики относился только к двум кризисным регионам — Греции и Турции; кроме того, доктрина была связана с особой финансовой ситуацией, сложившейся в эти месяцы в Великобритании. Этот ограниченный круг вопросов не менял, тем не менее, глобального значения сделанного заявления.

8.3.2. АМЕРИКАНСКИЙ КРЕДИТ И БРИТАНСКИЙ ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Ситуация с Греции внезапно осложнилась в связи с неожиданным заявлением о том, что британское правительство переживает финансовые трудности, которые вынуждают его не только приостановить конвертируемость фунта стерлингов, но также временно

прекратить помощь Греции и вывести британские войска (до 21 февраля 1947 г.). Начавшийся таким образом критический этап заслуживает внимательного рассмотрения как парадигма целого ряда аналогичных ситуаций в будущем, имевших место в разных частях мира. При этом выявились изменения внутри англо-американской коалиции, а также новая роль, отныне отведенная Соединенным Штатам в Восточном Средиземноморье, а затем и в мире.

Британский финансовый кризис, возможно, несколько излишне драматизированный англичанами, чтобы «надавить» на американцев и ускорить их вмешательство, стал знаковым моментом в изменении отношений между европейскими странами и Соединенными Штатами. С окончанием войны и после приостановления действия закона о ленд-лизе европейские страны первыми должны были стремиться восстановить собственную экономику, основываясь по преимуществу на собственных ресурсах или на нерегулярной помощи, предоставляемой международными организациями, типа ЮНРРА (Организация по оказанию помощи Объединенных Наций), финансируемыми почти исключительно Соединенными Штатами. Это касалось Италии, западных зон Германии, Польши и других малых стран, но, прежде всего, относилось к Франции и Великобритании, которые стремились восстановить (Франция) или сохранить (Великобритания) устойчивый контроль над системами своих преференций.

В этом плане самым поучительным оказался британский казус. Лейбористы после прихода к власти начали осуществлять политику «социального государства», то есть системы социального обеспечения «от колыбели до могилы», которая призвана была помочь наиболее бедным слоям британского общества противостоять суровым временам. Необходимость направить ресурсы на реформистскую программу поставила в трудное положение британскую систему производства в период перехода от военной экономики к экономике мира. Английская промышленность испытывала острую потребность в оборудовании, сырье, электродвигателях и в других средствах производства, требующих инвестиций. Закупить все это оборудование можно было тогда только на единственном рынке, способном его поставить, то есть в Соединенных Штатах. Закупка этих товаров требовала долларов, которых у англичан не было, но, предвидя эту ситуацию, англичане стремились раздобыть их, и еще до окончания войны начали подготовку двустороннего договора по поводу получения огромного американского займа.

Серьезные переговоры начались в сентябре 1945 г., затем были продолжены с английской стороны лордом Кейнсом и за-

вершились в декабре того же года соглашением о предоставлении займа на 3 млрд 750 млн долларов, которое было ратифицировано сенатом Соединенных Штатов 10 мая 1946 г. (спустя 20 дней после смерти Кейнса). Но уже в самом соглашении содержались предпосылки кризиса 1947 г., а в более общей форме, можно сказать, что оно отразило переход американской экономической политики от иллюзий глобализма к реальности двусторонних «особых отношений» или к отношениям с различными регионами мира, склонными принять условия американской помощи. Перед Соединенными Штатами, вследствие неясностей соглашений в Бреттон Вудсе (возможно ли было придать им действительно всемирный характер) стояла проблема наполнить конкретным содержанием обязательства, неоднократно звучавшие во время войны, о необходимости содействовать свободе торговли.

Деятельность англичан, несмотря на обязательства, связанные с широко известной ст. 7 двустороннего соглашения о применении закона о ленд-лизе, приобрела противоречивый характер. Стерлинговая зона, которая связывала страны Британского Содружества, теряла свою прежнюю надежность и становилась узким местом британской политики, что было весьма заметно в сравнении с торговой системой, складывавшейся под эгидой Соединенных Штатов. Торговые соглашения, подписанные СССР с большей частью Балканских стран, и утрата иллюзии относительно возможности получения Советским Союзом американского займа показали, что торговая экспансия в этом направлении не имеет перспективы. Поэтому соглашение с Великобританией приобретало для американцев ценность парадигмы. Один из ведущих участников финансовых переговоров того времени Уильям Клейтон утверждал, что без британской системы имперских преференций многосторонние связи господствовали бы на 83% мировой территории, охватывали бы 87% населения и включали бы 95% мировой торговли (Китай, разумеется, рассматривался тогда как часть системы), поэтому англо-американское соглашение должно было определить «будущее направление мировой торговой политики». Большая часть американцев считала, что следовало бы содействовать англичанам в разрешении их финансовых трудностей при условии, что сами англичане согласятся конвертировать фунты стерлингов всего Британского Содружества в доллары, и это ликвидирует главное препятствие к возрождению мировой торговли.

Таково было условие предоставления займа. Лондонское правительство приняло условие сделать фунт стерлингов конвертируемым в течение года. Но то, что казалось чисто организационной

мерой, в действительности стало шагом, предвещавшим отказ англичан от полного контроля над собственной экономикой и, более того, над экономикой Британского Содружества. Контроль над конвертируемостью фунта служил инструментом сдерживания торгового дефицита в отношении Соединенных Штатов и защиты рынка труда от угрозы дефляции (то есть, выбирая между сокращением импорта из Соединенных Штатов и снижением внутренних расходов, лейбористское правительство выбрало первый путь, распределяя конвертируемые фунты стерлингов так, чтобы ограничить приток американских товаров по низким ценам). Конвертируемость опрокинула эту преграду, потому что открыла рынок Великобритании и Британского Содружества для американских товаров, вынудив лейбористское правительство ограничить расходы.

Эта мера имела катастрофические последствия для Великобритании, ее способности сохранить Сити как центр финансовых и товарных рынков, которые располагали свободными долларами и могли переправлять их в США. Как и предвидел Кейнс, англичанам пришлось заплатить высокую цену, но не было иной альтернативы, кроме той, что избрали Советы, осуществлявшие реконструкцию по сталинским критериям, жертвуя товарами широкого потребления. Заем должен был бы смягчить удар, нанесенный Великобритании открытием ее рынков. И действительно, последствия этих структурных перемен были таковы, что вынудили Лондонское правительство принять срочные меры. Уже в конце 1946 г. британский баланс по видимым статьям платежей представлял невосполняемый дефицит как в силу конъюнктурных причин, так и по воле лейбористского правительства, не желавшего тяжелой зимой 1946–1947 гг. урезать соответствующие статьи бюджета, обеспечивавшие субсидии на продовольственные товары и социальные услуги. Именно, чтобы сбалансировать эту ситуацию, британское правительство вынуждено было в течение нескольких недель приостановить конвертируемость (и только спустя 11 лет это постановление было отменено). Прежде всего, следовало сократить внешние, не столь необходимые обязательства, как, например, расходы на содержание британских войск в Греции.

Решение, объявленное 21 февраля, было следствием экономической конъюнктуры, непредусмотренной и неожиданной. Экономическая ситуация переплеталась с политическим положением, которое становилось критическим. Британское правительство секретно информировало американское, что оно после марта больше не в состоянии продолжать мобилизацию ресурсов для поддержки греческого правительства, но при этом добавляло, что без соответствующей поддержки с американской стороны Греция

быстро попадет под контроль коммунистов, последствия которого невозможно предугадать в отношении всей ситуации в Восточном Средиземноморье.

8.3.3. ДОКТРИНА ТРУМЭНА

В конце 1944 г. Греция была полностью освобождена от немецкой оккупации. Британские войска восстановили королевское правительство и помогли ему в декабре того же года подавить восстание, поднятое коммунистами и левыми силами в Афинах. Группы партизан, участвовавшие в Соппротивлении, отказались сдать оружие и ушли в горы на северной границе с Албанией и Югославией. Для греческого правительства это была трудная ситуация, которую оно не могло преодолеть в силу собственной слабости и вследствие сильного влияния на него реформистских элементов. Неспособное самостоятельно выйти из тяжелой ситуации, правительство Папандреу вынуждено было подать в отставку. Вмешательство союзников и давление Черчилля способствовали назначению регента в лице архиепископа Дамаскиноса, главы православной греческой церкви, и формированию правительства Пластираса. В начале 1945 г. действия партизан стали менее активными, что, однако, не привело к какому-либо эффективному примирению. Правительство обвиняли в том, что оно держится только благодаря присутствию британских сил, и Советы жестко критиковали англичан за сохранение на территории Греции оккупационной армии, хотя она была одной из стран, которые воевали на стороне коалиции победителей.

В этой напряженной ситуации с частой сменой правительственных кабинетов, 31 марта состоялись первые парламентские выборы, на которых победила правая народная партия, во главе с Константином Цалдарисом. Спустя несколько напряженных недель, он сформировал правительство, главной целью которого было провести референдум о государственном устройстве Греции. Этот референдум не затрагивал острые экономические и политические проблемы страны, разоренной войной: в итоге еще более резко проявились противоречия между различными политическими силами.

1 сентября состоялся долгожданный референдум, большинство на котором получили монархисты, которые планировали возвращение к власти короля Георгиоса II, несмотря на компрометирующее его сотрудничество с довоенными диктаторскими режимами. Вернувшись на родину из лондонской эмиграции, король стал фигурой притяжения для тех, кто отстаивал жесткую

репрессивную политику. Демократические политические силы отказывались сотрудничать с правительством, которое тогда еще возглавлял Цалдарис, и перешли в оппозицию.

Левые ответили переходом к партизанской войне, более того к настоящей гражданской войне, быстро распространившейся с гор на большую часть греческой территории. Развернувшиеся партизанские действия, как выяснила специальная комиссия, посланная по греческому запросу Организацией Объединенных Наций, непосредственно поддерживались албанцами, болгарами и, прежде всего, югославами. Положение было столь сложным, что правительство Афин могло удерживать ситуацию только благодаря экономической помощи британцев и присутствию на греческой территории около 40 000 английских солдат. Обращения в Организацию Объединенных Наций оставались безрезультатными в связи с тем, что Советы использовали право вето. В Греции сложилась неустойчивая ситуация: силы партизан разделились на две группы (ЭАМ и ЭЛАС) и не могли победить, а правительство Афин оказалось неспособным удержаться без внешней поддержки.

Британский финансовый кризис и проблемы формирования международной системы переплелись казалось неожиданно, но не совсем. В этот один из наиболее критических моментов мир находился у истоков холодной войны. Необходимо было понять, оправдано ли беспокойство англичан и насколько полезно, своевременно и возможно вмешательство американцев — вмешательство не могло быть результатом тщательного планирования, оно должно было быть внезапным и предельно быстрым, поскольку истек срок, указанный англичанами. Маршаллу пришлось здесь впервые испытать новый курс, который американская внешняя политика стала проводить под его руководством. Но обязательства Соединенных Штатов в этом регионе мира, столь давно известном обычным американским гражданам, носили характер подлинной революции для Вашингтонского правительства, потому что оно должно было защищать ситуацию, которую можно было признать не вполне соответствующей демократическим принципам, и выступить против стратегического противника, опасность которого осознавали не все слои американского общества.

Процесс изменения стратегии государственного департамента завершился давно. Основное препятствие на пути его закрепления было связано с необходимостью формальной договоренности с Советами о заключении мирных договоров, оно было преодолено с их подписанием 10 февраля 1947 г. Но всякая инициатива в этом направлении оказывалась напрасной и не встречала понимания, пока не стала активной работа по мобилизации общественного

мнения, чтобы пробудить ощущение опасности. Если удалось бы внушить ощущение неминуемой угрозы со стороны советских коммунистов, то инициатива получила бы поддержку, необходимую для того, чтобы определенные американские круги отказались от своих неоизоляционистских позиций и включились бы в предприятия достаточно широкого масштаба, которые побудили бы Соединенные Штаты впервые активно сыграть роль всемирного жандарма с применением силы.

Необходимо было послать мощный сигнал в этом направлении. И в самом деле, ведущие деятели американской политики уже в течение нескольких месяцев готовили осуществление этого поворота. Новая американская политика ставила своей целью изоляцию Советского Союза и стремилась повернуть к сотрудничеству с Соединенными Штатами не только ведущие страны Европы, но также интегрировать ту часть международной экономической системы, которую реально можно было сплотить вокруг общего, пусть весьма гетерогенного, проекта, в качестве альтернативы явно неудавшимся глобальным замыслам. В связи с этим представлялось своевременным и даже необходимым сделать «сильное» заявление об изменении американской политики: столь сильное, чтобы его поняли и Советы, которых уже считали противниками, с которыми следовало бороться с открытым забралом, и европейцы, которых расценивали как обязательных участников будущей политики «сдерживания», ради чего работали американские политические деятели и дипломаты. В этом смысле ситуация в Греции и Турции могла послужить поводом и подходящим моментом, чтобы придать международное звучание повороту в американской политике.

Между Маршаллом, заместителем государственного секретаря Ачесоном, американскими дипломатами, занимающимися Ближним и Средним Востоком, ведущими представителями сенатской комиссии по внешней политике, среди которых были республиканец Ванденберг и демократ Коннэлли, развернулись лихорадочные споры. Ачесон энергично отстаивал тему коммунистической угрозы всему Средиземноморью, отмечая при этом опасность успеха коммунистов в Греции или контроля со стороны СССР над Дарданеллами. Невозможно было определить степень коммунистической угрозы для Греции, но было много оснований в связи с переменами в соседних Балканских странах опасаться и даже предвидеть, что правительство Афин вступает в период глубокого кризиса, а это может открыть двери коммунистам. Несомненно, что у турецкого правительства был большой запас прочности как в военном, так и в дипломатическом отношении для оказания со-

противления советскому давлению; однако представлялся весьма благоприятный случай, чтобы вновь утвердить довоенную концепцию, которая отрицала за Советами какое-либо право на вмешательство в регионе Средиземноморья.

Такова была обстановка в мире во время подготовки речи, которую Трумэн произнес 12 марта 1947 г. на совместном заседании палат конгресса и которая затем стала известна как доктрина Трумэна. Многие, эмоционально оценивая этот документ, видели в нем начало холодной войны, но в действительности Трумэн в своем выступлении лишь официально объявлял, что американцы делают первое предупреждение Москве. Президент обратился в конгресс с просьбой предоставить 400 млн долларов для оказания помощи Турции и Греции на период до июня 1948 г. Грекам следовало предоставить срочную помощь продуктами питания, различные виды экономической помощи, а также вооружение для экипировки армии, сражавшейся с партизанами-коммунистами с целью восстановить контроль над территорией всей страны; помощь Турции должна была быть предоставлена в целях сохранения целостности территории страны, что было «важно для сохранения порядка на Среднем Востоке».

Президент придал своему выступлению типичный характер торжественных посланий, которые периодически намечали отношение США к внешнеполитическим вопросам, определяли общий круг проблем, характеризовали неизменные позиции и происходящие перемены. Послание представляло собой выражение глобального обязательства, которое брали на себя американцы. В нем определялись цели внешней политики Соединенных Штатов; они заключались в создании условий жизни, свободных от принуждения, проводилось четкое различие между миром демократии Запада и коммунистической системой. Существуют два глубоко различных образа жизни: «Сегодня — говорил Трумэн, — почти все государства должны выбрать между альтернативными образами жизни», но не всегда выбор осуществляется свободно: «Один образ жизни основывается на воле большинства и для него характерны свободные институты, представительное правительство, свободные выборы, гарантии личной свободы, свобода слова и религии, свобода от политического угнетения. Другой образ жизни основывается на воле меньшинства, силой навязанной большинству. Он опирается на террор и угнетение, на контролируемую печать, на выборы, результаты которых предопределены, и на подавление личных свобод».

Политика Соединенных Штатов должна была быть такой, чтобы защитить демократические режимы и помогать свободным

народам самим выбрать свою судьбу, помощь должна быть экономической и финансовой. Если свобода выбора находится под угрозой, то необходимо вмешаться в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций, которые запрещают агрессию или политическое подчинение косвенным путем. Поэтому, помогая свободным народам противостоять от угрожающей им опасности, Соединенные Штаты только следуют принципам ООН. Речь заканчивалась высокопарным оборотом: «Семена тоталитаризма прорастают в нищете и нужде. Они распространяются и вырастают на скверной почве бедности и конфликтов. Они достигают своего максимального развития, когда народ утрачивает надежды на лучшую жизнь. Мы должны поддерживать эту надежду. Свободные народы мира смотрят на нас в надежде найти опору и защиту своих свобод. Если у нас возникнет колебание в нашей ведущей роли, то мы поставим под угрозу мир во всем мире и, конечно, подвергнем опасности благополучие нашего государства. Огромная ответственность возложена на нас быстро текущим временем. Я верю, что конгресс сплоченно примет эту ответственность».

В этой обстановке Трумэн предложил проект закона, который позволял ему направить помощь Греции и Турции. На основе речи Трумэна 22 мая конгресс одобрил, не без оппозиции, связанной как с сопротивлением изоляционистов и либералов, так и в связи с возражениями тех американских политиков, которые считали более серьезной и заслуживающей немедленного внимания ситуацию в Китае, краткий текст закона, в третьем параграфе которого говорилось, что «государственная целостность и выживание этих государств (т.е. Греции и Турции) важны для безопасности Соединенных Штатов и всех народов, приверженных миру и зависящих от предоставления помощи», ранее предусмотренной.

Таким образом, была осуществлена важная операция: концепция безопасности Соединенных Штатов, сформулированная в 1823 г. в доктрине Монро разработанная для Западного полушария, была распространена на Восточное Средиземноморье. Казус с отказом Великобритании оказать поддержку Греции предоставил Соединенным Штатам возможность впервые утвердить текст закона, закрепляющий глобальное расширение их обязательств. Но, как пишет Герберт Фейс, «утверждения Трумэна означали отказ от взгляда на объединенное сообщество мирных государств как основанное на различающихся социальных системах и идеологиях и тем не менее, позволяющее существовать обществам другого типа». До этого момента концепция раскола мира на противоположные лагеря принадлежала сталинизму; ныне Трумэн

сделал эту концепцию своей и заявил, что «коммунизм надо держать под контролем и сражаться против него». Это привело к острому и глубокому конфликту, причины которого были недостаточно ясны.

В самом деле, не была разъяснена связь между принципами, провозглашенными в речи президента, и действительным положением в Греции и в Турции. Сам Сталин, как стало известно, не придавал большого значения выступлению президента, потому что понимал, как пишет Мастны, что «оно не относилось к той части Европы, которая находилась под контролем СССР». И действительно, если сущность доктрины Трумэна объяснять официальными заявлениями президента, то их ограниченность станет очевидной. Но доктрина, помимо того значения, которое она представляла сама по себе, выражала стремление американцев не дать Восточному Средиземноморью попасть во враждебные руки, а также удержать Средний Восток, над которым нависла та же угроза.

Соединенные Штаты, несмотря на принципы, которыми они руководствовались в войне, отныне открыто заявляли о политике международного реализма, т.е. державной политике; там, где другие государства действовали с непринужденностью, унаследованной от античных традиций, американцы сталкивались с затруднениями, связанными с присущей им ранее интернационалистской этикой, которую они теперь отвергали (допустимо, но не разрешено — тезис, нереалистичный уже в прошлые времена). С подобными затруднениями сталкиваются тогда, когда необходимо охарактеризовать то, что делается во имя державной политики, но сказать об этом следовало так, чтобы не слишком противоречить американской традиции во внешней политике. Именно с этой стороны доктрина Трумэна подвергалась критике, поскольку это вносило неуверенность и колебания в процесс формирования новой американской политики на Среднем Востоке. Неуверенная и колеблющаяся политика проводилась в той зоне, где защита демократии слишком откровенно переплеталась с отстаиванием ярко выраженных нефтяных интересов, которые были понятны всем. Напротив, американская политика в Западной Европе, хотя и проводилась с тем же идеологическим обоснованием, представлялась более четкой и ясной.

8.3.4. К ИСТОКАМ ПЛАНА МАРШАЛЛА

Государственный секретарь США Джордж Маршалл 5 июня 1947 г. выступил в Гарвардском университете с речью, в которой объявил о намерении Соединенных Штатов разработать и осуще-

ствить обширный план помощи Европе. В этой речи он впервые объявил о «плане Маршалла», это событие стало одной из доминант в послевоенной международной жизни. После 1947 г. всякий раз, когда хотели отметить потребность многолетней помощи, направленной на решение структурных экономических проблем международного сообщества, стало обычным заявлять о необходимости «своего рода плана Маршалла» как оптимальной формулы для подобного экономического содействия. Так же, как название «Мюнхен» стало символом несправедливости и отступления перед превосходящей силой агрессора, так и выражение «план Маршалла» стало обозначением позитивной и эффективной деятельности, направленной на разрешение структурных кризисов.

Более спокойный исторический подход и изменившаяся ныне международная система позволяют выделить в плане, предложенном американским госсекретарем, не только форму изложения проекта, но и содержание, соответствующее планам реконструкции, и в итоге этот документ можно считать основным вкладом как в политико-экономическую жизнь послевоенной Европы, так и в историю конфликта между Советским Союзом и Соединенными Штатами. План Маршалла, значительно более совершенный и убедительный, чем доктрина Трумэна, исходил из мотиваций и характеристик различного рода, которые были сведены в единое предложение по разрешению кризисной ситуации.

Конечно, все вышеизложенное не должно создать представление о проекте как о совершенной конструкции, рожденной американскими инициаторами плана; не следует считать, что это был сказочно-оптимистический план, вдохновленный благородством великой нации, которая задумала возглавить западный блок. Ведущие американские политические деятели десятилетиями прилагали немало усилий, чтобы придать Соединенным Штатам доминирующую роль в мире, используя разделение экономических и политических обязательств, надеясь создать глобальные системы, связанные с американскими идеологическими оценками международной жизни, а также с утверждением экономической мощи Соединенных Штатов в мире. Наконец, они пришли к определению реалистичного пути для реконструкции той части международной системы, которая могла быть связана с Соединенными Штатами общностью политических институтов и экономических интересов. Итак, отказ от осуществления глобального проекта привел к более ограниченным акциям, но при этом к более консолидированным, а потому и к более эффективным.

В первом полугодии 1947 г. ситуация становилась абсолютно критической, что толкало американскую администрацию безотла-

гательно выдвинуть политико-экономическую инициативу. Она имела четыре направления: эволюция германского вопроса; политико-экономический кризис и инфляция, которые сжимали в тисках европейские страны в очень неустойчивый момент их реконструкции; проблемы международной торговли и риски, связанные с серьезным дисбалансом между наличием долларов и потребностью в них — решение этой проблемы было важно для экономических отношений между Европой и Соединенными Штатами; политический выбор, сделанный тогда американским правительством в тесном сотрудничестве с британским, чтобы прояснить международную ситуацию, в которой превалировала тенденция к ухудшению. Все эти элементы, сливаясь, порождали процесс формирования новых решений, который начался в первой половине 1947 г., с конца апреля до начала июня приобрел бешеный ритм, продолжался накануне выступления Маршалла и не прекратился с изложением его программы. Это было не что иное, как заявление о намерениях, поскольку отсутствовало конкретное содержание, которое должно было быть определено всеми заинтересованными сторонами.

В историографии к плану Маршалла был проявлен значительный интерес, и были высказаны различные его оценки. Остро негативные суждения политических противников Соединенных Штатов и всей историографии советского режима не принимаются нами во внимание, потому что они строились на анализе преданного Сталину экономиста Евгения Варги. Историки этой школы описывали план Маршалла как проект, функционально отвечавший потребностям американской системы производства, которая на полных парах осуществляла переход от военной к мирной экономике, сталкиваясь со скрытыми рисками реконверсии и перепроизводства, навязывая странам-сателлитам подчинение американскому рынку. Время показало, насколько были справедливы эти критические замечания — реализация плана не привела к торговой колонизации Европы со стороны Соединенных Штатов, хотя и создала тесную взаимозависимость между экономическими системами, для которых были характерны быстрые темпы роста и расширение торговли.

Некоторые историки, напротив, выделили одну из основных причин, которые привели к принятию американской программы, сделав проблему Германии «единственным» объяснением разработки проекта. Этот анализ представляется сильно искаженным, поскольку позволяет лишь частично объяснить, почему германскому вопросу отводилось столь много места в подготовительных разработках, а это породило тенденцию превратить его в главное,

если не исключительное, объяснение решений, принятых в Вашингтоне. В других исследованиях не учитывается специфика американского процесса принятия решений (достаточно вспомнить сложное прохождение закона о ленд-лизе в конгрессе), подчеркивается приблизительный или слишком общий характер предложений государственного секретаря, чтобы сделать вывод, что настоящего плана и не существовало. Прийти к правильному заключению совсем непросто, потому что в июне 1947 г. план еще не мог быть подготовлен полностью, поскольку для его формирования необходимо было участие тех европейских держав, которые были приглашены разрабатывать его вместе с Соединенными Штатами. Все это необходимо учитывать, чтобы помнить, что ради упрощения не следует забывать о сложности ситуации. План Маршалла был результатом сложной ситуации, и, как таковой может быть понят, только если одновременно учитываются все генерирующие его элементы, даже если для анализа требуется их расчленить.

Четыре великие державы, которые разработали мирные договоры с малыми странами «Оси», впервые ответственно подошли к вопросу о будущем Германии только после подписания этих договоров. 10 марта 1947 г. в Москве началась сессия Совета министров иностранных дел — органа, который эффективно работал до декабря 1946 г. (сессия в Нью-Йорке) над решением малых проблем, чтобы обсудить очень сложный вопрос о судьбе Германии и Австрии. Сессия была очень долгой, она растянулась больше чем на месяц — до 26 апреля 1947 г., но выявила глубокое и полное различие во мнениях сторон и невозможность добиться в то время не только компромисса, но даже создать предпосылки для совместной работы. Каждый аспект будущего Германии становился доказательством подобных разногласий. По вопросу о том, как должно было бы создаваться Германское государство, англо-американцы, с одной стороны, выдвигали концепцию создания единого государства, но разделенного на земли, обладавшие значительной автономией (такой, чтобы расколоть потенциальную опасность и не дать, в случае возрождения экстремистских тенденций в одной из областей, им возможности распространиться на всю страну), хотя и находящиеся под координацией центрального правительства с очень ограниченными полномочиями. Советы предлагали схему централизованного государства, управляемого на основе «демократических выборов». Французы, которые тогда больше других европейских стран ощущали опасность возрождения слишком сильной Германии, были против советской

формулы, но и англо-американское предложение оценивали как заходящее слишком далеко, потому что считали, что центральное правительство в условиях федеративной структуры должно было располагать очень ограниченными полномочиями.

Дискуссии о характере государственного устройства были напрямую связаны с вопросом о репарациях и политическом контроле над страной. Советы требовали установления централизованного германского правительства, поскольку полагали, что такое правительство лучше сумеет выплатить репарации, о своем праве на получение которых они неоднократно заявляли, опираясь на Ялтинские и Потсдамские соглашения. Американцы и англичане обвиняли Советы в вывозе германского имущества сверх всякой меры; французы управляли своей зоной оккупации таким образом, что рост производства способствовал не повышению уровня жизни населения, а обеспечивал возможность выплачивать репарации.

Это переплетение институциональных и экономических проблем обусловило всю сложность ситуации. Наиболее развитые в промышленном отношении западные области Германии были ущемлены наложенными оккупационными властями ограничениями на уровень производства, который не должен был превышать потенциала предприятий, сохранившихся после войны в рабочем состоянии. Этим областям предстояло решить проблему размещения свыше 8 миллионов переселенцев из Силезии и Померании, вынужденных бежать в Западную Германию. При отсутствии налаженной административно-политической жизни на оккупационные власти ложилась обязанность следить за развитием общественного мнения, которое отражало разброд в умонастроениях: от реваншистских тенденций до коммунистических и социалистических надежд. В обстановке глубоких политических перемен возрождались умеренно-центристские силы под руководством Конрада Аденауэра, будущего канцлера Федеративной Республики Германии, лидера Христианско-демократического союза (ХДС).

В ситуации тупика, созданной противоречивыми предложениями, Маршалл вернулся к идее договора о четырехсторонних гарантиях, предложенной Бирнсом год назад без особого успеха. Как Советы, так и французы обусловили свое присоединение к положениям договора решением проблемы репараций и требованиями, выдвинутыми обеими странами по экономическому и территориальному вопросам, чтобы воспрепятствовать серьезному возобновлению переговоров. Англичане и американцы решили занять независимую позицию и, опасаясь ухудшения политической ситуации в управляемой совместно Бизонии, предложили су-

щественное увеличение уровня производства, разрешенного для германской промышленности, в особенности производства стали, которое они намеревались довести почти до максимума существующих мощностей. Советы обусловили свою поддержку включением текущей продукции в выплаты по репарациям. Французы оказались зажатыми между различными силами давления. Во Франции правительство Рамадье должно было действовать, учитывая присутствие коммунистов в коалиционном кабинете, а также замыслы их изгнания из правительства. В Москве французский министр иностранных дел Ж. Бидо рисковал оказаться в изоляции или быть раздавленным, занимая позиции, близкие к советским, и поэтому должен был действовать с осторожностью, чтобы не нарушить связей с Великобританией и Соединенными Штатами, с которыми он намеревался принять совместные решения вне сессии. В итоге дискуссия завершилась безрезультатно.

Госсекретарь Маршалл испытывал давление в связи с присутствием в делегации Джона Фостера Даллеса, главного эксперта республиканцев в области внешней политики. Эта личность пользовалась громадным авторитетом, ибо чем больше ощущались результаты успеха республиканцев на промежуточных выборах в ноябре 1946 г., тем яснее можно было предвидеть успех тех же республиканцев на президентских выборах 1948 г. и приход Даллеса на пост государственного секретаря. В середине апреля Маршалл понял бесполезность переговоров и стал действовать в соответствии с выработанными правительством рекомендациями. Обсуждая с англичанами намеченные решения, Маршалл хорошо понимал необходимость разработать план, который позволил бы выйти из сложившейся тупиковой ситуации. Прежде всего это касалось вопроса об экономической помощи, отсутствие которой раздражало чувствительных французов, ощущавших себя преданными в связи с признанием за немцами права на экономическое и политическое восстановление. Именно это обстоятельство подсаживало, что любой проект должен разрабатываться как план, предназначенный не только для Германии; задуманный план надо было вписать в общие рамки, чтобы германский вопрос был совместим с требованиями французов. Когда сессия была приостановлена и перенесена на осень того же года, Сталин не высказал удивления и даже пессимизма; более того, он думал, что пауза в работе поможет: спустя несколько месяцев можно будет достичь компромисса, чтобы добиться «реализации экономического и политического единства Германии». На обратном пути в Вашингтон Маршалл, пересекая Европу, понял, что необходимо срочно принимать решения.

Американцам и многим европейцам положение в Европе в начале весны 1947 г. казалось трудным, почти непоправимым. Зима была такой, что ее вспоминали как самую суровую зиму послевоенного времени. В некоторых странах, например в Италии, дошли до точки и вынуждены были прекратить распределение предметов первой необходимости из-за недостатка в средствах оплаты или из-за нехватки продуктов. Общественные настроения были пронизаны пессимизмом и безнадежностью, как будто невозможно было восстановить жизнеспособную европейскую экономическую систему. «Атмосфера паники и безумия охватила некоторые зоны страны, — охарактеризовал Де Гаспери ситуацию в Италии этих дней, добавив, — в робких душах возобладал жестокий антиобщественный инстинкт эгоизма». Психологически можно понять позицию буржуазных слоев, на плечи которых легла тяжелая ответственность трудного экономического и политического выбора; можно понять горечь тех, кого в течение десятилетий обвиняли в том, что они виновны в нищете, голоде, войнах. Возможно, многие из тех, кто принадлежал к экономически и социально господствующим слоям, понимали, что антибуржуазная критика со стороны социалистического и коммунистического движения не лишена оснований.

В действительности экономическая ситуация в Западной Европе не была столь безнадежной, как казалось тем, кто пережил пять трудных лет войны и почти два года неощутимого мира. Уже началась реконструкция и даже с некоторым успехом, который, однако, был ограничен необходимостью преодолевать предпринимательский риск, нехваткой капиталов для инвестиций, дефицитом платежного баланса, связанного с невозможностью еще больше сократить расходы, — с трудностями такого рода столкнулись многие правительства, опасаясь нарушить социально-политическое равновесие. Мы снова повторяем: следует учесть, что только жестко авторитарные режимы могли достичь желательных результатов, после того как европейские народы перенесли мучительные жертвы во время войны. Требовать дальнейшего самопожертвования в целях реконструкции экономической системы представлялось невозможным, в особенности когда концепция реконструкции не сопровождалась обещанием реконструкции-революции, а была политическим выбором Запада. Индекс измерения реконструкции, достигнутый в крупнейших европейских странах, может быть объективно рассчитан на основании данных, полученных из публикаций ООН «Economic Surveys on Europe»

*Национальный доход: динамика между 1938 и 1947 гг.
(в долларах 1950 г.)*

Бельгия	−2,7	Люксембург	+35,5
Франция	−15,3	Нидерланды	−5,4
Западная Германия	—	Великобритания	−1,9
Италия	−0,3	Соединенные штаты	+62,5
Национальный доход на душу населения			
Бельгия	−4,8	Люксембург	+39,7
Франция	−15,6	Нидерланды	−16,1
Западная Германия	—	Великобритания	−6,9
Италия	−6,9	Соединенные Штаты	+43,8
Сельскохозяйственное производство: динамика между 1934–1938 и 1947–1948 гг. (уровень 1934–1938 гг. — 100%)			
Бельгия и Люксембург	85	Нидерланды	87
Франция	77	Великобритания	108
Западная Германия	64	Соединенные Штаты	136
Италия	89		
Промышленное производство: динамика между 1938 и 1948 гг. (уровень 1938 г. — за 100%)			
Бельгия	121	Люксембург	145
Франция	108	Нидерланды	113
Саар	67	Великобритания	129
Западная Германия	50	Соединенные Штаты	217
Италия	96	СССР	118

Эти данные, в целом, свидетельствуют о трудном, но очевидном восстановлении промышленности в 1948 г., когда были едва ощутимы первые результаты плана Маршалла. Эти показатели следует дополнить данными о безработице в 1946 и 1947 гг. (в тыс. человек).

Страна	1946	1947
Бельгия	48	36
Франция	57	46
Италия	1324	1620
Нидерланды	89	47
Великобритания	237	374
Соединенные Штаты	2270	142

Показатели платежного баланса свидетельствовал и о том, каким бременем были внешнеторговые расчеты упомянутых здесь ведущих стран. Каждая цифра отражает миллионы в валюте соот-

ветствующей страны, за исключением Бельгии — Люксембурга, о которых мы располагаем данными во французских франках.

Страна	1945	1946	1947	1948
Бельгия	—	—	—	—4625
Франция	—1496	—2049	—1676	—1738
Италия (млрд лир)	—135	—144	—355	+11
Нидерланды	—1312	—1667	—1447	—312
Великобритания	—870	—230	—381	+26

Уровень цен представляет собой главный индикатор инфляции в различных европейских странах и является мерилем восприятия публикой трудной ситуации в стране. Эти данные выведены на основе системы индексов, которая позволяет сравнить довоенный уровень цен с уровнем цен первых лет реконструкции (1929 г. принят за 100%).

Страна	1939	1945	1946	1947	1948
Бельгия	76	363	413	470	—
Франция	108	376	635	764	1009
Германия	—	—	—	—	—
Италия	104	2058	2881	5154	5437
Нидерланды	106	181	181	175	178
Великобритания	79	157	152	159,1	65

Эти данные не создают однородной картины. В конечном счете, и ситуация в странах, разоренных войной, и в тех, что не очень пострадали, заметно различалась; неодинаковой была и экономическая политика, которую проводили правящие партийные коалиции или отдельные партии. Совокупность данных свидетельствует о медленных темпах промышленного восстановления, мучительном дефиците платежного баланса, то есть, зависимости, в частности, от Соединенных Штатов, и, в некоторых случаях, острой драматичности ситуации под давлением инфляции. В обычные времена любая из европейских стран могла бы постепенно подняться, так как население было склонно пожертвовать необходимым, чтобы скопить капитал для инвестиций. Так было обычно, но давление Советов создавало у ведущих деятелей реконструкции ощущение неадекватности ситуации. Следует учитывать, что первое полугодие 1947 г. стало периодом, когда все проблемы воспринимались особенно болезненно, а совпадение с обострением политико-экономических проблем Германии усиливало ощущение кризиса.

Одним из главных аспектов трудностей в экономической среде являлось состояние платежного баланса, отличавшегося серьезным дефицитом, который почти полностью приходился на Соединенные Штаты. Американцы считали до 1946 г., а в перспективе и на 1947 г., что смогут восполнить дисбаланс. Они надеялись в короткие сроки нормализовать положение, поэтому не считали ни полезным, ни благоразумным продолжать дотировать европейский дефицит в торговле с Соединенными Штатами, и полагали, что при определенных условиях порочный круг может быть разорван. Основные показатели были следующие: с середины 1945 г. (сразу после окончания войны) и до июня 1947 г. Европа получила от Соединенных Штатов помощь в объеме, который превышал величину, установленную по плану Маршалла. На долю Великобритании приходилось 4,4 млрд долларов, Франции — 1,9 млрд долларов, Италии — 330 млн и на три страны Бенилюкса вместе — 546 млн.

На основе анализа фактических данных и в связи с вопросами, возникающими в связи с германской проблемой, государственный департамент выступил с инициативой, которая даже превосходила ожидания Трумэна, и начал разрабатывать различные аспекты возможного единого плана. Еще до объявления плана, американцы выдвинули условие, чтобы в странах Западной Европы, где в правительствах пока участвовали представители коммунистов, были бы образованы политически однородные правительства в связи с необходимостью возвращения к нормальной рыночной экономике, как программировали американские специалисты.

С марта 1947 г., параллельно с доктриной Трумэна в отношении Греции и Турции, американская администрация изучала проблему политических последствий, которые могли быть порождены трудностями европейской реконструкции. Трумэн выступил 6 марта в Университете Бэйлор (в Уэйко, в Техасе) с речью, как обычно несправедливо мало известной, в которой он представил подготавливаемый план: «Сегодня, как в 20-е годы, — сказал Трумэн, — мы переживаем поворотный момент в истории. Национальные экономики разрушены войной. Будущее повсюду неясно. Экономическая политика непоследовательна. В этой атмосфере сомнений и колебаний чувством решительности обладает то высококлассное руководство, которое Соединенные Штаты смогли обеспечить миру. Мы являемся экономическим гигантом в мире. Хотим мы этого или не хотим, но структура будущих экономических отношений будет зависеть от нас. Мир в ожидании смотрит на нас, стремясь увидеть то, что мы собираемся сделать. Мы должны

выбрать нашу цель. Мы можем повести нации к экономическому миру, либо ввергнуть их в экономическую войну».

Он восхвалял экономическую и политическую свободу — благо, которое американцы считают «самым важным в мире». Свобода должна проявляться, прежде всего, в международной торговле, где происходит сопоставление двух систем: системы свободы, обеспеченной выбором частных лиц, и системой, где выбор навязан правительством. Эту ситуацию можно понять, но нельзя принять: «Во всем мире каждая страна находится под экономическим давлением. Страны, разрушенные войной, стремились восстановить свою промышленность. Их потребность в импорте в ближайшие месяцы будет превышать их способность экспортировать. Поэтому они вынуждены жестко контролировать импорт... Если эта тенденция не будет изменена, правительство Соединенных Штатов раньше или позже окажется под нажимом, чтобы использовать те же самые средства в борьбе за господство на рынках продукции и в борьбе за сырье... Но с окончанием войны мы всегда стремились избежать именно этого. Это не американский метод. Это не путь к миру. Наш народ един. Он оказался способен понять свою ответственность. Он готов принять на себя ведущую роль. Он решил действовать во имя такого международного устройства, при котором мир и порядок являются долговременными. Нелегко добиться мира и свободы. Их нельзя завоевать силой. Они приходят благодаря взаимопониманию и сотрудничеству, желанию вести себя честно во всех экономических и политических областях со всеми дружественными странами. Мы желаем продолжать идти этим путем сейчас и в будущем. Если другие страны мира будут вести себя так же, будет возможно достигнуть мира и свободы в мире».

Слова президента, хотя и отражают дух универсализма, позволяют четко понять волю Соединенных Штатов встать во главе «свободного мира», и определить, что тема свободы и нормализации торговых отношений, как и в предыдущие годы, была и осталась доминирующей в американской внешней политике; в них изложена американская концепция реконструкции мира, включая Западную Европу.

Несколько дней спустя государственный секретарь Ачесон обратился в Комитет координации американских вооруженных сил (*State-War-Navy Coordinating Committee*, известный под аббревиатурой SWNCC) с просьбой проанализировать ситуацию вместе с государственным казначейством. Он оценивал ее в выражениях, враждебных по отношению к СССР, стремившемуся не допустить глобального преобладания США, к которому Трумэн вновь

призывал. Комитет разработал к 21 апреля предварительный доклад, основываясь на концепции, что лучший способ остановить коммунизм — это использовать хлеб и бюллетени для голосования, а не пули. Тем временем и Уильям Клейтон, который побывал в Европе и хорошо представлял ее положение, составил свой план экстренного вмешательства, который 27 апреля представил Трумэну. Два дня спустя, 29 апреля, Трумэн поручил Кеннану изучить возможности и методы экстренной помощи Европе. Кеннан руководил тогда комитетом политического планирования, т.е. своего рода «исследовательским центром», которому было дано задание разработать исходные пункты для последующего американского политического вмешательства. За месяц работа была выполнена, и 23 мая Маршалл получил краткое изложение оперативного плана.

Между тем, Ачесон по поручению Трумэна обрисовал дальнейшие намерения США, выступив 8 мая в Кливленде, в Миссисипи, с речью, которую обычно расценивают как своего рода прелюдию к плану Маршалла, представленному публике менее чем через месяц. Ачесон сообщил, что по возвращению из Москвы, Маршалл говорил не столько об идеологических и военных проблемах, сколько о «питании, горючем и об их соотношении с промышленной реконструкцией» в связи с отношениями Европы с остальным миром. Затем он добавил: «Наш экспорт товаров и услуг за рубеж в течение этого, 1947 г., оценивается приблизительно в 17 млрд долларов, что является самым высоким уровнем за любой мирный период. До войны наш экспорт товаров и услуг составлял около 4 млрд долларов... в год. Взамен., согласно нашим предположениям мы получим товаров и услуг из-за рубежа на сумму приблизительно 8 миллиардов долларов... Мы хотели бы, чтобы этот импорт был еще больше, но мир, разрушенный войной, не в состоянии поставлять больше».

Разница составляла примерно 8 млрд долларов, но проблема заключалась в платежах. На 1947 г. можно было предусмотреть дальнейшие экстраординарные меры, но что же ждало в следующем году, когда законодательство о чрезвычайной помощи перестало бы быть эффективным? Ачесон дал свой ответ: «Соединенные Штаты должны закупать за рубежом как можно больше товаров, чтобы уменьшить дефицит, существующий между тем, в чем мир нуждается, и тем, за что он может заплатить. В этом нет никакого милосердия. Речь идет о здравом смысле и выгодном бизнесе. Сегодня по гуманитарным соображениям и в наших интересах мы вынуждены финансировать этот огромный дефицит мирового платежного баланса. Единственный нормальный способ

устранения этого дефицита — это импорт как можно большего количества товаров из-за рубежа. Никогда в мире ни для кого из нас не будет мира и безопасности, пока зарубежные страны не будут в состоянии оплачивать товарами и услугами то, что им нужно импортировать, а также осуществлять оплату своих потребностей в промышленном оборудовании из более нормальных источников финансирования».

Описываемое положение обязывало Соединенные Штаты продолжать оказывать экстренную финансовую помощь, осуществляя при этом контроль за ее распределением. В заключение Ачесон сказал: «Поскольку мировой спрос превышает наши возможности, мы должны сконцентрировать нашу чрезвычайную помощь в тех зонах, где она может принести *наибольший результат для установления политической и экономической стабильности в мире, для развития свободы личности и демократических институтов, а также содействовать политике свободы торговли и укреплению авторитета Организации Объединенных Наций*».

Итак, в своем прагматическом заключении он свел общие рассуждения к определенной проблематике; перешел от чисто экономических к экономико-политическим вопросам; определил границы американской активности. Это позволяло считать решенной проблему, ранее остававшуюся неясной: разрабатывавшиеся проекты были предназначены только для Западной Европы или для всей Европы. Выступление отражало точный замысел, который вдохновлял американский выбор. В заключение утверждалось, что финансовое и торговое оздоровление было не проявлением американского великодушия, а потребностью экономической системы самих Соединенных Штатов, связанной не с кризисом перепроизводства, а с необходимостью финансового и торгового оздоровления.

«Только если европейская реконструкция будет завершена, — писал Кеннан — станет возможно развитие мировой торговли, и Европа и Соединенные Штаты смогут с удовлетворением поддерживать нормальные взаимовыгодные экономические отношения. Опыт прошлых лет показал, что Соединенные Штаты не могут наслаждаться жизнью в обстановке очевидного процветания, если мир находится в состоянии депрессии».

Во всех разработках, подготовленных за короткое время администрацией Соединенных Штатов, присутствовала в основном аргументация чисто экономического характера. Между тем, свести всю проблему лишь к технико-экономическому аспекту означало искусственно изолировать ее от окружавшего политического контекста, т.е. пренебречь связями, которые Ачесон едва намечил, но которые составляли культурологическую основу всей схемы.

Характер политической обеспокоенности американцев был ярко описан самим Кеннаном, на которого в то время повлияло чтение широко известной работы Гиббона «*История упадка и разрушения Римской империи*»: «Дальнейшее ухудшение положения могло оказаться катастрофическим для Европы. Оно могло привести к таким лишениям, к таким потерям, к такой безнадежной борьбе за контроль над недостающими ресурсами, что породило бы отказ от принципов, которые составили основу современной европейской цивилизации и за которые, как отложилось в сознании многих, боролись во время двух мировых войн. Принципы права, справедливости, ограничения в исполнении политической власти, которыми уже пренебрегали, могли бы быть искажены — вместе с ними и жизненно важный принцип, что целостность общества... должна опираться на уважение и достоинство отдельного гражданина. Последствия этого кризиса перевесили бы общие опасения, связанные с угрозой «коммунистического контроля». Продолжение современной ситуации в Европе грозит, ни больше, ни меньше, возможностью, что европейцы откажутся от ценностей индивидуальной ответственности и политического контроля, которые принадлежат традиции их континента. Это разрушило бы многовековое прогрессивное развитие и нанесло бы такой ущерб, что только последующие века могли бы возместить понесенные потери».

Признавая определенную высокопарность речи, необходимо отметить, что она отражала состояние духа одного из авторитетнейших вдохновителей плана Маршалла. В речи были объединены направления, ранее остававшиеся разделенными: ограниченность и непоследовательность европейской реконструкции; необходимость добиться не травмирующего метода ведения переговоров по германскому вопросу; понимание трудностей в возрождении международной торговли. Все эти обстоятельства содействовали тому, что американская администрация сделала не случайный, а продуманный выбор. К этому выбору она призывала, казалось, всех европейцев, но, в действительности обращалась только к странам, совместимым с системой рыночной экономики, защита которой составляла несомненный интерес Соединенных Штатов.

Хотя основа выбора новой ориентации была экономической, но она отвечала более общим политическим требованиям, соотносилась с новой внешней политикой, которую администрация Трумэна разработала за «*пятнадцать недель*» (определение, данное этому интенсивному творческому периоду американской дипломатии одним из главных участников — Дж. Дж. Джонсом, входившим в число ведущих сотрудников Маршалла и Ачесона).

Это были пятнадцать недель, определившие характер международной системы на сорок лет. Метод, с помощью которого намечалось возможное присоединение Советов или стран Восточной Европы, был задуман как оптимальный вариант свалить на сами Советы происшедший раскол Европы на блоки, или, напротив, использовать его (теоретически это не исключалось) для прорыва «железного занавеса» в благоприятном для Запада смысле. В записке Комитета политического планирования от 23 мая было четко отмечено, что предложение должно было быть обращено ко всем европейским странам, но «таким образом, чтобы государства-сателлиты России, отказавшись принять предложенные условия, сами заявили о собственном отказе, либо предложенный метод позволил бы им отказаться от эксклюзивной ориентации их экономики» на СССР. Клейтон, в свою очередь, утверждал, что план должен быть составлен на основе «таких формулировок, что Восточная Европа смогла бы в нем участвовать, но при условии отказа от исключительной ориентации своей экономики на Советы».

8.3.5. РЕЧЬ МАРШАЛЛА И ОТКЛИКИ НА НЕЕ

5 июня 1947 г. Маршалл выступил в Гарвардском университете с речью, в которой обобщил политические и экономические трудности момента и остановился на теме реконструкции: «Совершенно очевидно, — сказал Маршалл, — что оздоровление экономической структуры Европы потребует очень продолжительного периода времени и значительно больших усилий, чем это предусматривалось».

Он описал ситуацию в Европе и отметил, что ей потребуется американская помощь в течение, по крайней мере, трех или четырех лет, чтобы закупить, прежде всего на американском рынке, продукты, необходимые для выживания. Ухудшение положения может вызвать «тяжелейший кризис в экономической, политической и социальной сферах». Необходимо разорвать этот порочный круг, чтобы избежать последствий, грозящих отразиться также и на американской экономике. Необходимо по-новому подойти к проблеме: «Понятно, что Соединенные Штаты делают все, что могут, чтобы осуществить возврат к здоровой экономике, без которой не может быть ни политической стабильности, ни прочного мира. Наша политика направлена не против какой-либо страны или доктрины, а против голода, нищеты, отчаяния и хаоса. Ее целью должно стать возрождение в мире эффективной экономики, чтобы возникли такие политические и социальные условия, в ко-

торых могли бы функционировать свободные институты». Время паллиативных мер закончилось, настало время подлинной терапии. Все страны, которые восприняли бы эти идеи, могли рассчитывать на американскую помощь; силы, которые, напротив, стремились «сохранить навечно человеческую нищету, чтобы извлечь из нее политическую или какую-либо иную выгоду», натолкнулись бы на противодействие Соединенных Штатов.

Речь шла об обращении общего характера; Маршалл добавил к нему основной политический вывод: «Прежде, чем правительство Соединенных Штатов смогло бы пойти дальше в своих усилиях облегчить ситуацию и оказать поддержку Европе на путях реконструкции, должно быть выработано определенное соглашение между странами Европы. Оно должно определить их потребности и вклад, который каждая из них захочет внести, чтобы придать большую эффективность инициативе, которую наше правительство смогло бы предпринять. Для нас было бы не эффективно и не уместно односторонне представить программу с целью экономического возрождения Европы. Это задача европейцев. Я думаю, инициатива должна прийти из Европы. Роль [Соединенных Штатов] должна заключаться в предоставлении дружеской поддержки в той мере, в какой для нас будет полезно это сделать. Программа должна стать общей программой, результатом соглашения если не всех, то определенного числа европейских стран».

Обычно выделяют два аспекта речи Маршалла: ее расплывчатый характер и призыв к общей европейской деятельности. Неопределенный характер речи рассматривался тогда, как негативная составляющая плана, почти как импровизация. Напротив, это был результат преднамеренного расчета: показать, что у США нет намерения диктовать свои условия европейцам, что они хотят работать вместе с ними (или с той частью из них, кто примет предложение) программу необходимой помощи. И действительно, в речи было намечено четкое разделение обязанностей. Именно европейцы должны были сказать, в чем они больше всего нуждались, а американцы могли ответить, в какой степени они способны были удовлетворить эти потребности. В конце концов, проект не содержал чудодейственного решения, он выполнял скорее функцию маховика, который раскрутил бы тяжело пылящий мотор европейской реконструкции.

Что касается общей европейской программы, то смысл предложения стал ясен через некоторое время, поскольку она содействовала выявлению потенциального расхождения между странами, которые приняли план, и теми, кто от него отказался (страны, находившиеся под советским влиянием); одновременно это доста-

точно реалистичное предложение наносило первый энергичный удар по утопическому европеизму. Маршалл предлагал европейцам объединить свои усилия с американскими политическими инициативами в целях более эффективной координации, т.е. формировалась первая фаза процесса интеграции Западной Европы. Европеизм выходил из состояния неопределенности и трансформировался в политическую деятельность в ответ на американскую инициативу, предлагавшую комплексное рассмотрение общих проблем, включая и новые предложения по решению германского вопроса. При таком подходе основательно подрывались гегемонистские проекты Сталина, единственной целью которых было укрепление советской безопасности в ущерб другим странам.

Предложения Маршалла сразу же приняли Париж и Лондон. Бевин был прекрасно осведомлен о реальных намерениях американцев. Бидо потребовал немедленно послать Молотову приглашение на предварительную встречу. Французский министр действовал, руководствуясь внутривластными соображениями, но и он полностью понимал значение поворота в американской политике. В середине июня оба министра встретились и пригласили Молотова в Париж на трехстороннюю встречу, которая была назначена на 27 июня. Советский министр принял приглашение и прибыл в Париж в сопровождении многочисленной делегации (некоторые свидетельства отмечают около сотни, а другие около 300 экспертов), что, возможно, свидетельствовало об искреннем намерении основательно обсудить американские предложения, как сам Молотов подтверждает в своих мемуарах.

В итоге, в течение нескольких дней, с 27 июня по 2 июля, Молотов участвовал в дискуссии, сочетая стремление к сотрудничеству с элементами резкой критики. Между тем, в течение всех этих дней он пытался заставить англичан и французов отказаться от той формы ответа, на которой настаивал Маршалл: вместо общего европейского проекта предлагалось сформулировать отдельные ответы, касающиеся нужд каждой страны. Этот вопрос поднимался несколько раз в более или менее острой форме, что отражало наличие колебаний и в Москве. Историки той эпохи вспоминают, что советский министр находился в постоянном контакте со Сталиным и Политбюро. Во время этих контактов Молотов получил информацию от советских секретных служб, что план воспринимался англичанами и американцами как защита от советской угрозы.

В этой ситуации любое колебание было объяснимо. На заседании 2 июля Молотов обвинил Бидо и Бевина в стремлении использовать предложения Маршалла как средство для создания новой организации, которая вмешивалась бы во внутренние дела

стран-участниц и руководила бы их развитием. Помощь предоставлялась бы только при условии покорности стран-участниц ответственным руководителям этой организации. Это означало бы, в сущности, по оценке Молотова, неприемлемое требование вмешательства в суверенные права других стран. Он заявил, что принятие плана на этой основе привело бы к расколу Европы на два блока, поэтому в таких условиях он не может продолжать участвовать в дискуссиях. Бидо и Бевин решили идти дальше своим путем и сразу же пригласили все европейские правительства, за исключением советского и испанского (тогда подвергавшегося остракизму, потому что в стране господствовал диктаторский режим фашистского типа), принять участие в конференции, которая должна была собраться в Париже десять дней спустя.

Хотя до сих пор не совсем ясны причины поведения Советов, но совершенно очевидно, что они пошли навстречу намерению американцев оказать поддержку реконструкции лишь той части Европы, которая была связана с рыночной экономикой. Страны, находившиеся под советским господством и в той или иной мере зависевшие от Советского Союза, находились в сильном замешательстве: американское предложение представлялось всем как возможность получения эффективной помощи.

Чехословацкое правительство приняло франко-британское приглашение 4 июля, после отъезда Молотова из Парижа. Польское и югославское правительства готовились последовать этому примеру. Тем не менее, 9 июля чехословацкий премьер-министр коммунист Готвальд и министр иностранных дел Масарик в большой спешке прибыли в Москву для встречи со Сталиным, который прямо сказал им, что западные державы в действительности стараются создать блок, нацеленный на «изоляцию Советского Союза». Более того, в качестве «основного вопроса» на карту была поставлена тема советской дружбы: «Если вы поедете в Париж, — сказал Сталин, — то тем самым выразите намерение участвовать в акции, направленной на изоляцию Советского Союза. Все славянские государства отказались от участия, и даже Албания имела смелость отказаться, вот причина, по которой, как мы считаем, вы должны изменить свое решение». При таком обороте дела ситуация становилась безвыходной даже для независимых чехословаков. 10 июля, после напряженного заседания Совета Министров, их согласие на участие в Парижской конференции было отозвано; поляки и югославы в предыдущие дни также отказались от намерения направить своих представителей в Париж. Раздел Европы совершился.

Другие приглашенные страны (Австрия, Бельгия, Дания, Греция, Исландия, Ирландия, Италия, Люксембург, Норвегия, Нидерланды, Португалия, Швеция, Швейцария, и Турция, кроме того, само собой разумеется, Франция и Великобритания) были представлены на конференции, которая проходила с 12 июля в Париже. Обсуждались запросы европейских стран, методы и принципы реализации американского предложения. Стремление каждой страны привлечь внимание, прежде всего, к своим проблемам, вело к тому, что план становился простым соединением отдельных предложений (что соответствовало пожеланиям Молотова, так энергично отвергавшимся Бевиным и Бидо на начальном этапе дискуссии) и утрачивал характер единого скоординированного европейского проекта. Суммарная оценка общих потребностей, установленных в соответствии с этими просьбами, составила объединенный запрос на оказание помощи на астрономическую цифру в 29 млрд долларов. Клейтон, который представлял американскую сторону, настаивал на более реалистичном и постепенном методе решения проблем; кроме того, он предложил создать организацию, уполномоченную получать, анализировать и передавать предложения и доклады о реальной ситуации в различных европейских странах.

На этой основе в апреле 1948 г. родилась первая организация европейского сотрудничества: Организация европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), к которой позже присоединились сами Соединенные Штаты и Канада. Соединенные Штаты надеялись, что этой организации будут поручены наднациональные задачи, но именно по этому вопросу США натолкнулись на стойкое сопротивление крупнейших европейских стран, ревностно относившихся к своей независимости и озабоченных тем, чтобы финансовые поступления из Соединенных Штатов аккумулировались бы их специальных счетах. Поэтому характер новой организации был преимущественно координационно-технический, она начала свою деятельность в тот момент, когда план Маршалла юридически вступил в силу.

Работа конференции в Париже продолжалась до 22 сентября, когда был представлен общий заключительный доклад, который соответствовал предложениям Маршалла и подтвердил предварительный анализ американского государственного секретаря. По крайней мере частично этот документ отразил американские возражения относительно чрезмерных претензий, возникших в ходе конференции. Проблема заключалась не в том, чтобы возложить только на Соединенные Штаты расходы по реконструкции, а в том, чтобы запустить механизм *самопомощи*, необходимый скорее

для восстановления производительности, чем производства в широком смысле. Американцы должны были установить с согласия европейцев размеры и методы их вмешательства на основе общих рекомендаций, представленных в докладе. Европейские страны взяли на себя обязательство содействовать конвертируемости валют и разработке форм таможенного союза. Стоит отметить, что в те же самые месяцы в Женеве обсуждался вопрос о том, чем заменить Международную торговую организацию (*International Trade Organization*), ее планировалось создать в 1944 г. вместе с Бреттон-Вудскими соглашениями, но она так и не приступила к работе. Поэтому в конце октября было одобрено Общее соглашение по тарифам и торговле (*General Agreement on Tariffs and Trade*), которое должно было играть роль арбитра в международной торговле, исключая Советы и их сателлитов.

Французы во время конференции неоднократно возвращались к германской проблеме и выдвигали свои условия, касавшиеся интернационализации Рурской области и контроля Франции над Сааром. В итоге было принято компромиссное решение, гласившее, что реконструкция Германии весьма важна для возрождения Европы и должна находиться под контролем (ОЕЭС), чтобы избежать пагубных последствий для экономики и финансов других европейских стран. Проекты реконструкции касались всех отраслей производства и предусматривали разный рост в различных отраслях: от минимального в 33% относительно довоенного уровня до максимального в 250% — это касалось добычи угля, производства электроэнергии и стали и переработки нефти.

Общая сумма, необходимая для достижения этих целей и преодоления европейского дефицита, была в общей сложности оценена в 19,3 млрд долларов, которые были распределены на три года. Сумма эта превышала американские оценки и, тем не менее, была недостаточной, чтобы удовлетворить ожидания европейцев. Однако различие подходов было неизбежным и, в конце концов, полезным, потому что помогало администрации Соединенных Штатов в трудных дебатах с республиканским большинством в конгрессе. Принципы, принятые европейцами, представляли своего рода компромисс с американскими установками, поскольку они признавали целесообразным заменить протекционизм сотрудничеством. Односторонние просьбы о консультациях с Соединенными Штатами трансформировались в многосторонний механизм реализации плана Маршалла. Были заложены основы для превращения плана Маршалла в эффективное законодательство и четко оформленные институты, способные предоставлять помощь.

Эта часть процесса касалась почти исключительно Соединенных Штатов. Даже конгресс проявил сочувствие к угрозе экономического кризиса во Франции, Италии и Австрии и одобрил в ноябре 1947 г. программу чрезвычайной помощи, не дожидаясь вступления в силу общего законодательства по плану Маршалла. Зимой 1947/48 г. в эти три страны была направлена чрезвычайная помощь в виде товаров первой необходимости, прежде всего продуктов питания, на общую сумму в 597 млн долларов.

После достаточно продолжительного подготовительного периода, в феврале и апреле 1948 г. в конгрессе начались дебаты, завершившиеся одобрением ряда законодательных мер, которые предусматривали создание Администрации экономического сотрудничества (*Economic Cooperation Administration — ECA*) — института для руководства в Соединенных Штатах реализацией программ международной помощи. Был создан также институт Программа европейского восстановления (*European Recovery Program — ERP*), призванный координировать поступление предусмотренных для Европы ежегодных ассигнований в соответствии с запросами в рамках программы помощи по плану Маршалла. Закон, подписанный Трумэном 3 апреля 1948 г., давал право на ассигнования в первый год 4,3 млрд долларов и поставку еще на миллиард долларов товаров через частные коммерческие каналы. Возглавить *ECA* был приглашен Пол Хоффман, в прошлом предприниматель в области автомобилестроения, президент «Студебекер корпорэйшн»; европейское отделение организации в Париже возглавил Аверелл Гарриман. Итак, предоставление помощи должно было быть согласовано по отдельным странам на основе запросов, изложенных в европейской программе. Помощь могла предоставляться в виде товаров первой необходимости, прежде всего продуктов питания или оборудования, предоставленных американским правительством в виде дара для распределения между отдельными европейскими странами.

Помощь предоставлялась безвозмездно или же превращалась в субсидии на определенных условиях, которые обязывали страну — получатель поставлять товары на ту же стоимость другой стране ОЕЭС, не требуя оплаты. Товары, поставляемые по частным каналам, должны были потом реализовываться на внутреннем рынке по полной цене, а из полученной прибыли правительства формировали «компенсационный фонд», который использовался для финансирования строительных проектов, реконструкции или переоборудования предприятий, а также для других программ, осуществлявшихся с согласия представителя *ERP* на месте. Американская политика, направленная на увеличение производства,

именно по этому вопросу натолкнулась на разные формы сопротивления в различных европейских странах, каждая из которых требовала приоритетного внимания к собственной экономической ситуации.

С апреля 1948 г. по июнь 1951 г., когда экономическая помощь слилась с поставками, реализуемыми на основе Программы военной помощи (*Military Assistance Program*), учрежденной в связи с войной в Корее, общая сумма, предоставленная в распоряжение *ERP* (следует учесть также заем, параллельно выданный Испании) составила 12 млрд 535 млн долларов, почти полностью выплаченных до конца июня 1951 г.

Некоторые американские историки «ревизионисты» утверждают, что, в общем, план Маршалла вылился в стимулирование роста европейской экономики на основе низкой заработной платы (и параллельном подавлении профсоюзного движения), и что в некоторых случаях, как в Италии, привел к экономическому застою. Эти утверждения лишены оснований, так же как пропагандистские тезисы, которые восхваляют план Маршалла как восхитительный результат американской гуманитарной политики, благодаря которой европейской экономике удалось избежать угрозы краха.

В действительности, план Маршалла, если отбросить наивную веру в чудеса, смог почти везде внести решающий вклад в преодоление острого кризисного момента (наиболее трудной ситуация была зимой 1947/48 г.) и способствовал возрождению, которое частично началось с 1948 г. В период функционирования плана Европа завершила послевоенную реконструкцию и вступила в период такого экономического роста (включая Италию), какого раньше не знала. Стоит напомнить, что в 1951г. промышленное производство в ведущих европейских странах, получавших содействие по программе *ERP*, выросло (если принять производство в 1938 г. за базовый индекс 100) в Бельгии до 142, во Франции до 136, в Западной Германии до 115, в Италии до 133, в Голландии до 145, в Великобритании до 155. Платежное сальдо отдельных стран почти повсюду было уравновешено и получило значительную поддержку после создания (осенью 1949 г.) Европейского платежного союза (*UEP*). Создание общего центрального института обеспечило систему межевропейских компенсаций, сократило движение капиталов между странами и позволило осуществлять движение товаров без непосредственной оплаты в соответствующей валюте, что помогло смягчить кризисные моменты.

Цель плана Маршалла заключалась в том, чтобы содействовать, благодаря экономической реконструкции Западной Европы,

возрождению группы государств, которые разделяли ценности и цели Соединенных Штатов. Поэтому, как отмечает Милворд, он сопровождался желанием распространить во всем мире американские принципы социально-экономических отношений. Не следует удивляться тому, что план сопровождался активной пропагандой в пользу «свободного предпринимательства», восхвалением его духа, эффективности и конкуренции: типичные элементы рыночной экономики, составляющие стимулы ее роста. В плане была изложена концепция производительности труда как самодостаточной экономической цели и как косвенного средства смягчения классовых борьбы. Американский историк Чарльз Майер отметил значение этого элемента концепции, который очень ярко характеризует смысл американского вмешательства, даже если не принимать во внимание результаты, исторически достигнутые в каждой стране.

Кроме этого, американское вмешательство содействовало распространению в Европе стремления к сотрудничеству в решении проблем, что служило альтернативой конфликтам, а также отражало возможность преодоления вековых барьеров, которые негативно влияли на жизнь европейцев и продолжали сдерживать развитие континента. Ныне, когда основной мировой потенциал сместился за пределы Старого Света, анахроничными представлялись конфликты, типа противостояния Франции и Западной Германии. США добивались того, чтобы Западная Европа рассматривала подобные конфликты как внутренние проблемы собственной системы и искала бы решения, отвечающие взаимозависимости, которую пытались создать институты типа Европейского платежного союза и Организации европейского экономического сотрудничества. Кстати, пример Германии был более, чем очевиден. Но столь же очевиден был и тот факт, что план Маршалла оказал решающее влияние на углубление характера конфликта, который разделил страну на два государства, что осложнило поиски решения германского вопроса.

8.3.6. РАСКОЛ ГЕРМАНИИ

Выдвижение плана Маршалла и затем его преобразование в оперативный проект создали условия для нового подхода к германскому вопросу. Как уже говорилось, окончание Московской сессии СМВД не означало открытого разрыва, он был отложен только на время, так как выявилась невозможность прийти к соглашению. В последующие недели американская сторона выступила с инициативой воссоздать в Германии взаимозависимую систему,

невзирая на советские планы и, по существу, отмежевываясь от них. Однако никто не считал возможным открыто заявить о расколе Германии, и четыре оккупационные державы продолжали вести дискуссии о реконструкции объединенной Германии.

Тем не менее, ситуация развивалась в противоположном направлении. На первом этапе работы Парижской конференции Бидо заметил в присутствии Молотова: «Ясно, что для нас невозможно думать о коллективном европейском проекте [в ответ Маршаллу], который не включал бы Германию». Бидо добавил к этому утверждению ряд условий, но не сумел обойти очевидные факты. Вопрос о репарациях, который продолжал оставаться на первом плане в каждой дискуссии, посвященной Германии, и относительно которого открыто спорили местные власти всех оккупационных зон и соответствующие оккупационные органы союзников, по мнению ряда авторитетных деятелей, утрачивал свое значение. Например, Гарриман, утверждал: «Мы не сможем возродить экономически самостоятельную Западную Европу без процветающей Германии, играющей свою роль в объединении производства и потребления». Разработка общего плана европейского восстановления, в котором нашлось бы место и для Германии, сделала бы политически приемлемым экономическое и политическое возрождение Германии, а вне этого общего плана вновь ожили бы недавние, еще не забытые страхи. «Европейская схема» начала уже в то время функционировать не только как инструмент изменения международных отношений на континенте, но и как средство смягчения возможных последствий решения германской проблемы.

Несколько дней спустя после выступления Маршалла в Гарварде, 10 июня 1947 г., произошло слияние британской и американской зон оккупации, образовалась Бизония, формирование которой сопровождалось созданием Германского экономического совета и Исполнительной комиссии, назначенных земельными парламентами (ландтагами) соответствующих зон. Первой задачей Экономического совета было послать представителей на Парижскую конференцию по плану Маршалла. Еще не было четкого согласования политических позиций германских партий (в частности, Христианско-демократического союза — ХДС, и Социал-демократической партии — СДПГ) и оккупационных властей. Англичане в соответствии с директивами лондонского лейбористского правительства ориентировались на проведение национализации и социализации; американцы колебались между оказанием полной поддержки свободному предпринимательству и одобрением национализации базовых отраслей. В итоге ситуация оставалась

неустойчивой, потому что проявлялось стремление к обеспечению занятости и одновременно осуществлялся, по крайней мере на бумаге, демонтаж промышленных предприятий в счет репараций. Однако положение несколько выравнивалось благодаря политике эффективной американской помощи. План чрезвычайных мер по оказанию помощи американской зоне оккупации Германии (*Government Aid and Relief in Occupied Areas* — GARIOA) уже начал реализовываться и предусматривал поставки, даже превышавшие по объему те, что затем поступали по плану Маршалла. Но вопрос, в сущности, был политический и касался взаимоотношения между попытками конструктивно изменить внутреннюю ситуацию в Германии и сохранением режима четырехсторонней оккупации под контролем Верховного союзнического командования. Иначе говоря, в то время как в остальной Европе разрыв между союзниками стал очевиден и должен был лишь обрести институциональные формы, в Германии еще сохранялась видимость четырехстороннего согласия, что тормозило любую одностороннюю инициативу.

Кроме того, закрадывалась неуверенность в связи с медленным процессом законодательного оформления плана Маршалла в оперативную программу. В первой части плана поставок, на основе которой была создана Европейская программа реконструкции, четко определялась квота этих поставок, предназначенных также и Западной Германии. Но вместе с тем еще должна была сказать свое слово дипломатия, которая была занята поисками решений, пока что мало убедительных.

Сессия СМВД в Москве прекратила работу в апреле с обязательством продолжить свои заседания осенью того же 1947 г. Совет министров иностранных дел возобновил работу в Лондоне 25 ноября 1947 г. и завершил ее в обстановке открытого разрыва. Выступления обеих сторон жестко противостояли друг другу. Все взывали к необходимости единой Германии, но каждый рисовал ее будущее в соответствии с собственным видением. Маршалл пришел к выводу, что соглашение невозможно и бесполезно продолжать дискуссии. Молотов снова резко повторил, что американцы хотят только одного — освободиться от обязательств, налагаемых Ялтинскими и Потсдамскими соглашениями. В сущности, это было правдой, потому что западные союзники к этому времени уже решили приступить к созданию Тризонии. Министр иностранных дел Франции Бидо, несмотря на то, что ему пришлось преодолеть сильное личное предубеждение и противодействие во Франции, с которым ему, как он и думал, предстояло столкнуться по возвра-

щению на родину, на последней стадии конференции вместе с Бевиным и Маршаллом обязался поддержать проект объединения трех зон. Это было не официальное решение, но важная предпосылка и точное указание нового курса, которому теперь намерены были следовать западные союзники в германском вопросе.

В первой половине 1948 г. были сделаны решительные шаги в этом направлении. 9 февраля 1948 г. англичане и американцы пришли к согласию в вопросе о создании временного германского правительства в Бизонии. Вследствие внезапного выступления коммунистов в Праге представители французского, английского и американского правительств, договорившись прежде со странами Бенилюкса о проведении конференции по Германии, обнародовали 6 марта заявление, в котором объявили, что достигли согласия «установить тесное взаимное сотрудничество с оккупационными властями Западной Германии по всем вопросам, связанным с работой Европейской программы реконструкции». Точного институционального проекта еще не существовало, и потому французы склонялись к образованию германской конфедерации, связанной довольно непрочными узами. Апогей кризиса пришелся на 20 марта.

После провала сессии Совета министров иностранных дел, состоявшейся в Лондоне, Советы продолжали соблюдать формальности четырехстороннего контроля, что дало им основание для выражения ряда резких дипломатических протестов против политики, проводимой западными союзниками, в частности, по вопросу о запрещении деятельности объединившей социалистические и коммунистические силы Социал-демократической единой партии Германии, которая была создана под советским влиянием в зоне, оккупированной Красной армией. Причины озабоченности западных союзников были ясны и заключались в опасении, что присутствие подобной партии могло бы повлиять на позиции Социал-демократической партии Германии и коммунистов в Западной Германии. Это грозило увлечь их идеей создания единой социалистической партии для всей Германии, что спровоцировало бы провал уже задействованных проектов.

В марте 1948 г. вопрос обсуждался неоднократно и в очень острых формах. 20 марта состоялось заседание Союзного контрольного совета, в котором участвовали американский генерал Льюиус Д. Клей, английский генерал Робертсон, французский генерал Кениг и советский маршал Соколовский. Тремя днями раньше был подписан Брюссельский договор, в котором нашла отражение новая ориентация западной политики. Соколовский сразу же предложил, чтобы Союзный контрольный совет обсудил

протест совещания министров иностранных дел Чехословакии, Польши и Югославии против политики западных держав в Германии. Это был удобный случай для полемики, и полемика не заставила себя ждать, достигнув, как обычно, большого накала. Соколовский обвинил западных представителей в том, что они рассматривают четырехстороннюю администрацию как «удобную ширму, за которой тайно предпринимаются односторонние меры против интересов мирных стран и самих немцев», и потребовал, чтобы ему сообщили о соглашениях, подписанных тремя державами относительно Германии в Лондоне несколько дней назад. Клей, который принимал участие в переговорах вместе с генералом Робертсоном, использовал некий предлог для объяснений, почему он не мог своевременно сообщить о принятых решениях. В этот момент советский представитель разразился длинной филиппикой против политики западных держав; затем, прежде чем предоставить другим право для ответа, добавил в качестве председательствующего: «Не вижу основания продолжать это заседание и объявляю его на сегодня закрытым». Вся советская делегация поднялась и ушла из зала заседаний. После этого она отправила в Москву сообщение о возможностях перекрыть западным союзникам доступ в Берлин.

В тот момент никто не думал, что этот мелодраматический уход означал конец работы Союзного контрольного совета. В начале апреля в должность его очередного председателя вступил генерал Клей. Генералу Кенигу, настаивавшему на возобновлении заседаний, он ответил отрицательно и заявил, что больше никто не обращался к нему с такими предложениями. Только тогда стало ясно, что совещание 20 марта — это последнее заседание Совета; четырехстороннее сотрудничество по Германии было прекращено, и каждый из участников почувствовал себя свободным от соглашений, принятых во время войны. В частности, западные державы ощутили полную свободу и продолжили политику интеграции трех зон Германии, а также вовлечения Западной Германии в складывающуюся европейскую систему.

Конференция шести государств, начавшая свою работу в Лондоне в первых числах марта, продолжалась в обстановке недоверия со стороны французов, опасавшихся возрождения старых угроз со стороны Германии. Она завершила свою работу 2 июня 1948 г., приняв документ, который состоял из трех частей: 1) три западные зоны Германии должны участвовать в Европейской программе реконструкции, что ускорит вовлечение Германии в общие усилия по реконструкции Европы; 2) немецкий народ как можно быстрее должен сформировать политические организации и ин-

ституты, которые, отвечая минимальным требованиям союзнических оккупационных властей, обеспечили бы ему самоуправление, а затем и независимость. Поэтому председателям ландтагов было разрешено созвать учредительную ассамблею, где была бы разработана конституция, способная стать основой для формирования Федеративной Республики Германии, осуществляющая центральную власть и обеспечивающей права личности; 3) учреждался орган международного контроля над Руром, в который вошли представители шести стран-участниц Лондонской конференции, но не Германии. Это не привело к отделению Рура от Германии, а только к контролю над «распределением угля и стали», произведенных в области. Задачей контрольного органа было предотвратить производство в агрессивных целях, а также содействовать участию Германии в реконструкции Европы. При принятии данных решений не была использована возможность четырехсторонних соглашений. Советский Союз таким образом отстранялся от международного контроля над Руром.

Эти решения стали причиной последовавших затем мер со стороны Советов по «блокаде Берлина». Они же привели к созыву парламентского совета (более «мягкое» определение в сравнении с учредительной ассамблеей), где с 1 сентября 1948 г. должен был обсуждаться «Основной закон» (еще один эвфемизм, который подменял торжественное слово конституция), призванный стать основополагающим документом создающейся Федеративной Республики. Совет, образованный из 65 членов плюс пять представителей от Берлина без права голоса, избрал председателем Конрада Аденауэра, главу Христианско-демократического союза (ХДС) и продолжал свою работу до весны 1949 г. 12 мая 1949 г., в день, когда закончилась блокада Берлина, военные губернаторы трех западных зон одобрили Основной закон. По завершении его ратификации ландтагами соответствующих земель 7 сентября 1949 г. было провозглашено создание Федеративной Республики Германии, которая 21 сентября была признана военным командованием трех западных держав.

Параллельно с этим три оккупационные державы обсуждали вопрос о юридическом статусе оккупационных сил в связи с образованием государства Западной Германии, которое неизбежно получало ограниченную независимость и временный международный статус. Он предусматривал определенную степень вмешательства во внутреннюю жизнь Германии, но уже спустя два месяца (23 ноября 1949 г.) она была смягчена Петерсбергскими протоколами. Германия получила полную дееспособность в международном плане (в политических пределах, обозначенных борьбой

между СССР и США), хотя на ее территории продолжали символически находиться оккупационные силы и Союзный контрольный совет, которые могли быть устранены только по мирному договору. Но эти неприятные ограничения постепенно ветшали. В эти месяцы встала проблема перевооружения Германии, символ радикальных изменений, произошедших на международной арене в связи с тем, что конфликт между Советами и США из политико-экономической распространился и на военную сферу.

8.4. Рождение Коминформа и положение в Восточной Европе

8.4.1. ПРИЧИНЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

Итак, военный союз не превратился в мирное сотрудничество. Абсолютная невозможность заставить СССР принять международные правила капиталистической системы и американскую версию международного права изменили восприятие Западом Советского Союза: из трудного союзника он сначала превратился в противника, а затем в коварного врага, которому следовало оказать самое упорное сопротивление. В сложившейся обстановке комплекс мер, от доктрины Трумэна до плана Маршалла, привел Запад к стремлению создать свою собственную организацию, нацеленную на «сдерживание» враждебной системы в строго определенных границах, за пределы которых она не могла бы выйти.

Принятию этого решения способствовало также осознание реальности обстановки в Германии: необходимо было признать раздел страны, чтобы воспрепятствовать распространению советского влияния через механизм четырехстороннего управления вплоть до границы с Францией, например, на Рурский угольный и железорудный бассейн. Таким образом, формировалась система, которая должна была отразить возможную (воспринимаемую как реальную) или воображаемую советскую агрессивность и развеять опасения, что в западных странах коммунистическим партиям, тогда тесно связанным с Москвой и руководимым ею, удастся парализовать возрождение жизнеспособной европейской экономической системы, как было запрограммировано в плане Маршалла и его коллег.

Политика противостояния вела к конфронтации и порой к столкновениям и получила название «холодной войны». Ее основным полем стала Европа, но сражения с применением вооруженных сил разворачивались и в Азии. Цели противоборства были тогда не совсем ясны, но сегодня они абсолютно очевидны:

способность утвердить политико-экономическую и социальную организацию, наиболее пригодную (или менее непригодную) для решения проблем, связанных с послевоенными изменениями. Эти проблемы касались правил жизни человеческого сообщества и отношений между ведущими участниками международной системы, опирающихся, казалось бы, на новые правовые нормы, но деформированных борьбой противоположных политических сил, которые, не церемонясь в выборе средств, не пренебрегали ничем, чтобы добиться преимущества.

Между 1946 г. и первым полугодием 1947 г. намечались контуры этого конфликта. То, что произошло позже, было лишь адаптацией к меняющимся обстоятельствам, при этом стороны руководствовались стремлением представить свою собственную систему наиболее притягательной. Но это удавалось не всегда. На тот момент, в 1946–1947 гг., у обеих сторон превалировал подход биполярного противостояния к политике и к соответствующим акциям разворачивающейся борьбы. На определенное представление о советской угрозе следовала реакция американцев; на американскую реакцию следовал советский ответ: жесткий, деформированный в ряде случаев и плохо согласованный с союзниками Москвы, так как ситуация в Восточной Европе еще находилась в стадии консолидации.

8.4.2. СОЗДАНИЕ КОМИНФОРМА

Первым важным шагом в направлении консолидации после призыва к странам Восточной Европы не участвовать в плане Маршалла было решение создать Коминформ. Невозможно сказать с точностью, каковы были причины, которые толкнули Сталина и его близкого сподвижника Андрея Жданова, ответственного за идеологию и пропаганду, возродить международную коммунистическую организацию, координирующую деятельность европейских коммунистических партий, аналогичную распущенному в 1943 г. Коминтерну. Часто это советское решение истолковывают упрощенно, расценивая его как зеркальное противодействие американской инициативе.

Между тем, это утверждение предполагает наличие в Восточной Европе в 1947 г. монолитного блока, уже прочно контролируемого Советским Союзом. В действительности Советы должны были учитывать разнообразие ситуаций в восточноевропейских странах, принимать во внимание различия, существовавшие между компартиями, а также сложную теорико-практическую проблему, сводившуюся к необходимости согласования социалистического

интернационализма (т.е. преданности СССР) с поиском национальных решений задач социальной трансформации. В 1946—1947 гг. стало ясно, что в Румынии и Болгарии контроль коммунистов достаточно прочный, а в Чехословакии, Югославии и в Венгрии он значительно слабее, а в Польше же его пытались удержать с большим трудом. Идеологические аспекты, практические проблемы и политический контроль были теснейшим образом связаны между собой. Однородного политического блока не существовало нигде, американские инициативы предлагали конструктивную альтернативу народным фронтам на Западе.

Идея возрождения органа, координирующего деятельность коммунистических партий, была предложена Сталиным лидеру Югославии Тито еще в середине 1946 г., то есть прежде, чем новая американская внешняя политика стала приобретать четкие формы и ясное содержание. Сталин счел нужным попытаться перехватить внешнеполитическую инициативу уже в июле 1947 г. Предпринять определенные шаги его заставляли как обстоятельства международного характера, так и внутренние причины, связанные с системой советской безопасности. Посол в Вашингтоне Николай Новиков, суровый и влиятельный критик американской политики, его даже называли своего рода советским Кеннаном, в сентябре 1947 г. представил советскому правительству записку, в которой изложил собственный анализ американского империалистического проекта, включавшего доктрину Трумэна и план Маршалла, которые выражали два аспекта единой стратегии (так у Новикова). Из этого анализа вытекало тревожное заключение, что осуществление данных мер делало возможным стратегическое окружение Советского Союза: с запада — с участием Западной Германии и других стран Западной Европы; с севера — линией баз, расположенных на северных островах Атлантики, а также в Канаде и на Аляске; с востока — через Японию и Китай; с юга — от Ближнего Востока до Средиземноморья.

Этот анализ не содержал новых оценок, но интегрировал американские инициативы в единый международный замысел. Усилия Советов предотвратить подобное окружение провалились, и это поставило проблемы безопасности и консолидации в Восточной Европе, где даже деятели коммунистических партий, находившихся у власти, не всегда полностью разделяли советские позиции, как, например, поляк Гомулка, болгарин Трайчо Костов, румын Лукрециу Пэтрэшкану, потому что все они склонялись к концепции «национального» коммунизма. Кроме того, в странах, где контроль коммунистов не был абсолютным, пример Западной Европы мог быть привлекательным, как это произошло в Чехо-

словакии, Польше и в той же Югославии в отношении плана Маршалла.

В Чехословакии существовала еще плюралистическая республика, где президент Бенеш торжественно утверждал, что в стране существует демократический режим. В Венгрии во главе республики стоял умеренный политический деятель Тильди, а коммунистическая партия Венгрии была разделена на тех, кто стоял на последовательно просоветских позициях, и на сторонников национального коммунизма, как Ласло Райк. В Румынии пока существовало монархическое правительство, и на шатком уже троне еще сидел король Михай.

Итак, идея тесно сплоченного просоветского блока, управляемого железной рукой Москвы, была стереотипом, рожденным на Западе. В действительности нельзя было еще говорить ни о полной сателлизации, ни о сталинизации, поэтому Советы не напрасно с тревогой относились к скрытым разногласиям, которые потенциально подрывали прочность их господства. Другими словами, постоянная дилемма между национализмом и интернационализмом, которую коммунистические идеологи надеялись разрешить с помощью формулировки «пролетарский интернационализм», была отнюдь не устранена. Более того, уже тогда эта антиномия угрожала прочности системы, потому что национализм готов был, как стоговая гидра, выживаться в самых немыслимых местах.

Если вдуматься, то устремления обеих сторон сходились в одном пункте: усилению Запада противопоставлялось укрепление Советов. Оба импульса вели к одному итогу. После нескольких месяцев подготовки с 21 по 27 сентября 1947г. в маленьком городке Шклярска Поремба, близ Вроцлава в Польше, состоялась конференция представителей коммунистических партий Восточной Европы (по неизвестным причинам не была приглашена только албанская партия), а также французской и итальянской. Это была исключительно европейская конференция, от участия в которой были отстранены маргинальные коммунистические партии или партии, находившиеся в двойственной ситуации как СЕПГ Восточной Германии, коммунистическая партия Греции, компартии Скандинавских стран и др.

ВКП(б) была представлена Андреем Ждановым и Георгием Маленковым; коммунистические партии Восточной Европы — важными делегациями, но не на самом высоком уровне. Возможно, в этом выразилось нежелание некоторых партий обсуждать их стратегическую линию (как утверждают некоторые авторы), либо намерение Сталина не привлекать большого внимания к возрождению Коммунистического Интернационала. Итальянские комму-

нисты были представлены Луиджи Лонго и Эудженио Реале (бывшим послом Италии в Варшаве, позже ставшим диссидентом, автором частичного отчета о работах конференции), а французские — Жаком Дюкло, заместителем Мориса Тореза.

Обозначились две точки зрения собравшихся. Первая была выражена в выступлении Жданова, которое прозвучало как обличительная речь против позиций американского империализма в мире и, в частности, в Европе. По словам Жданова, американские действия были порождены необходимостью предотвратить, используя политику агрессии и перевооружения, экономический кризис, приближение которого составляло одно из положений советской концепции капитализма. Теория двух «лагерей», империалистического и социалистического, на которые мир был необратимо разделен, предусматривала, что первый лагерь стремился к установлению американского мирового господства, второй — был призван отразить контрнаступление капитализма, ликвидировать остатки фашизма и укреплять демократию. Даже не заглядывая в будущее, в отличие от высказываний Сталина в феврале 1946 г., Жданов, считая неизбежным столкновение между двумя «лагерями», отметил серьезность положения и поставил перед партиями Западной Европы задачу «взять в свои руки знамя защиты национальной независимости и суверенитета своих стран», чтобы предотвратить порабощение Европы. Парадоксально, но задача, поставленная перед западными компартиями была противоположной той, что выдвинулась перед компартиями Восточной Европы, которые должны были бороться с национализмом и теснее сплотиться вокруг Советского Союза в соответствии с концепцией, изложенной некоторое время спустя венгром Ракоши и заключавшейся в том, что «основные черты социалистического строительства в Советском Союзе [имеют] универсальную ценность».

Вторая точка зрения была выражена югославами Джиласом и Карделем, которые обвиняли итальянских и французских коммунистов в мягкотелости, проявленной в борьбе с капиталистической политикой в своих странах. Они произнесли жесткую обвинительную речь, критикуя итальянских и французских коммунистов за их ностальгические устремления вернуться в правительственную коалицию вместе с буржуазными партиями: «Новая демократия, — сказал Кардель, — начинается там, где рабочий класс в союзе с другими массами трудящихся обладает ключевыми позициями власти в государстве». Политическое значение этих нападок было двояким: с одной стороны, они показывали надежность югославских обязательств по отношению к СССР, в чем в Москве начали сомневаться, с другой, возможно, это был ответ на колебания Советов по вопросу о лояльности югославам. Подтверждая

свою преданность, они вместе с тем продемонстрировали, что заняли позицию, которую в тот момент Сталин не разделял до конца, но позволил югославам взвалить на себя ответственность за экстремизм, который грозил им изоляцией в рабочем движении, если раскол Восток—Запад несколько ослабеет.

В сущности, выпад югославам был прелюдией к массивным выступлениям всех присутствовавших против двух «западных партий», их призывали отказаться от надежды на компромисс с буржуазией и перейти к политике жесткой непримиримой оппозиции. Трудно было сказать, каковы будут результаты этой политики, поскольку в то время никто не мог предвидеть характер политических изменений на европейском континенте. Так, с момента создания «Нового коммунистического интернационала», получившего название Коминформ (его резиденция находилась сначала в Белграде, а с середины 1948 г. в Бухаресте), в его платформе уже содержались основные противоречия. С одной стороны, он обязывал западные партии стремиться к недостижимым целям, что могло лишь ухудшить их положение и привести к изоляции в своих странах, а с другой, основываясь на теории единства социалистического «лагеря», держал в узде компартии Восточной Европы. После создания Коминформа итальянская и французская компартии с удивлением, но безропотно приняли выдвинутые против них обвинения.

8.4.3. СТАЛИНИЗАЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В Восточной Европе, как пишет Мастны, Коминформ «бил в набат по поводу каких-либо проявлений плюрализма», то есть началась подлинная сталинизация системы. В Румынии после вынужденного отречения короля Михая была провозглашена республика. В январе 1948 г. после объединения социалистической и коммунистической партий Георгиу-Деж и Анна Паукер повели борьбу с «националистом» Пэтрэшкану, который был снят со всех своих постов. В Венгрии Ракоши стал главным выразителем сталинской политики, он начал проводить чистки и дошел до того, что обличил Райка как представителя американских секретных служб, отдал его под суд, приговоривший видного коммунистического деятеля к смертной казни через повешение. В Болгарии Костова ждала та же участь. В Польше Гомулка, который уже во время заседаний в Шклярска Поремба проявил заметную самостоятельность суждений, был лишен всех своих должностей, но не был арестован, хотя и «находился под наблюдением и под охраной».

Наиболее шумевшие события имели место в Чехословакии, в Восточной Германии и в Югославии. В Чехословакии при поддержке Советов в феврале 1948 г. коммунистическая партия, озабоченная тем, что реконструкция на Западе окажется привлекательной и для самой Чехословакии, сочла бесполезным продолжать экспериментировать с плюрализмом. Поскольку в это время нарастал процесс усиления международной напряженности, «лагеря» превращались в противоборствующие «блоки», то и компартия Чехословакии воспользовалась первым удобным случаем для ужесточения своей позиции. Правительственным большинством было принято решение помешать министру внутренних дел (коммунисту) уволить двух чиновников пражской полиции, которые, как опасались коммунисты, могли воспрепятствовать манипуляции результатами избирательной кампании. С протестом выступила коммунистическая партия, — она отказалась признать правительственное решение. Это выступление подтолкнуло представителей некоторых «буржуазных» партий («народных» католиков, чешских социалистов и словацких демократов) выйти из состава правительства. Кризис был представлен коммунистами как попытка тайного сговора между демократическими партиями и западными державами и даже как заговор, чтобы свергнуть республику. Были мобилизованы профсоюзы и заводские советы для проведения массовых демонстраций. Подразделения полиции, контролировавшиеся коммунистами, прибыли в Прагу, и 22 февраля начались массовые аресты их политических противников. 24 февраля Готвальд призвал к всеобщей забастовке, а тем временем вооруженные группы коммунистов прибывали в столицу. Замминистра иностранных дел СССР Валериан Зорин наблюдал за обстановкой, находясь в Праге.

Политический кризис был разрешен в атмосфере страха и насилия. Президент Бенеш, больной и подавленный, принял отставку министров-некоммунистов и 29 февраля признал создание правительства, руководимого коммунистами. Несколько дней спустя, 10 марта, Ян Масарик, сын одного из основателей республики и министр иностранных дел, покончил с собой, выбросившись из окна министерства. Многие сомневались в самоубийстве и предполагали, что акт насилия был совершен коммунистами, тем не менее, у человека, который видел крушение всех своих демократических идеалов, было более чем достаточно причин для отчаяния.

После этих событий коммунисты сразу принялись за подготовку избирательной кампании. Предстояло избрать 300 новых членов Национальной ассамблеи, среди которых оказалось 237 коммунистических

тов. Круг замкнулся, а вместе с ним угасли надежды, что Чехословакия сможет остаться связующим каналом между двумя враждебными мирами и экспериментальной сферой для прокладывания национального пути к демократическим и социальным реформам. Ошибка, совершенная чехословацкими коммунистами (и их советскими сторонниками), заключалась в недооценке психологических последствий их выступления. Если до этого момента советская политика воспринималась с недоверием, но с пониманием, то с тех пор ее стали оценивать более чем сурово. Коминформ решил издавать свою газету «За прочный мир, за народную демократию», но пражские события послужили противоядием в больших дозах против пропагандистских призывов, которые это издание распространяло в Европе. Возможно, название газеты выражало реальные опасения, что новая американская политика нацелена на войну, поскольку эта политика является результатом «атомной дипломатии», то есть дипломатии, исходящей из условий превосходства, созданных атомной монополией, но этим опасениям противостояли сообщения о массовых репрессиях во всех странах Восточной Европы, на которую и, в самом деле, опустился «железный занавес».

Репрессированный чехословацкий коммунист Артур Лондон в своей книге «Дознание» рассказал о жестоких методах режима, которому повсюду мерещились враги: в собственных рядах и в рядах политических противников. Если до февраля 1948 г. те, кто верил в существование советской угрозы в Европе, были в меньшинстве, то после этого число тех, кто поверил в нее, выросло неимоверно. Пражские события в значительной мере повлияли на результаты выборов в Италии 18 апреля 1948 г., где коммунисты потерпели серьезное поражение, они также отразились и на позициях западных социалистов.

8.4.4. «БЛОКАДА БЕРЛИНА» И СОЗДАНИЕ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ ГЕРМАНИИ

Положение Берлина давало Советам еще одну возможность оказать сопротивление созданию западного блока, и в особенности, помешать интеграции между Великобританией, Соединенными Штатами, Францией и Западной Германией. Согласно решениям, принятым в конце войны, в Берлине, который был оккупирован войсками четырех держав, хотя и находился географически внутри советской зоны, действовал режим, аналогичный тому, что распространялся на всю остальную Германию. Город также был поделен на четыре сектора оккупации, управляемых как еди-

ное экономическое целое четырехсторонней Комендатурой. В октябре 1946 г. к ней присоединился избранный всеобщим голосованием Берлинский магистрат, в котором 80 % мест принадлежали СДПГ, ХДС и Либерально-демократической партии, а просоветская СЕПГ располагала менее чем 20%.

Столь сложная ситуация, основанная на предпосылке достижения легкого соглашения четырех победителей (в противном случае ситуация могла легко перерасти в кризисную), породила два основных вопроса. Первый касался ответственности за оказание помощи населению города, разрушенного войной; второй был связан с предыдущим и касался коммуникаций между западными секторами Берлина и западными зонами оккупации Германии. По первому из этих вопросов Советы, озабоченные трудностью решения проблемы, отклоняли, возможно слишком поспешно, любые предложения, возлагавшие на них оказание помощи, необходимой для выживания населения целого города, и требовали, чтобы каждая оккупационная держава взяла бы на себя снабжение населения отведенного ей сектора.

Подобная трактовка проблемы предполагала соглашение о поставках помощи и в жесткой форме ставила вопрос о коммуникациях между западными секторами Берлина и соответствующими зонами Германии. По этому вопросу военные коменданты заключили ряд соглашений, благодаря которым к ноябрю 1945 г. три западные державы получили возможность использовать железнодорожные пути, автостреды, речное судоходство и три четко очерченных воздушных коридора для коммуникаций, не подлежащих какой-либо форме контроля. Более того, по мнению американского генерала Клея, «было согласовано, что все перевозки — воздушные, речные и железнодорожные — ...не подлежат какой-либо форме контроля или инспекции со стороны таможенных или военных властей».

Напряженные ситуации, возникавшие за пределами Берлина, систематически отражались на деятельности союзной комендатуры, а также на условиях жизни горожан в зависимости от разных секторов оккупации, разделение на которые еще не превратилось в жесткий раскол, как это произошло позже. Первые осложнения начались в марте—апреле 1948 г., когда советское командование информировало союзников, что с этого времени передвижения людей из западных зон оккупации Берлина и обратно подлежат контролю, а потому требуется обращаться с запросом на получение разрешения от советских властей. Это был первый шаг, за которым последовали столь же односторонние действия в то время как конференция шести в Лондоне приближалась к выработке

решения о создании Федеративной Республики Германии. 11 июня несколько раз временно прерывалось наземное движение в Берлин и в самом городе. Но настоящим поворотным моментом стало решение союзников провести в Западной Германии собственную денежную реформу, которая предусматривала обмен денег: после этого в двух частях Германии появилась разная валюта с различной реальной покупательной способностью.

Решение валютного вопроса было одним из важнейших моментов в оздоровлении экономической ситуации в Германии и в ее включении в сферу действия плана Маршалла. Действительно, в начале 1948 г. в стране ходили три вида бумажных денег: сильно девальвированная довоенная немецкая марка; марка, напечатанная оккупационными властями и признанная на паритетной основе как валюта с номинальной стоимостью; марка, напечатанная Советами на матрицах, предоставленных им союзниками, и пущенная в Германии в оборот в неизвестно каком количестве. Оккупационные марки, напечатанные Советами, имели ту же стоимость, что и другие оккупационные марки, и так же могли обмениваться на немецкие марки в режиме валютного паритета.

Это соответствовало принципу руководства германской экономикой как единым целым, но денежная система не подлежала никакому эффективному контролю, и, более того укрепляла рубль, который в Берлине обменивался наравне с оккупационной маркой и, следовательно, с немецкой маркой. Опыт первых послевоенных лет был слишком горьким, чтобы позволить сохраниться — в контексте происходивших политических изменений — беспорядку в этой важной сфере. Отсюда родилась потребность в денежной реформе, которая поставила бы ситуацию под контроль.

18 июня стало днем осуществления реформы в западных зонах: была выпущена новая марка (западная марка); ее можно было обменять по курсу одну марку за десять любых марок, которые ходили на германском денежном рынке. Достаточно было самой по себе реформы, чтобы вызвать враждебную реакцию Советов. Проблема Берлина могла лишь ее ужесточить. Что же все-таки произошло с валютным режимом в городе? Англо-американские проекты предполагали для бывшей столицы отдельную валюту, но реформа дала маршалу Соколовскому возможность обвинить союзников в намерении разрушить экономическое единство Германии, предусмотренное Потсдамскими соглашениями, и затем отвергнуть предложение западной валюты для Берлина. Предлагалось, чтобы в городе под четырехсторонним контролем получила бы хождение денежная единица, которую Советы использовали в своем секторе. Более того, Соколовский приказал

не допускать хождение западной марки в Берлине, потому что город был экономически включен в советскую зону оккупации.

В ответ Запад напомнил, что ни одна из четырех оккупационных держав не имела права принимать решения за других, и каждая из них вводила в своем секторе оккупации новую немецкую марку, не разъясняя, вводится ли новая денежная единица также и в советской части Берлина.

Репрессалии не заставили себя долго ждать. Между 22 и 25 июня коммунисты из СЕПГ предприняли ряд попыток воспрепятствовать вступлению в силу решений западных держав в берлинском магистрате. Советы объявили о введении своей «немецкой валюты» и 22 потребовали, но безрезультатно, ее признания как легальной валюты также и для Западного Берлина. В атмосфере возникшей напряженности подобные предложения были отвергнуты, и тогда Советы полностью блокировали железнодорожное, наземное и речное сообщение между Берлином и Западной Германией. Они не блокировали воздушное сообщение, потому что это, очевидно, вызвало бы вооруженные инциденты.

В мире все глаза были устремлены на Берлин, потому что ситуация, складывавшаяся в прежней германской столице, казалась взрывоопасной и, вместе с тем, символичной. Взрывоопасной, потому что напряжение могло бы вылиться в вооруженное столкновение, если принять во внимание намерение Сталина взять город под полный контроль. Символичной, потому что ответ Запада на блокаду раскрыл бы реальную ценность американских обязательств в Европе. Блокада означала невозможность снабжать берлинцев, проживающих в западных секторах, используя наземные коммуникации. Существовала опасность, что с быстрым истощением запасов, берлинцы вынуждены будут согласиться с советскими требованиями, и тогда западные силы могут либо покинуть город либо оставаться там в униженном состоянии, потерпев политическое поражение.

Это был один из тех моментов, когда Трумэн проявил стойкость. Необходимо было обеспечить жителям Западного Берлина поставки такого количества помощи, которые сорвали бы советские планы. Было подсчитано, что необходимо отправлять в Западный Берлин для выживания его граждан по крайней мере 3 500 тонн грузов в день (прежде всего, продуктов питания и горючего), и единственно возможным путем оставались воздушные коридоры — довольно опасные, поскольку их нельзя было нарушить, не рискуя изменить характер кризиса и превратить его из политического в военный. В считанные недели был полностью укомплектован мощный воздушный флот. В феврале 1949 г. было

подсчитано, что в аэропортах Западного Берлина американский самолет приземлялся каждые две минуты; в город доставлялось около 7–8 тысяч тонн грузов в день. Итак, конфликт, инициированный Советами, был выигран в техническом отношении, и план помешать созданию Федеративной Республики Германии или, по крайней мере, добиться изгнания западных союзников из Берлина, провалился.

Во время блокады дипломатические контакты между двумя сторонами, однако, не прервались. В начале июля 1948 г. военные губернаторы союзных оккупационных зон встретились с маршалом Соколовским для поисков путей выхода из кризиса, но ответ маршала был четким: блокада будет продолжаться, пока Запад не откажется от планов учреждения правительства Западной Германии. Послы трех западных стран в Москве, руководимые американцем У.Б. Смитом, в августе потребовали встречи со Сталиным и Молотовым. Встреча состоялась 2 августа, советский диктатор был жизнерадостен, в примирительном настроении и готов предложить компромиссные формулировки по таким вопросам, как, например, отсрочка уже принятых решений, советское участие в контроле над Руром, хождение в Берлине только марки советской зоны. Советы соглашались, на продолжение подготовки к созданию Федеративной Республики Германии, но выражали свою негативную позицию по этому вопросу, не превращая его, однако, в ингредиент берлинского кризиса. С жизнерадостностью и гибкостью Сталина контрастировало поведение Молотова, непримиримая позиция которого убедила западных дипломатов, что бесполезно продолжать диалог, и, напротив, надо использовать возможности, позволяющие добиться большого политического успеха.

Только в начале 1949 г. ситуация была разблокирована. 30 января Сталин в интервью американскому журналисту дал понять, что есть надежда на достижение компромисса: блокада могла быть снята при условии, что союзники вынесут вопрос о создании Федеративной Республики Германии на сессию Совета министров иностранных дел, который обсудил бы германскую проблему. Изменение было очень небольшим, но четким: принципиальная оппозиция в отношении политики союзников уступила место условию, которое могло быть легко выполнено *прежде*, чем была бы создана Федеративная Республика Германии. Сталин не выдвинул других условий.

Вопрос обсуждался в период между февралем и началом мая 1949 г. В коммюнике от 5 мая, подписанном представителями че-

тырех оккупационных держав, объявлялось, что блокада закончится 12 мая, а 23 мая начнется сессия Совета министров иностранных дел. Таким образом, ситуация быстро возвращалась к нормальному состоянию. Возможно, единственная политическая цена, которая была заплачена Западом, был отказ от полного включения Берлина в Западную Германию. Его избранные представители должны были принимать участие в заседаниях федерального парламента (бундестага), но без права голоса. Кроме того, четыре сектора города остались под символическим совместным управлением союзников. В западных секторах оккупация была облегчена, насколько это было возможно, и осталась как бы внешним проявлением присутствия союзников, и в то же время напоминанием о прошлом, как гарантия в связи с присутствием Советов. Западные союзники оставили за собой задачи, связанные с разоружением и демилитаризацией, контролем над внешней политикой и торговлей, а также контроль за финансовыми потоками.

После кризиса Берлин коренным образом изменился. С тех пор город был надолго разделен на две части: одна часть стала витриной западного метода решения проблем реконструкции, другая часть зеркально отражала советский подход к решению тех же проблем и позволяла Советскому Союзу находиться в сердце Европы. Коммуникации между двумя частями города были затруднены, а со временем оказались и вовсе парализованными, порой они провоцировали новые мини-кризисы. Итак, в центре Германии оставалась открытой проблема, которая постоянно поддерживала чувство неуверенности, служила индикатором болезненного состояния обеих частей города.

Блокада Берлина получила широкие отклики как в Европе, так и во всем мире. Именно в день окончания блокады военные губернаторы приняли основной закон, т.е. Конституцию Федеративной Республики Германии. 23 мая в Париже началась запланированная сессия Совета министров иностранных дел, которая продолжалась до 20 июня и закончилась безрезультатно. У Советов была возможность предстать наиболее твердыми сторонниками восстановления единства Германии, в то время как Запад заявлял об отказе от немедленного достижения единства. В действительности, по завершению процесса ратификации Основного закона ландтагами заинтересованных земель состоялось заседание германского федерального парламента, который провозгласил создание Федеративной Республики Германии, а затем избрал первого канцлера новой республики — главу ХДС Конрада Аденауэра. 21 сентября союзные военные власти признали новое правительство.

Параллельно в Берлине было создано правительство западной части города.

Блокада получила широкий мировой резонанс, хотя и не затормозила развитие внутренних процессов Германии. Через несколько недель после пражского переворота произошли берлинские события, уже назревал советско-югославский конфликт — все эти кризисные моменты создавали на Западе определенный образ советской власти, намеренной помешать реконструкции Европы, объединившейся под эгидой Соединенных Штатов. Средства, использованные в политической борьбе, которую многие выстраивали в единую последовательную линию, создавали впечатление жесткой агрессивности, разжигавшей антикоммунистические настроения и страх перед агрессивными планами Советского Союза. Не случайно переговоры по заключению Североатлантического пакта состоялись после начала блокады Берлина и завершились 4 апреля 1949 г. Возможно, страх европейцев был не столь обоснован, как им казалось, но они считали необходимым, чтобы экономическая интеграция, осуществлявшаяся по плану Маршалла, получила бы столь же эффективную военно-политическую опору. Это не значит, что Атлантический пакт был создан *вследствие* блокады Берлина, но блокада в значительной мере обострила ощущение угрозы, которое привело к подписанию этого пакта.

8.4.5. ИСКЛЮЧЕНИЕ ЮГОСЛАВИИ ИЗ КОМИНФОРМА

Третьим важным эпизодом, который отразил ужесточение сталинских позиций в связи с изменениями в Западной Европе, стал, как это ни парадоксально, первый кризис внутри советского блока. Он привел к открытому разрыву между Советским Союзом и Югославией, закрепленному резолюцией Коминформа от 28 июня 1948 г. Этот кризис с самого начала был представлен как результат идеологических расхождений. Хотя этот элемент играл значительную роль в происшедших событиях, тем не менее, он представляется второстепенным по сравнению с вопросами международного характера: эти вопросы впервые обнажили всегда присутствовавшие в советской системе трудности сочетания интернационализма с национализмом.

Интернационализм в 1947–1948 гг. стал (или оставался) синонимом совершеннейшей преданности советской политике, и с этого момента и в дальнейшем, означал формирование правительств, соответствующих сталинской модели и покорных воле Москвы. Интернационализм стал синонимом зависимости от СССР как во

внутренней, так и в международной политике. Таким образом, сталинская система уже содержала элементы слабости, которые позже ее раскололи; они заключались в неспособности принять различные политические формы, лишь бы они были совместимы со структурными требованиями системы. Результатом подобного ужесточения стала политика насильственных чисток, проводившаяся внутри коммунистических партий Восточной Европы.

Она была менее заметна в Югославии, где присутствие Тито на посту главы коммунистической партии затрудняло как проведение чисток, нежелательных для самого лидера, так и навязывание советских норм партийной жизни, которые не совсем разделялись в Белграде. Тито и в самом деле считал себя не только вождем югославского народа. Придя к власти на волне партизанского движения, которым он руководил во время войны вплоть до освобождения почти всей югославской территории еще до прибытия советских войск, Тито фактически хотел, чтобы его считали вторым лидером после самого Сталина. И в то время как Сталин, побуждаемый причинами более широкого характера, в 1941–1947 гг. проводил достаточно гибкую политику как внутри советской системы, так и в отношении Запада, Тито был гораздо более жестким в своем безусловном противостоянии Западу. Это же продемонстрировали его представители на конференции в Шклярска Поремба, сблизившись с радикальными взглядами Жданова в пропаганде теории противостояния двух лагерей, на которые была разделена мировая система. Уже это чрезмерное рвение посеяло семена недоверия между коммунистическими партиями. Не все были согласны с линией Коминформа, даже когда следовали ей.

Еще больше раздражала Сталина склонность Тито считать себя своего рода ведущим лидером коммунистических партий всей Дунайско — Балканской Европы. Появилась даже идея, что он хотел бы возглавить социализм всего региона, повысив свой собственный престиж. Он отказался от пассивного согласия с советскими проектами экономической реконструкции, которые предполагали зависимость от СССР и жестко определяли роль каждого государства-союзника, — югославский лидер выдвинул идею создания федерации Балканских стран. Сталин все это воспринимал с некоторой озабоченностью, потому что усиленная активность могла бы привести Тито к непредусмотренным акциям, как, например, аннексия Албании, которую Сталин в течение некоторого времени вроде бы одобрял. С 1945 г. в связи с кризисом, спровоцированным захватом Югославией части Триеста, по 1948 г., ког-

да Тито намерен был поддерживать греческих партизан, а Сталин не советовал этого делать, недостатка в причинах для разногласий не было.

Всех этих причин было более, чем достаточно, чтобы Сталин вел осторожную политику. До начала 1948 г. он колебался в своем отношении к Югославии; затем наступил момент перехода к действиям, как и в Праге. В январе 1948 г. он пригласил в Москву Милована Джиласа, который был близким соратником Тито, его правой рукой. Джилас так описывает эту встречу: с одной стороны, Сталин льстил ему, давая понять, что хотел бы поставить его на место Тито, с другой, перейдя в наступление, резко обвинял его в том, что Югославия проводит политику, направленную на создание балканской федерации. От этих проектов следовало отказаться. Югославов также упрекали за то, что они принимали важные решения в области внешней политики, не советуясь с Советским Союзом. Возвратившись, Джилас предупредил об угрозах, содержащихся в высказываниях Сталина, которые вскоре подтвердились.

27 марта 1948 г. Сталин и Молотов написали Тито письмо, которое содержало резкую доктринальную критику югославской политики и обвинения Джиласа в том, что он является сторонником идеологических отклонений. Это было, комментировал Тито, как гром среди ясного неба. Был созван Центральный Комитет Коммунистической партии Югославии и был подготовлен длинный ответ, в котором обвинения были отвергнуты как результат дезинформации. Сталин занял еще более непримиримую позицию и решил убрать лидера Югославии с партийных и государственных постов; затем попытался сплотить против Тито других видных деятелей югославской компартии, но безуспешно. Его обвинения против Тито были разосланы всем партиям Коминформа, чтобы двусторонний спор превратить в конфликт с участием всего Коминформа. Последний собрался на совещание в Бухаресте 28 июня 1948 г., которое одобрило резолюцию, осуждающую идеологический уклонизм Тито и его главных соратников — Джиласа, Карделя и Ранковича. «Здоровые элементы» коммунистической партии Югославии были призваны свергнуть руководителей — уклонистов. Затем партия в назидание остальным была публично исключена из Коминформа.

Кризис возник внезапно и для многих был неожиданным. Противоречия между двумя партиями достигли наивысшей остроты. Советы долгое время пытались, но безуспешно, организовать выступление против Тито. Между тем, Тито отверг обвине-

ния Коминформа и отказался пойти на уступки под давлением угроз в его адрес. Сталин говорил, что ему было бы достаточно «пошевелить мизинцем», чтобы заставить югославского диктатора повиноваться, но он ошибался. У Тито был сильный стимул к самоутверждению и решимость держать власть под контролем. Он не отстранился идейно от «социалистического лагеря». Более того, как показывают новейшие исторические работы, он продолжал афишировать лояльность в отношении Сталина (так пишет Стефан Павлович). Он отошел от социалистического «лагеря» более всего в области международной политики, отдаление происходило медленно и постепенно, так что в течение нескольких месяцев положение Югославии было настолько неясным, что Советы даже обвиняли ее в переходе в империалистический лагерь. Только в 1950 г. «титоизм» стал формой независимого коммунизма, который Запад пытался повернуть против Советского Союза.

Глава девятая

ОБРАЗОВАНИЕ БЛОКОВ И ЭВОЛЮЦИЯ ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

9.1. Создание Атлантического пакта. Европеистская составляющая

9.1.1. БРЮССЕЛЬСКИЙ ПАКТ

В период с середины 1947 до середины 1948 г. разделение Европы было, следовательно, завершено. «Железный занавес», о котором Черчилль говорил в марте 1946 г. как о потенциальной угрозе, стал реальностью. Две части континента были разделены коренными отличиями политических систем и методов правления. Советский Союз, пусть и с трудом, пытался утвердить свою гегемонию в Восточной Европе. План Маршалла (*European Recovery Program*) и формирование политически однородных правительств во всех странах положили начало процессу возрождения и интеграции Западной Европы (при этом наиболее значимым моментом стало создание Федеративной Республики Германии). В его основе лежала предпринятая американцами, но использованная в своих интересах рядом европейских государственных деятелей, попытка способствовать реконструкции Западной Европы с помощью постепенной интеграции, в которой многие усматривали первые шаги в направлении объединения Европы. В самом деле, в тот период европеизм вышел за рамки утопии или политической пропаганды и стал одной из мотиваций, вдохновляющих переустройство Европы — европеизм как политический и экономический проект и как реакция на опасения того, что активность Советского Союза приобретет угрожающий характер в военно-политическом плане.

Действительно, американская политика в отношении Европы, а также и Советского Союза строилась на двух предпосылках — военного и экономического превосходства. Военное превосходство придавало политическую уверенность, достаточную для выдвижения эффективной экономической стратегии, что было продемонстрировано началом осуществления, вслед за временной помощью, плана Маршалла. Кое-кто расценил эти политические моменты как результат «атомной дипломатии», то есть деятельности, пронизанной уверенностью в отсутствии препятствий. Однако

президент Трумэн хорошо понимал невозможность использовать американский ядерный потенциал для победы над Советским Союзом; поэтому американская атомная монополия, которая влияла на ситуацию, была лишь фоном деятельности, опиравшейся на ресурсы Соединенных Штатов преимущественно в экономической области. Иными словами, в соответствии с традицией своей внешней политики американцы продемонстрировали, что они предпочитают формулы не политических и не прямых обязательств. Предложение, обращенное к европейским государствам, чтобы они сами совместными усилиями сформулировали проект ответа на речь государственного секретаря, отражало как раз намерение вписать двусторонние связи в общий механизм многостороннего сотрудничества.

Вскоре, в конце 1947 и в первые месяцы 1948 года, стало очевидно, что масштаб этих обязательств недостаточен. В Европе распространилось опасение, что достижениям плана Маршалла потенциально угрожает распространение советского влияния и даже прямая военная угроза, в отношении которой западным странам необходимо принять соответствующие меры. Этот «страх» коренился в большей степени в массовой психологии, чем в реальной ситуации. Все известные представители западного мира, опрошенные по отдельности, были готовы заявить, что советской военной угрозы не существует, и все-таки в то же время они высказывали убеждение в необходимости увязывать экономические соглашения с военно-политическими договоренностями.

Толчком в этом направлении послужило в первую очередь образование Коминформа. Пацифистская пропаганда, которую Коминформ, по приказу Сталина, распространял в Европе посредством периодической печати и через движение «сторонников мира», расценивалась не как результат обеспокоенности Советского Союза относительно действительной опасности войны, но как сознательный обман, предназначенный для общественного мнения западных стран. Впрочем, в подтверждение обоснованности такого заключения осенью 1947 г. началось наступление коммунистов в Италии и во Франции, вдохновляемое убежденностью, что против объединения Западной Европы под эгидой американцев необходимо бороться, включая и непарламентские методы. Это наступление, развернутое на волне экономических и политических забастовок и порой принимавшее форму открытого выступления против государственной власти, было ответом на разного рода критику, сопровождавшую рождение Коминформа. Однако его результат оказался контрпродуктивным, поскольку оно

сдвинуло компартии двух европейских стран (Франции и Италии) на позиции, все более далекие от возвращения в правительство и все менее одобряемые общественным мнением. Иными словами, экстремистская пропаганда порождает страх возможного разрушения общества и опасение, что силовые методы будут препятствовать осуществлению начатых проектов и откроют путь для просоветских правительств.

Государственный переворот в Праге добавил новые штрихи в эту мрачную картину. Кроме того, известия о первых чистках внутри компартий стран Восточной Европы и о преследованиях, которым подвергалось в этих странах духовенство, в особенности католическое, сделали картину еще более тревожной.

Провал сессии Совета министров иностранных дел, состоявшейся в Лондоне в ноябре–декабре 1947 г., подтолкнул правительства к пониманию того, что внутренние кризисы переплетаются с международными проблемами. Препятствия для переустройства Старого Света представляли все еще существовавшая в центре Европы нестабильность, необходимость подтвердить согласие французов на воссоздание германского правительства и уточнить обязательства Великобритании в данной ситуации. Однако прежде всего необходимо было побудить Соединенные Штаты выйти за пределы чисто политических и экономических обязательств, в том числе и для того, чтобы дать понять Советскому Союзу, что укреплению европейских государств не помешает запугивание со стороны инструмента, который создавался Сталиным в виде Коминформа и который воспринимался как чрезвычайно опасный. Было ли это, как считает Гейер Лундстад, «приглашение» Соединенным Штатам создать свою «империю в Европе»? Данная историографическая тема нуждается в длительной дискуссии, которую здесь невозможно развивать; заметим лишь, что Европа уже в течение двадцати пяти лет являлась полем деятельности американского империализма.

Первым шагом в направлении создания западноевропейского блока, в котором Франция преодолела бы свои опасения в отношении возрождения Германии при поддержке этого процесса со стороны Соединенных Штатов, а Великобритания постаралась бы сохранить своего рода контроль за равновесием в новой Европе, стало подписание 4 марта 1947 г. англо-французского договора в Дюнкерке. Союз был направлен против военного возрождения Германии, но в политическом плане выражал намерение двух стран объединиться с целью уравновесить как американское, так и советское преобладание. В действительности важность этого со-

глашения, восходившего к проектам объединения, задуманным еще в 1940 г., была связана с проблемой «безопасности» в отношении Германии, которая в тот момент не имела реального значения, в то время как гарантии имели чисто политическую ценность или относились к Советскому Союзу. Это были, однако, еще только зарождавшиеся процессы, которые созрели лишь после Московской и Лондонской сессий СМВД.

В Лондоне, во время безуспешного четырехстороннего совещания, министры иностранных дел Англии, Франции и Соединенных Штатов начали консультации по вопросам, связанным с трудностями ситуации и выдвижением первоначальных проектов, касавшихся военно-политического союза. И на этот раз американцы придерживались мнения, что инициатива может исходить только от европейских стран вместе взятых. А в «нужное время» свою роль сыграют Соединенные Штаты. Неясно, было ли там произведено четкое разделение задач и соответствующее распределение ролей и сроков, но дальнейшее развитие событий позволяет предположить, что выбор сроков и методов для решения проблемы являлся предметом тщательных консультаций.

В этой обстановке — при исходной предпосылке, что за европейской инициативой последует американский ответ — началась подготовка договора между несколькими державами Западной Европы. Первым публичным свидетельством этой акции, переводившей разногласия с Советским Союзом в новую плоскость, стала речь английского министра иностранных дел Бевина в палате общин 22 января 1948 г. В своей внешней политике Бевин руководствовался грубым прагматизмом, а также желанием получить для Великобритании главную роль, прагматизмом, сочетающимся с осознанием ограниченных возможностей Великобритании, но и вдохновляемым стремлением уравновесить американское преобладание в рамках более активной политики обороны Запада от советской угрозы. В своей речи 22 января английский государственный деятель убедительно осудил агрессивный характер советской внешней политики и с энтузиазмом призвал европейские страны дать соответствующий отпор сталинизму. Инициатива Бевина имела по существу двойной смысл, поскольку призывала европейцев к мобилизации в духе европеизма и в то же время содержала гораздо более практическое предложение, чтобы «свободные страны Западного союза» укрепили свои связи посредством договоров, подобных Дюнкеркскому, то есть посредством дипломатических соглашений, явно диктуемых потребностью выдвинуть на первый план проблему «безопасности».

Проект Бевина, пусть и неопределенный, стал достаточным толчком для начала процесса переговоров — сложных переговоров, поскольку они отягощались наследием проблем, связанных с войной, или амбициями двух «великих» европейских держав создать структуру, способную в первую очередь выразить потребности одной из них. Для Великобритании речь шла о сочетании ее имперских обязательств с «особыми отношениями», которые связывали ее с Соединенными Штатами, а теперь и с новым европейским объединением (в данной связи говорилось о «трех кругах» британской внешней политики, которые Лондон, в соответствии с трудно осуществимым замыслом, хотел бы сделать накладывающимся друг на друга). Для Франции главный вопрос состоял в том, чтобы создать такой западный союз, который, являясь гарантией против Советского Союза, в то же время поставил бы Францию в центр подобной структуры, что позволило бы ей приобрести доминирующую роль в воссоздании межевропейских отношений и, в особенности, в осуществлении контроля за эволюцией ситуации в Германии. В целом инициатива Бевина была еще зачаточным проектом, который мог бы привести к заключению ограниченного договора, хотя и более широкого, чем Дюнкеркский, а мог бы развиваться в более масштабное объединение с участием возможно большего числа государств Западной Европы.

Процесс переговоров высветил сосуществование традиционных моментов и нового контекста развития ситуации. Хотя Бевин в своей речи перечислил почти все европейские государства, в переговорах, вместе с англичанами и французами, участвовали лишь три страны Бенилюкса. Расширение союза не было сколь-нибудь значимым. Оно являлось таковым с политической точки зрения. 17 марта 1948 г. в Брюсселе был подписан учредительный договор о союзе пяти участников, названный позднее Западным союзом. Речь шла о союзе, заключаемом на 50 лет и направленном против возрождения германской угрозы (открытого вызова Сталину предпочитали избегать). Союз предоставлял взаимные гарантии военной и политической помощи и содержал обязательства предпринять необходимые меры «в случае возобновления Германией политики агрессии, или же в любой ситуации, которая могла бы представлять угрозу миру, где бы она ни возникла». Это придавало договору гораздо более широкий характер, чем следовало из изложения его содержания по пунктам. Предусматривалось также создание Консультативного совета и Постоянного военного комитета, из которых могли бы вырасти и другие организационные структуры.

В плане практических последствий Брюссельский пакт означал прежде всего переломный момент, определенный этап по отношению к более широкому процессу переговоров, в направлении которого постепенно продвигались заинтересованные стороны, несмотря на то, что 1948 год был для Соединенных Штатов годом выборов, и переизбрание Трумэна представлялось совершенно не гарантированным. Однако необходимо принять во внимание, что новое соглашение (сразу же одобренное Трумэном, в день его подписания президент заверил пять европейских стран в американской поддержке), хотя и основывалось на концепции, типичной для политики отдельных государств, все еще присущей европейской традиции, вместе с тем предоставляло возможность появиться, в том числе и в политическом плане, волне европеизма, видевшего в рождении Западного союза зародыш федерализма.

Этот подход ставит проблему интерпретации первого этапа европеизма. Родившись из утопии с тем, чтобы стать политической практикой, европеизм, с созданием в 1947 г. ОЕЭС¹, получил сильный заряд экономического функционализма. Её деятельность также была явно связана с реконструкцией западной системы. Иными словами, европеизм тех месяцев рождался в водовороте столкновений европейских держав. С момента, когда он превратился в политическую реальность, совпадавшую с разделением Европы на два противостоящих блока, стало трудно отделить его от этого контекста и рассматривать как самостоятельное движение, вдохновляемое исключительно федералистскими идеалами. Было бы также ошибочным трактовать подъем европеизма просто как инструмент державной политики западных стран. В те годы страх перед войной, а также убежденность в необходимости отвергнуть саморазрушительные тенденции в Европе получили распространение в общественном мнении и, что более важно, поддержку различных политических сил, настойчиво выдвигавших идею европейской интеграции как единственную реальную альтернативу тотальному возвращению к прошлому. Сведение европеизма 1947–1954 гг. к простому инструменту политики интеграции Запада, проводившейся Соединенными Штатами, увело бы нас в неправильном направлении, хотя порой эти две тенденции переплетались. Европеизм объективно играл роль весьма убедительного образа при различных вариантах выбора между Востоком и Западом, которые — будь они отражены по-иному — предстали бы перед европейцами со всей своей жестокостью.

---

¹ ОЕЭС — Организация европейского экономического сотрудничества. — *Прим. переводчика.*

9.1.2. ПЕРЕПЛЕТЕНИЯ ЕВРОПЕИЗМА

Столкновение или, возможно, явное переплетение европейцев инициатив и правительственной дипломатической деятельности произошло вскоре после подписания Брюссельского пакта. В течение многих месяцев представители европейского движения, вдохновителем которого тогда был Черчилль, а движущей силой — Дункан Сэндис, зять Черчилля и представитель британской консервативной партии, работали для создания паневропейской организации, которая способствовала созыву конгресса, задуманного с целью конституирования «Европейского учредительного собрания». Этот замысел характеризовался очевидным стремлением английских консерваторов проводить политику параллельную, но отличающуюся от политики их внутренних противников — лейбористов, доминировавших благодаря Бевину на дипломатической сцене. Консерваторы стремились следовать в кильватере американской активности, начало которой положил план Маршалла. В течение всей второй половины 1947 г. и первых месяцев 1948 г. велась упорнейшая работа, завершившаяся в ноябре 1947 г. созданием в Париже Комитета по связям движений за европейское объединение. Задача Комитета состояла в мобилизации общественного мнения путем подготовки его к восприятию обсуждаемой темы — объединение, которое теоритически должно было бы распространиться на весь континент, но которое, с учетом позиции Советского Союза могло ограничиться лишь Западной Европой. Инструментом такой мобилизации должен был стать Европейский конгресс в Гааге 7–10 мая 1948 г.

Деятельность правительств, подписавших договор о Западном союзе, в определенном смысле продемонстрировала их восприимчивость в отношении концепции европеизма и в то же время стремление воспрепятствовать тому, чтобы общественное движение ускользало из-под строгого контроля дипломатии. Это вызвало как недоверие английских лейбористов к новому проекту, так и отказ немалого числа парламентариев других европейских стран присоединиться к предпринятой инициативе. Будущие протагонисты европейской дипломатической инициативы, такие, как Робер Шуман, Де Гаспери и Аденауэр лишь слегка поучаствовали в подготовке Конгресса и не принимали участие в самом форуме. Когда он собрался, стало очевидным доминирование представителей британской консервативной партии и некоторых французских политиков — таких, как Поль Рейно и Поль Рамадье, которые стремились придать Конгрессу большой пропагандистский резонанс, но также направить движение в безопасное русло.

Сам по себе конгресс в Гааге имел действительно огромный международный резонанс. Впервые ряд наиболее авторитетных представителей почти 20 европейских стран заявили о своем желании действовать параллельно правительствам для того, чтобы с помощью давления со стороны граждан, подталкивать их в направлении создания европейской федерации, необходимой для мира между народами. Однако за провозглашением высоких целей не последовало эффективных решений. Дискуссии носили длительный, изматывающий характер, выявляя различия концепций и политических проектов, вдохновлявших участников конгресса. Между теми, кто побуждал к быстрому созыву европейского учредительного собрания, и теми, кто стремился минимизировать результаты конгресса, был достигнут компромисс. В соответствии с принятой резолюцией, от правительств заинтересованных стран потребовали срочного созыва «европейской ассамблеи, избранной парламентами стран-участников» с целью продолжить политико-пропагандистскую деятельность и, более конкретно, разработать планы, необходимые для постепенной реализации политического и экономического Европейского союза.

Для того чтобы не растерять сильный резонанс, вызванный конгрессом, организовавшие его координаторы решили как можно скорее конституировать ассамблею, обозначенную в качестве главной цели в резолюции, заключавшей работу конгресса. Эта установка в июле 1948 г. дала толчок деятельности, которая в мае 1949 г. привела к решению о создании Совета Европы, ассамблеи, состоящей из представителей, делегированных парламентами стран-участников. Совету придавались только консультативные функции; его первое заседание открылось 10 августа 1949 г.

Основополагающее значение данного этапа европейской политики объясняется двумя соображениями. Первое касается того обстоятельства, что для модификации результатов голосования конгресса, организованного автономными политическими движениями, инициаторы создания Совета Европы должны были погрузиться в дипломатию, вести переговоры с европейскими правительствами о природе нового организма и констатировать полное нежелание государственных органов уступить Совету какие-либо функции, помимо чисто консультативных.

Второе соображение касается того, что процесс переговоров о создании Совета приобрел в общественном мнении значение дискуссии о будущем европейских институтов. Эта дискуссия также имела большой резонанс в прессе, но она проходила одновременно с процессами, которые тем временем вызревали внутри Западного союза и привели к созданию Атлантического пакта.

Результаты этого совпадения включали заметное наложение друг на друга, более или менее сознательное, двух планов развития событий. В представлениях общества, в особенности в Италии и во Франции, процесс атлантических переговоров касался не изменения военно-политического содержания Западного союза, а в большей степени — расширения его политической составляющей с целью превратить его в ядро более широкого и наделенного действительными полномочиями европейского организма. За этими представлениями, как бы прикрываясь ими и запутывая последующий ход событий, шел атлантический переговорный процесс. Вплоть до первых месяцев 1949 г. не представлялось очевидным, что эти два ряда событий касаются различных институтов. Европейский идеал отражался на процессе атлантических переговоров, и если каким-то образом он в результате претерпел изменения, то, с другой точки зрения, удалось придать пакту европейский аспект, который, возможно, был для него чуждым. Необходимо, следовательно, учитывать это переплетение при рассмотрении как истоков процесса европейской интеграции, так и истоков формирования западных союзов.

9.1.3. КОНЕЦ АМЕРИКАНСКОГО ИЗОЛЯЦИОНИЗМА

Преобразовать Брюссельский пакт в более широкий союз стремились англичане, рассматривавшие эту возможность для подтверждения своей роли посредника между Соединенными Штатами и Европой. Французы видели в нем способ укрепить свое первенство на континенте, превратив новый союз в отправную точку движения как для континентальной Европы, так и для новой Германии, которая тем временем начинала создаваться. Трумэн обещал Западному союзу американскую помощь, однако для того, чтобы обещание трансформировалось в реальность, ему надо было развязать некоторые критические узлы. Эта проблема неформальным и секретным образом обсуждалась в ходе серии встреч (сегодня известных как переговоры в Пентагоне — *Pentagon Talks*) американских, канадских и британских представителей (за исключением французов, этим глубоко обиженных) в марте—апреле 1948 г. В ходе состоявшихся встреч американцы стремились понять, в какой степени европейская инициатива была самодостаточной, и насколько именно в этом качестве она могла легитимизировать шаги, которые американская администрация должна будет предпринять в дальнейшем. В этом смысле в результате переговоров американцы пришли к выводу, что только

расширение Западного союза может сделать реальным договор об обороне, направленный против советской «угрозы». А с другой точки зрения, те же переговоры дали англичанам повод стремиться к немедленному укреплению Брюссельского пакта как автономной военной структуры.

В этой обстановке Трумэн и государственный департамент могли ориентироваться на принятие настойчивых призывов европейцев о том, чтобы обещанная помощь стала действенной, однако в рамках, которые поставили бы Великобританию в менее доминирующее положение, усилив, напротив, континентальный и североатлантический характер соглашения. С этой целью президент, вынужденный в тот момент сотрудничать с конгрессом, где преобладала республиканская оппозиция, предпринял политическую инициативу, необходимую чтобы получить полномочия для продвижения в желаемом направлении. Благодаря сотрудничеству между заместителем госсекретаря Робертом Ловеттом и председателем Комиссии по внешней политике американского Сената республиканцем Артуром Ванденбергом, приверженцем интернационалистской миссии Соединенных Штатов и поддержки этой миссии со стороны «двухпартийной» коалиции, была обсуждена и затем одобрена 11 июня 1948 г. той же Комиссией по внешней политике резолюция, которая позднее стала известна, по имени предложившего ее сенатора, как «резолюция Ванденберга». В документе провозглашались некоторые основные принципы американской внешней политики и, в частности, в качестве цели для президента намечалось «присоединение Соединенных Штатов, посредством конституционной процедуры, к тем региональным и коллективным соглашениям, которые базировались бы на постоянном и действенном стремлении к самозащите и к взаимопомощи и затрагивали бы интересы национальной безопасности Соединенных Штатов».

Резолюция представляла собой исторический поворот в американской внешней политике, поскольку порывала с традицией, восходившей к завету Джорджа Вашингтона, в соответствии с которой Соединенные Штаты не должны участвовать в «связывающих союзах» за пределами Западного полушария. Генри Киссинджер в своей книге «Дипломатия», напоминает, что именно документ госдепартамента, предназначенный для иллюстрации «различий между Североатлантическим договором и традиционными военными союзами», развязал дискуссию с использованием исторического анализа семи договоров, заключенных между 1815 г. («Священный союз») и 1939 г. (советско-нацистский пакт). В действительности документ разъяснял, что Атлантический пакт, отнюдь

не являясь союзом, базирующимся на интересах, был соглашением, основанным на «принципах»; он был результатом не баланса сил (*balance of powers*), а баланса принципов (*balance of principles*).

9.1.4. ТРУДНЫЕ АТЛАНТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Резолюция Ванденберга заложила институциональные предпосылки для того, чтобы Трумэн смог санкционировать начало в Вашингтоне предварительных переговоров (*Exploratory Talks on Security*, как их тогда называли), открывшихся 6 июля 1948 г. и завершившихся в марте 1949 г., когда все проблемы, относящиеся к заключению Североатлантического договора или Атлантического пакта, были решены после нескольких перерывов, связанных с американскими президентскими выборами и с моментом нестабильности, вызванным заменой Маршалла на посту государственного секретаря Ачесоном, но также и с ходом самих переговоров по критическим моментам. На первом этапе в работе приняли участие представители стран Западного союза, Соединенных Штатов и Канады; затем были проведены консультации аналитического характера с норвежским, датским и исландским правительствами; норвежский представитель принял участие в консультациях на последнем этапе. В целом, следовательно, можно сказать, что договор явился результатом сведения воедино точек зрения американской дипломатии и дипломатии стран Западного союза, а также некоторого косвенного участия заинтересованных стран; при этом Италия ни разу не имела случая высказать свою точку зрения хотя бы по отдельным техническим аспектам дискуссии.

Главные проблемы, которые переплелись с техническими аспектами переговоров, касались германского вопроса, вопроса об определении списка стран, с самого начала приглашенных к подписанию проектируемого союза, и вопроса, который не обсуждался, но на котором в большей мере настаивали американцы — о формулировании *casus foederis*.

Германский вопрос являлся доминирующей темой, поскольку он обуславливал как характер обязательств французов, так и политические аспекты союза. Неуверенность в вопросе о будущем Германии создавала неуверенность для всей Европы; к тому же, как утверждал Роберт Ловетт, «долгосрочные планы европейской интеграции, если они не были увязаны с вопросом об участии Германии, ...были не реалистичны». Процесс объединения трех западных зон оккупации Германии наталкивался тогда на угрожающую реакцию Советского Союза (как показала именно в эти

месяцы блокада Берлина), но его следовало продвигать, преодолевая постоянные трудности также и в связи с укоренившимся недоверием французов. Напротив, для американцев уже с тех пор ни один проект оборонительной организации в Европе не был возможен без участия Германии. Это было настолько важно, что делает весьма правдоподобной интерпретацию, согласно которой сам Атлантический договор был задуман не только для ответа на призыв ряда европейских стран, но также и для того, чтобы Соединенные Штаты стали прямым гарантом европейского *status quo*, в особенности в отношении Германии, и тем самым была бы приглушена одна из причин сопротивления французов.

Эта интерпретация выявляет одну из важных проблем переговоров, но она не должна побуждать забывать другие мотивации общего характера, которыми руководствовались европейские правительства. В самом деле, германская проблема ни для кого не была второстепенной, однако для значительной части стран, подписавших договор, она не имела такого уж большого значения. В своих мемуарах Трумэн убедительно указывает на переплетение этих различных мотиваций: «Система атлантической безопасности была, вероятно, единственным средством, благодаря которому можно было бы побудить французов согласиться с воссозданием Германии. Такая система должна была дать всем народам свободного мира то чувство уверенности, в котором они нуждались для построения мира и процветания на земле».

Проблема географических рамок союза поставила в свою очередь разного рода вопросы и была решена лишь накануне завершения переговоров. Концепция атлантической зоны могла трактоваться в ограничительном и расширительном смысле, однако подлинная проблема состояла в том, чтобы сразу же прояснить, все ли государства, значимые для проекта безопасности Западной Европы, должны быть приняты в союз на равном положении. Проблема вставала в отношении таких стран, как Испания, которую американские военные охотно включили бы в договор сразу же, но в отношении которой существовало откровенное вето стран с лейбористским или социал-демократическими правительствами; в отношении стран, которые могли присоединиться к договору, поскольку они были частью американской военной системы, как, например, Греция и Турция, но считались слишком периферийными по отношению к атлантической зоне. Противоположная проблема вставала для таких стран, как Швейцария и Швеция, которые, несмотря на американские и европейские проекты, не соглашались отказаться от своих традиций нейтралитета в пользу атлантического выбора.

Страна, в отношении которой переговоры поставили самые сложные проблемы и встретились с наибольшими трудностями, была Италия, и не столько из-за сопротивления внутри самой Италии, сколько из-за разногласий, существовавших между участниками создававшегося союза. Некоторые полагали, что демократическая система еще недостаточно глубоко укоренилась в Италии, чтобы быть основанием для ее приема в союз (в который, однако, была приглашена Португалия, управлявшаяся тогда диктатором национал-корпоративистского толка Салазаром); другие полагали несвоевременным распространение договора на зону Средиземноморья и, как и сам Трумэн до февраля 1949 г., продумывали возможность Средиземноморского пакта, который прикрыв бы «правый фланг» создававшейся системы; третьи же руководствовались чувствами, укоренившимися в ходе войны.

Тем не менее, участие Италии или ее отсутствие придавало союзу существенно различающиеся характеристики. Без Италии договор был бы в буквальном смысле «морским» договором, относящимся к Северной Атлантике. Все страны, приглашенные его подписать, за не очень существенным исключением Люксембурга, обладали выходом в Атлантику и имели тем самым доминирующую географическую зону соприкосновения. Кроме того, союз, конструируемый таким образом, предусматривал бы центральное положение Великобритании и лишил бы Францию континентального политического тыла, который мог уравновесить последствия существования такого центра.

Не следует игнорировать и внутривнутриполитический аспект. Всеми другими европейскими государствами, намеченными участниками, за исключением Португалии — Великобританией, Данией, Норвегией, Исландией — управляли партии социал-демократической ориентации, нарушая в этом плане политическое равновесие, которое во Франции не было столь же однозначным. Кроме того, чисто морской союз был бы создан из государств протестантской религиозной ориентации или же не католической, за исключением Португалии и Франции, — что сделало бы гораздо более трудным получение поддержки папского престола, влияние которого в тот момент возрастало, прежде всего благодаря реакции на антирелигиозные преследования в странах Восточной Европы, и направляло во Франции, Италии и Германии католическое общественное мнение. Однако вплоть до конца 1948 г. папский престол сохранял прохладную позицию в отношении проектируемого союза. Наконец, следует учесть, что союз, исключавший Италию как средиземноморскую страну, не только изолировал бы

Италию и создавал новые трудности для непрочной демократии, которую восстанавливала коалиция, возглавляемая демохристианином Де Гаспери, но по определению исключал бы из зоны, гарантируемой договором, также африканские территории Франции, часть которых (алжирские департаменты), в соответствии с французским конституционным устройством, была интегрированной частью национальной территории Франции.

Напротив, участие Италии, пусть и наталкиваясь на обиды и недоверие, едва обозначившиеся, в значительной степени устранило бы ограничения, о которых шла речь выше. Союз приобрел бы менее «морской» и более континентальный характер; иными словами, он стал бы более франкоцентристским, но также и более откровенно европейским, способным завершить объединение стран, расположенных вдоль «железного занавеса», в систему военно-политического «сдерживания», и сделал бы автоматическим распространение гарантий на территории Франции за пределами метрополии. Именно эта совокупность причин побудила французского посла в Вашингтоне Жоржа Боннэ поставить итальянский вопрос решительным и ультимативным образом и представить необходимость приглашения Италии в качестве первоначального члена в новом союзе как условие для участия самой Франции.

9.1.5. СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ ДОГОВОР

Наиболее важные политические узлы процесса переговоров были развязаны к середине марта 1949 г. 20 марта новый государственный секретарь Соединенных Штатов Дин Ачесон, недавно сменивший генерала Маршалла, объявил о предстоящем подписании договора. Церемония состоялась 4 апреля 1949 г. в Вашингтоне с участием представителей 12 стран: Соединенных Штатов, Канады, Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Португалии, Италии, Норвегии, Исландии и Дании.

Договор фиксировал создание оборонительного союза сроком на 20 лет с момента его вступления в силу. В тексте договора определялся вопрос о характере *casus foederis* и степени ответственности, возлагаемой на членов союза. В самом деле, статья 5 договора гласит: «Стороны соглашаются в том, что вооруженное нападение против одного из участников, совершенное в Европе или в Северной Америке будет рассматриваться как нападение против всех договаривающихся сторон, и, вследствие этого, соглашаются в том, что если такому нападению подвергнется любая из сторон,

то в реализации права на законную индивидуальную и коллективную оборону, признаваемого ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций, каждая из них поможет участнику или участникам, подвергшимся нападению, предприняв такие действия, которые она сочтет необходимыми, включая применение вооруженной силы, чтобы восстановить и обеспечить безопасность в районе Северной Атлантики».

Вместе со ст. 9 договора — она предусматривала создание Постоянного Совета, способного собираться с необходимой оперативностью, и предполагала создание таких «дополнительных органов», как Комитет военных представителей — эта статья содержала в зародыше и политические проблемы, и возможности организационной эволюции Североатлантического договора. С политической точки зрения, формулировка ст. 5 делала гарантию взаимной обороны не автоматическим обязательством, оставляя заинтересованным сторонам задачу определения тех действий, которые они сочтут необходимыми для отражения возможного акта агрессии. Это ограничение (отличавшее пакт от Западного союза, в котором обязательство взаимной военной поддержки всеми имеющимися в распоряжении участниками средствами декларировалось в ст. 4) было связано с установлениями, которым подчинялась американская администрация, не позволявшими ей принимать решения о возможном объявлении войны без одобрения сената США. Но именно этот аспект создавал проблему, не один раз встававшую внутри Атлантического союза — проблему надежности американских гарантий. Если не представляло сомнений, что Соединенные Штаты, заключив Атлантический договор, нарушили традицию своей внешней политики, взяв на себя обязательство «в политическом плане» гарантировать европейское устройство от угроз его пересмотра, то представлялось сомнительным, чтобы американский сенат мог принять быстрые и немедленные решения в случае конфликта, который он счел бы не таким, чтобы ставить под угрозу безопасность Соединенных Штатов — концепция по сути своей связанная с изменением политической ситуации.

И все-таки намерения изначально создать на базе союза его собственную организацию и обеспечить возможности ее развития выявили свое значение несколько месяцев спустя, как только изменения, происшедшие с осени 1949 г. по июнь 1950 г. в международной военной ситуации, сместили акценты из сферы преимущественно политических гарантий в сферу необходимых военных гарантий.

9.2. Победа коммунистов в Китае и война в Корее. Японский вопрос

9.2.1. ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД ЗА ПРЕДЕЛАМИ ЕВРОПЫ

В течение двух лет сразу после войны основное политическое противоборство двух сверхдержав происходило на европейском театре действий и в сердце Европы, в Германии. И это совершенно понятно, поскольку предпосылкой биполярности был демонтаж европоцентризма и трансформация европейской имперской системы в системы американской и советской сфер влияния.

Значение европейского кризиса и его хронологическое первенство не должны, однако, побуждать предавать забвению тот факт, что, начиная по крайней мере с 30-х годов, в изменениях системы международных отношений доминировала тенденция к растущей взаимозависимости между различными географическими регионами, на которые сверхдержавы проецировали отныне свою деятельность.

Так, Латинская Америка входила в сферу временного жесткого международного контроля со стороны Соединенных Штатов, в том числе и благодаря Межамериканскому договору о взаимной обороне от 2 сентября 1947 г. (более известному как Пакт Рио), и вскоре образованной Организации американских государств (ОАГ), — 2 мая 1948 г., после более чем месячных переговоров, проходивших в Боготе. Если Африка еще была едва затронута первыми проявлениями антиколониальной борьбы, то в зоне, простирающейся от Восточного Средиземноморья до Дальнего Востока, в результате краха на данной территории колониальной системы и появления новых причин для конфликтов, был запущен механизм быстрых трансформаций, за короткий срок радикально изменивших соотношение политических сил в полосе государств к югу от Советского Союза.

Тем не менее, эти изменения или же их отсутствие не имели немедленных последствий по отношению к основной оси биполярности, доминировавшей в международных отношениях того периода. В то же время в Восточной Азии и, в особенности, в Японии, Китае и Корее, то есть в географических зонах, в отношении которых Советский Союз проявлял непосредственную заинтересованность, ощущалась взаимосвязь традиционного присутствия русских со столь же сильным западным, прежде всего, американским присутствием. Если европейские конфликты не имели сразу видимых последствий в этом регионе, то две стороны

советской и американской вовлеченности в события были настолько тесно связаны, что разделять их было бы искусственно. То, что происходило в Европе, являлось предвестником, если не моделью, того, что происходило в Азии; а то, что происходило в Азии, оказывало немедленное воздействие на центральную зону конфликта, то есть на Европу.

Что касается Дальнего Востока, то в противоположность тому, что было согласовано для «освобожденной» Европы, здесь не были сформулированы новые принципы для регулирования миропорядка. В Ялте союзники подписали соглашения колониального типа, от которых вовсе не был свободен и Советский Союз. Напротив, в обмен на вмешательство в войну в Азии он обеспечил себе в будущем территориальные компенсации за счет самой Японии и, прежде всего, суверенного и союзнического Китая, оказавшегося перед лицом парадоксальной ситуации — необходимости согласиться на ограничения суверенитета в тот самый момент, когда американское правительство настаивало, чтобы он стал участником «клуба» великих держав, наделенных правом вето в Совете Безопасности ООН. Сталину удалось таким образом вернуть все позиции, которыми обладала Россия до 1905 г., и даже расширить их.

В основе американского «благородства» лежали две главные предпосылки: прежде всего так называемая «китайская жертва»: уступки касались на самом деле интернационализации порта Дальнянь (Дальний) с «соблюдением советских интересов», сдачи СССР в аренду в качестве морской базы Порт-Артура и совместного советско-китайского управления Китайской Чанчуньской железной дорогой, в обмен на признание Советским Союзом режима Чан Кайши. Во-вторых, цель Белого дома состояла в предотвращении, с одобрения, если не при прямом участии Советского Союза, потенциального развала страны. Возможность такого развития демонстрировала Коммунистическая партия Китая (КПК), утверждая с 1944 г. собственную военно-политическую линию, отличную от линии Гоминьдана, а также проявляя все более внушительную способность к контролю над территорией страны.

В отношении Японии Сталин добился в Ялте возвращения южной части острова Сахалин (утраченной в 1905 г.) и присоединения небольшого архипелага Курилы. Последний был добавлен в качестве компенсации за молчаливое согласие Сталина с американским предложением «одностороннего» управления Японией и зависимыми от нее территориями. Это вытекало из того, что поражение Японии было почти исключительно результатом английского и, в особенности, американского наступления, в то время

как проблема управления территориями, сдавшимися «без всяких условий» (или почти так), представляла один из критических моментов в отношениях между союзниками, начиная с «итальянского прецедента» и кончая дунайско-балканскими эпизодами. Именно эти «прецеденты» подсказали американцам тактику предупреждения возможных возражений со стороны их самого сильного союзника, заключавшуюся в поддержке и, более того, в предвосхищении его возможных требований.

В момент взрыва первой атомной бомбы над Хиросимой (6 августа 1945 г.) и советского вторжения в Маньчжурию (9 августа 1945 г.) ни русские, ни американцы, казалось, не собирались нарушать принятые обязательства. В течение лета 1945 г. не было недостатка в показателях принципиальной поддержки Советским Союзом политики Соединенных Штатов в Китае. Мало того, что КПК не получала никакой открытой помощи от своего коммунистического покровителя, сами действия Москвы подтверждали, что «в Азии, — как пишет А. Ирийе, — Сталин не намеревался разрушать ялтинское устройство».

Что касается оккупации Японии, то еще до подписания перемирия (2 сентября 1945 г.) американцы указали, какого рода вклада они ожидают от своих союзников — вклада, формально заключавшегося в принятии приглашения участвовать в Консультативной комиссии по Дальнему Востоку (фактически репетиция того, что произошло в Европе, где различные консультативные комиссии были лишены права принимать какие бы то ни было решения). В то время как Великобритания и страны Содружества выдвигали возражения против формулы, исключавшей их участие в демократизации Японии, Советский Союз немедленно присоединился к США и подтвердил устойчивость советско-американского компромисса. Советская поддержка позволила Белому дому преодолеть протесты англосаксонских союзников и подтвердить принцип «односторонности».

Во время Совещания министров иностранных дел в Москве в декабре 1945 г. создание Союзного совета было оговорено условием оставить действительную власть в руках верховного командующего вооруженными силами США в Японии генерала Дугласа Макартура. Согласие советской стороны являлось частью компромисса, о котором в те дни договорился Бирнс в связи с румынской и болгарской проблемами, и было связано с желанием вывести переговоры из тупика с целью заключения мирных договоров. Это позволило американцам осуществить глубокое вмешательство в жизнь японцев, меняя их традиции и институты в соответствии с новой конституционной моделью, вводившей формы правления

и политической жизни при сильном влиянии Запада. Однако это вмешательство не касалось символического значения императора в Японии (помимо того, с чем согласился еще император Хирохито), а также структуры национальной экономики. Военная администрация стремилась, без особого успеха, искоренить некоторые формы милитаристских или паразитических девиаций и коррупции, характеризовавшие японскую жизнь до войны. То, что удалось сделать Макартуру, так это превратить Японию (где присутствие военных было одной из характерных черт социальной структуры) в страну, совершенно лишенную военных амбиций и поэтому свободную от обязательств направлять ресурсы в военную промышленность. В том, что касается этого аспекта международной жизни, Япония неизбежно зависела от Соединенных Штатов. Иными словами, оккупация Японии превратилась в показную американизацию Империи Восходящего Солнца, которая, хотя и породила политические и дипломатические связи, закрепленные спустя несколько лет в мирном договоре, но лишь слегка затронула традиционные глубокие основания японского общества.

9.2.2. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КИТАЕ

Что касается Советского Союза, то его отказ от вмешательства в управление потерпевшей поражение Японией был в некоторой степени связан с характерными чертами ситуации в Китае. В самом деле, Китайская Республика бросала обеим сверхдержавам своего рода политический вызов, заключавшийся в проблемах исключительной сложности. Для того, чтобы понять мотивации русских и американцев и их столь противоречивые изменения, необходимо учитывать геополитические и демографические «масштабы» китайской проблемы (те же самые, которые втянули японцев в бессмысленную войну).

Первым проявлением намерений Сталина по отношению к Китаю стал двусторонний советско-китайский договор от 14 августа 1945 г., переводивший в практическую плоскость Ялтинские соглашения, и воспроизводившей их содержание. Это был все еще «неравноправный договор», навязанный Китаю, но принятый правительством Чан Кайши в интересах сохранения благоприятных отношений с Соединенными Штатами любой ценой. США ещё в годы войны, с начала 1942 г., стремились избежать того, чтобы столкновение между гоминьданом и КПК переросло в гражданскую войну, и теперь возобновили эти попытки. Важность, придаваемая этим усилиям, подтверждалась выбором деятеля, которому было поручено их осуществлять — генерала Маршалла,

вплоть до недавнего времени влиятельнейшего начальника штаба союзных войск и будущего государственного секретаря. Однако его миссия, как и другие, за ней следовавшие, не привела к позитивным результатам, и обстановка быстро ухудшалась, перерастая в открытый конфликт.

Как бы то ни было, неожиданное проявление азиатского национализма стало фактором, подогревшим противостояние США и СССР и внесшим в столкновения новый элемент, не учитывавшийся ранее и тем более разрушительный. Сила и решительность антиколониальных освободительных движений застали врасплох, возможно, русских даже в большей мере, чем американцев. Две сверхдержавы отказались от первоначальных планов управлять будущим Восточной Азии традиционными способам и последовали за ходом событий, стараясь использовать их в своих интересах.

Маршалл прибыл в Китай в декабре 1945 г. с целью выработать общую платформу, благодаря которой Гоминьдан и КПК могли бы сотрудничать в восстановлении страны. Его посредничество было, однако, скомпрометировано тем фактом, что Чан Кайши, уверенный в получении американской помощи, занял непримиримые позиции, исключавшие диалог с коммунистами. Последние, со своей стороны, чувствовали ободряющую поддержку населения провинции Хунань. Оно считало их освободителями от рабства аграрных латифундий и честными администраторами. Люди Мао Цзэдуна продемонстрировали это после того, как в конце «Великого похода» они закрепились в регионе, превратив его в базу для своих операций и в оборонительный оплот против японцев, а также в первый китайский район с коммунистическим правлением.

Дипломатия Вашингтона была таким образом парализована невозможностью примирить консервативное и коррумпированное правительство, в котором большинство составляли представители Гоминьдана во главе с Чан Кайши, с революционным, созданным Мао Цзэдуном. Весной 1946 г. Маршалл счел бесполезным продолжение своих усилий и положил конец своему посредничеству. Он пришел к выводу, что было невозможно продолжать помогать правительству, несостоятельному в военном отношении и столь коррумпированному, что ему не удалось осуществить ни одну из реформ, столь необходимых, по мнению американцев. Более того, он думал, что его осторожный уход со сцены станет для националистов угрозой изоляции, которой они подвергались, и приведет к изменению их политики. Кроме того, американская администрация (как и правительство Сталина) не решалась уже тогда и в Азии порвать с политикой сотрудничества с Советским

Союзом, которая, по крайней мере в Китае, приносила некоторые положительные результаты. Дипломатические миссии следовали одна за другой и после неудачи Маршалла, однако новых факторов в данной ситуации не возникало, если не считать, что серьезное американское вмешательство в Китае вылилось в дорогостоящее и неэффективное «просачивание» — это становилось все более очевидным.

В июле 1947 г. поиск компромисса был доверен генералу Альберту С. Ведемейеру. У него сложилось четкое представление о кризисе националистов и наступлении коммунистов; он рекомендовал посылку новой помощи Чан Кайши, но не решился предложить прямое военное вмешательство Соединенных Штатов в Китае. Рекомендация увеличить поток помощи не было принято государственным департаментом. Маршалл откровенно выступил против: «Попытка поддержать китайскую экономику и гарантировать усилия китайского правительства, — говорил он в сенате 11 ноября 1947 г., — превратилась бы в бремя для экономики Соединенных Штатов и в военную ответственность, которую я не мог бы рекомендовать как цель действий нашего правительства».

Джон Лейтон Стюарт, последний американский посол в националистическом Китае, надеялся на реформистские изменения в политике Гоминьдана, когда Чан Кайши, демонстративно дистанцируясь от крайне правых сил, на которые он опирался, принял назначение вице-президентом Ли Зонгрена, более расположенного к компромиссу и более внимательного к реформистским предложениям. Последний действительно способствовал возобновлению переговоров между представителями Гоминьдана и КПК, гарантированных также участием советского посла Рощина и проходивших весной 1949 г. Лишь летом 1949 г. надежда на достижение компромисса была окончательно утрачена. Уже в апреле коммунистические лидеры решили прервать всякие контакты с представителями Гоминьдана. В июне Мао Цзэдун опубликовал работу под названием «О демократической диктатуре народа», в которую он включил лозунг, сформулировавший в простейшей форме (как это потом будет много раз происходить в китайской жизни, как при Мао, так и без него) политический выбор страны: «Китай должен находиться на одной стороне».

9.2.3. ПОБЕДА КИТАЙСКИХ КОММУНИСТОВ

Этот вывод был также результатом хода гражданской войны. В конце 1948 г. армия Гоминьдана полностью разложилась, и коммунисты постепенно становились политической силой, пре-

обладающей в китайской жизни. Таким образом отпадали тактические причины поиска компромисса.

В то же время американцы расставались со своими иллюзиями, смиряясь с поражением Гоминьдана, отказываясь от каких бы то ни было планов дипломатического вмешательства, однако заняв и позицию откровенной враждебности к возможности преобладания в Китае КПК. Для Маршалла такое решение было несовместимо с целью создания Китая, сильного и дружественного по отношению к Америке. Но тревога, порожденная последствиями перехода Китая под контроль коммунистов, не была настолько велика, чтобы подтолкнуть правительство Вашингтона к более серьезному вмешательству. Трумэн сожалел об этом. Маршалл был категорически против. Ачесон делал логические выводы, вытекавшие из ограничителей американской мощи: «Националистическое правительство [Китая], — писал он, — не располагает военной силой, необходимой для поддержания контроля над Южным Китаем в случае решительного наступления коммунистов... Нет причин думать, что дальнейшее продолжение оказания помощи сможет изменить перспективы развития китайских событий. Напротив, существует много признаков, показывающих, что население Китая устало от войны, и в нем преобладает сильнейшее желание добиться мира любой ценой. Оказание только военной и консультативной помощи привело бы к единственному результату — продолжению враждебности и страданий, которые китайский народ должен был бы терпеть, вынашивая глубокое недовольство против Соединенных Штатов».

В военно-политическом плане вопрос был решен, когда КПК провозгласила 1 октября 1949 г. Китайскую Народную Республику, отказавшись от дипломатического признания американцами (что немедленно отразилось на неблагоприятном для КНР решении о месте Китая в Совете безопасности ООН). К этому добавилась поддержка американцами плана Чан Кайши оставить материковый Китай и бежать с представителями Гоминьдана на остров Тайвань, а также решение Вашингтона о признании только за ним международного представительства всего Китая. Начался конфликт, длившийся двадцать лет, вынудивший американское правительство сместить к Западу периметр своей оборонительной зоны. Южная Корея и Япония приобретали еще большее значение, чем они имели в прошлом.

Для Соединенных Штатов речь шла о тяжелом поражении, которое заставило их пересмотреть свою политику в Тихоокеанском регионе. Для народного Китая начинался этап больших надежд. КНР вступила в международную жизнь в период больших

трудностей, однако с энтузиазмом воспринимая задачу совершить глубокую революцию, которая преобразовала бы экономику с преобладанием латифундий и отсталой промышленности в экспериментальные коммунистические модели. Это была огромная трансформация; китайцы готовились ее осуществить, обращаясь к своим «естественным» союзникам, но таким образом Северо-Восточная Азия полностью вовлекалась в орбиту холодной войны.

Основы отношений между компартиями Китая и Советского Союза характеризовались длительной общей борьбой, но также и глубокими разногласиями. Когда Китай освободился в 1911 г. от имперской системы, разрушенной Национальной партией (Гоминьдан), революционные силы Сунь Ятсена представляли собой коалицию весьма различных групп и течений. Компартия была основана в 1921 г., и с самого начала ее существование характеризовалось как сложностью отношений с Советским Союзом и Коминтерном, так и утверждением внутри КПК двух противоположных политических течений. Советский опыт побуждал к поощрению политической борьбы прежде всего в среде городского пролетариата и промышленных рабочих. Именно это течение, возглавлявшееся такими интеллектуалами, как Лю Шаоци, будущий президент Народной Республики, и Ли Лисань, вскоре ставший секретарем партии, было преобладающим. Эта политическая линия потерпела банкротство, поскольку ей не удалось завоевать поддержку в рабочей среде крупных южных городов, таких, как Шанхай, она облегчила попытку Чан Кайши ослабить коммунистов, которые стремились к гегемонии в Гоминьдане, и, более того, перейти в их отношении к систематическим репрессиям, начавшимся в апреле 1927 г.

Политическая платформа Мао Цзэдуна, которой репрессии со стороны националистов придали большую убедительность, основывалась на признании преимущественно аграрного характера китайского общества и на стремлении партии пустить свои корни в этой реальности, став выражением революции, которая исходила бы из деревни и охватила бы всю страну. Это была политическая линия, диаметрально противоположная линии на форсированную индустриализацию, которую Сталин проводил в СССР и которую Коминтерн стремился экспортировать в остальную часть мира, требуя лояльности, что подталкивало сам Коминтерн рекомендовать компромисс с Гоминьданом даже на этапе наиболее явной антикоммунистической политики Чан Кайши.

Влияние Мао в тот период было почти незначительным. Назначенный в 1928 г. секретарем партии Ли Лисань предлагал, несмотря на понесенные поражения, вновь активизировать полити-

ческую пропаганду в среде городского пролетариата; в 1930 г. секретарем партии был избран Ван Мин, открытый противник Мао, тезисы которого тем временем начали овладевать партией. Они приобрели еще большую эффективность, когда, несмотря на то, что официальное руководство партии склонялось к продолжению своей деятельности в подполье, в условиях решающего наступления Чан Кайши в 1935 г., Мао взял на себя командование армией коммунистов и повел ее в легендарный «Великий поход» до провинции Хунань, откуда начнется возрождение КПК. Начиная с 1937 г. маоистская политическая линия безусловно возобладала, и Мао все более становится фигурой, символизирующей партию. Но, конечно, его предшествующий путь вовсе не гарантировал будущую прочную дружбу с СССР, которой угрожали идеологические новшества маоистской мысли по сравнению со сталинской, а также необходимость восстановить на новых, более «братских» основаниях отношения, сформулированные в неравноправном договоре, подписанном в августе 1945 г. Чан Кайши. С другой стороны, к союзу с СССР пришедшего к власти Мао подталкивали также международные реалии, с которыми он должен был считаться.

9.2.4. ПОСЛЕДСТВИЯ СОЗДАНИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Народный Китай рождался несмотря на американские попытки предотвратить крайние решения. Потеря Китая вызвала в Соединенных Штатах волну реакции, создавшую немало трудностей самому Трумэну, и усилила ультраконсервативные течения, выразителем которых, начиная с этих месяцев, являлся сенатор-республиканец Джозеф Маккарти, будущий председатель Комиссии по антиамериканской деятельности в Соединенных Штатах. Еще более внушительной делала эту реакцию консолидация группы лиц, которые, вдохновляемые разными интересами, составляли так называемое «китайское лобби» (*China Lobby*) — влиятельную силу в защите правительства Чан Кайши на Тайване как единственного и легитимного китайского правительства. Американскую администрацию подталкивали к жестким решениям, то есть к более полному остракизму в отношении нового Китая. Почти все западные союзники и значительная часть независимых стран, за существенным исключением Великобритании и Индии, были поставлены перед выбором между «двумя Китаями» и были вынуждены отказать в признании Народному Китаю.

Международный остракизм дошел до экономического эмбарго (официально закрепленного в 1952 г.) и до американского обяза-

тельства нейтрализовать Тайваньский пролив и защитить осевшее на острове националистическое правительство.

Открытая враждебность американцев укрепила намерения нового правительства Пекина искать покровительство Советского Союза. Оно начало действовать не без недоверия. Ни Мао, ни Чжоу Эньлай, его главный соратник, ни Чжу Дэ не были людьми Москвы. Мао посетил Советский Союз первый раз только в 1949 г., после провозглашения Народной Республики, когда в середине декабря он отправился в Москву для переговоров о договорах, которые поставили бы на новую основу отношения между двумя странами. В январе к Мао присоединился Чжоу Эньлай, и с этого момента переговоры, пережившие весьма острые моменты, быстро продвинулись к завершению.

После подписания договоров 14 февраля 1950 г. в Москве судьбы двух стран казались связанными неразрывно, хотя осталось некое ощущение, подпитываемое Сталиным, что, конечно, Китай, — «великий» друг, но также и своего рода «особый спутник» СССР. Это была двойственность, сыгравшая, вероятно, свою роль; и она отражалась, впрочем, и в самих договорах. Первый из них — единственный, содержащий выражения, прославлявшие значение нового Китая, воспроизводил по существу текст соглашений, подписанных Советским Союзом со странами-спутниками Восточной Европы. Его смысл заключался в оборонительном союзе против возобновления японской угрозы, но распространявшемся и на всякую другую агрессию, направленную против одной из двух сторон. Соглашение по взаимной обороне сопровождалось началом периодических консультаций по вопросам, представляющим общий интерес.

По второму договору Советский Союз брал на себя обязательство аннулировать (но только после заключения мирного договора с Японией) уступки, полученные от националистического правительства по договору августа 1945 г. и согласованные в Ялте. Третий договор касался экономических вопросов и предусматривал предоставление Китаю кредита размером 300 миллионов долларов, из 1% годовых, но не валютой, а товарами советского производства, который китайцы обязывались возвращать сырьем китайского производства. В кулуарах была обсуждена ситуация в Корее, где лидер северокорейской компартии Ким Ир Сен объявил о намерении силой объединить страну.

Несмотря на пропагандистские утверждения относительно рождения нового антикапиталистического союза, сопутствовавшие заключению договора, китайцы заплатили достаточно высокую цену за русское покровительство. Отсрочка на непредвиденно

длительный срок возвращения китайцам экстерриториальных прав, оставляла подвешенным *sine die* наследие последнего «неравноправного договора». Объем экономической помощи — значение которой уменьшалось еще и тем обстоятельством, что Советский Союз хотел получить взамен сырье, а не промышленную продукцию, способную стать стимулом для китайского промышленного подъема, — ясно указывал на ограниченность возможностей Москвы.

Даже если внутри союза существовали потенциальные мотивы для едва проявившихся разногласий, вовне тем не менее укреплялся образ Китайской Народной Республики как новой пешки в глобальной игре СССР. Поведение нового пекинского режима в отношении Тибета подтвердило такое впечатление. Этот район, который националистическому правительству никогда не удавалось взять под контроль, в последние десятилетия получил фактическую автономию, коренившуюся, впрочем, в теократическом характере правления Тибетом. Когда коммунистическая армия подготовилась к вторжению в Тибет и приблизилась к его столице Лхасе, Далай Лама, то есть главный представитель буддистской иерархии, обладавший максимальной религиозной, моральной и политической властью в регионе, попытался противостоять вторжению, но, начисто лишенный военных ресурсов, вынужден был прибегнуть к средствам дипломатии, попросив в целях самозащиты о вмешательстве Великобритании и Индии.

Однако примирительная политика, которую англичане и индийцы предпочли проводить в отношении нового Китая, лишил его дипломатические ресурсы всякой эффективности. Протесты против действий Китая (октябрь 1950 г.) были умеренными и заранее обреченными на неудачу. Даже последняя попытка Далай Ламы интернационализировать проблему, прибегнув в ноябре того же года к ООН, провалилась, забаллотированная в Совете Безопасности совместным вето китайских националистов с Тайваня, занимавших тогда место Китая в ООН, и Советского Союза, ярко контрастировавшего с принципиальными декларациями по антиколониальной борьбе, которую Советский Союз и Народный Китай выбрали в качестве своего знамени.

9.2.5. КОРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Глобальное значение изменений, происшедших в Китае, обусловило новую постановку японской проблемы, а еще ранее — корейского вопроса. Очевидно, что во время войны этот вопрос не был в центре внимания союзников.

Рузвельт считал, что Корея, аннексированная Японией в 1910 г., не была способна немедленно восстановить самоуправление и еще на Каирской конференции в ноябре 1943 г. предложил своего рода четырехсторонний мандат на весь Корейский полуостров. Англичане, китайцы и русские тогда позитивно восприняли это предложение. По военным планам, освобождение страны должно было происходить посредством совместных действий советских вооруженных сил с Севера и американских десантных частей с Юга, вплоть до чисто военной демаркационной линии, которая должна была проходить по 38-й параллели.

На окончательном этапе войны Советский Союз был готов действовать как в Манчжурии, так и в Корее, учитывая близость двух фронтов боевых действий к районам базирования Красной армии.

Американцы вмешались позднее, однако не считали ситуацию безнадежной. В самом деле, советские войска остановились перед согласованной линией, аналогично тому, как американцы это сделали в Германии. К тому же союзнические отношения не позволяли в тот момент Сталину пойти на другой выбор. Впоследствии планы управления Кореей с помощью четырехсторонней комиссии утратили смысл из-за внутреннего кризиса в националистическом Китае и отказа англичан принимать на себя дополнительные международные обязательства, которые могли бы ухудшить их финансовое положение. Хозяевами положения оставались советские и американские вооруженные силы. На Московском совещании в декабре 1945 г. было принято решение о создании смешанной комиссии, образованной из представителей двух заинтересованных сторон и уполномоченной заложить основы последующей независимости Кореи.

Тем временем русские действовали на Севере полуострова теми же методами, которые они постепенно опробовали в Восточной Европе. Советы способствовали воссозданию компартии под руководством Ким Ир Сена, в отличие от китайцев гордившегося своим длительным пребыванием в СССР и в Москве; ему было доверено создание правительства сталинского типа в северной зоне оккупации. Американцы, со своей стороны, опирались на корейские националистические силы и нашли эффективного партнера в лице представителя самого консервативного крыла этих сил Ли Сын Мана. Прежде чем это разделение закрепилось, имел место, так же как и в Германии, переходный период, во время которого двусторонняя комиссия оккупационных сил обсуждала возможность продвинуть процесс национального воссоединения. Но даже и в этом случае встречи русских и американцев,

начавшиеся в марте 1946 г., превращались в повод для высказывания взаимных обвинений. Русские обвиняли американцев в способствовании созданию антикоммунистического режима к югу от 38-й параллели; американцы противопоставляли этим обвинениям упреки в установлении в Северной Корее однопартийного режима, что противоречило обязательствам, принятым Москвой, и контрастировало с видимым плюрализмом, существовавшим на Юге (видимым, поскольку правительство Ли Сын Мана было, по сути, авторитарной диктатурой, прикрытой некоторыми демократическими формами).

В сентябре 1947 г. по инициативе Соединенных Штатов дело было передано Организации Объединенных Наций; Генеральная Ассамблея ООН проголосовала за рекомендацию (не имевшую, в отличие от решений Совета Безопасности, обязательной силы), согласно которой в Корее как можно быстрее должны были состояться свободные выборы под наблюдением представителей ООН. Характер этой рекомендации с юридической точки зрения позволил Ким Ир Сену отказаться от присутствия представителей ООН в Северной Корее. В мае 1948 г. в Южной Корее состоялись выборы, которые представители Объединенных Наций объявили законными и которые принесли подавляющее большинство голосов Ли Сын Ману. 15 мая 1948 г. последний провозгласил создание Корейской Республики в качестве единственного законного правительства на всем полуострове, поскольку лишь оно было избрано под международным контролем.

На севере Ким Ир Сен последовал его примеру, провозгласив после плебисцитарных выборов 9 сентября 1948 г. Корейскую Народно-Демократическую Республику, единственную подлинно «демократическую», поскольку в ней была запрещена деятельность антидемократических, то есть антикоммунистических партий. Несмотря на постоянные трения между двумя правительствами, разместившими свои столицы соответственно в Сеуле (Южная Корея) и в Пхеньяне (Северная Корея), как русские, так и американцы сочли возможным постепенно вывести с территории полуострова свои войска. Не прошло и года после рождения двух корейских государств, как русские оставили на севере немногим более 3000 человек; на юге американцы — несколько сотен. Линия демаркации между двумя зонами военной оккупации начала превращаться в пограничную линию между двумя почти независимыми государствами, разделенными соперничеством, порождавшим многочисленные, однако локальные, пограничные инциденты.

Пересмотр американской внешней политики, последовавший за концом атомной монополии и созданием Китайской Народной

Республики, санкционированный в апреле 1950 г. одобрением резолюции № 68 Совета Национальной Безопасности (СНБ-68), помимо того, что дополнил доктрину сдерживания новыми формулировками, побудил также американских военных и политиков попытаться очертить своего рода точный «периметр» жизненных интересов Соединенных Штатов. В начале 1950 г. такие авторитетные генералы, как Эйзенхауэр и Макартур, утверждали, что, несмотря на изменения в Китае, Корея не является столь важной для обороны Соединенных Штатов, чтобы быть включенной в такой периметр, учитывая ее территориальную отдаленность и приоритет, отдаваемый в Азии защите Японии и южной зоны Тихого океана. Эти концепции нашли отражение в речи, произнесенной государственным секретарем Ачесоном 12 января 1950 г., в которой он рассмотрел проблемы изменений в американской политике в Тихоокеанском регионе и определил «периметр» американских обязательств в целях защиты национальной безопасности. Этот периметр простирался от Алеутских островов на севере до Японии, затем к югу от островов Рюкю до Филиппин. Южная Корея оставалась вне этой линии разграничения, очертившей сферу бесспорных интересов Соединенных Штатов, и это в период крупных изменений, которые могли вызвать рождение народного Китая.

В конце 1949 г. правительство Пхеньяна, которое в идеологическом плане пыталось совместить связи с СССР с контактами с китайской стороной, начало получать обычные вооружения от нового Китая, что встревожило русских и побудило их посылать своим корейским сателлитам более современные вооружения. Однако поворотный момент существования Северной Кореи имел место в марте 1950 г. в связи с подготовкой массовой военной операции против Юга и с положительным ответом, который Ким Ир Сен получил на просьбу, обращенную к Мао, согласиться, чтобы 30 000 корейских солдат, оставшихся в Маньчжурии после участия в войне против японцев и против националистов, смогли вернуться в Корею. Возвращение этих подразделений, хорошо подготовленных и оснащенных, давало Северной Корее ударную силу, необходимую для конкретной реализации плана агрессии против Юга.

9.2.6. КОРЕЙСКАЯ ВОЙНА

В историографии обсуждается степень вовлеченности Китая и Советского Союза в события: документы, которые российское правительство сделало доступными после 1990 г., подтверждают

одобрение Сталиным северокорейских планов, однако все еще невозможно четко дифференцировать степень ответственности двух коммунистических держав. Очевидным представляется то, что проблема насильственного воссоединения Кореи была доминирующей в отношениях между Ким Ир Сенем и его советским и китайским союзниками. Ким начал обсуждать эту тему в 1949 г. и Сталин все время его сдерживал, но не обескураживал. Мао проявлял большую склонность к риску, хотя и держался осторожно, так что окончательное решение было доверено именно китайскому лидеру.

В самом деле, Ким Ир Сен посетил Москву в апреле 1950 г. и получил обещания значительной военной помощи, сопровождавшиеся двусмысленными политическими обязательствами. Русских в тот момент сдерживала необходимость способствовать сбору миллионов подписей под призывом к борьбе за мир, брошенным группой интеллектуалов из Стокгольма, и Коминформ отдавал предпочтение этой форме пропаганды перед планами войны. В мае Ким посетил Пекин, где утверждал, что получил от Сталина свободу действий. Мао попросил разъяснений от самого московского вождя и тот ответил: «Учитывая новую международную обстановку», он соглашался с корейским предложением, однако уточнял, что окончательное решение «должно приниматься совместно китайскими и корейскими товарищами» с условием, что если Мао будет испытывать сомнения, то решение откладывается до нового обсуждения. Представляется, следовательно, несомненным тот факт, что военное нападение, начавшееся 25 июня 1950 г. вдоль 38-й параллели, было результатом тщательной подготовки сил Северной Кореи, заставших врасплох явно не подготовленного противника. Именно эту неподготовленность надо учитывать, когда исследуешь корейский кризис. Северокорейские руководители рассчитывали на фактор внезапности и на возможность разбить южнокорейскую армию до подхода возможной помощи извне.

Этот расчет оказался ошибочным. Осуществлявшим наступление северокорейским войскам удалось завоевать почти всю Южную Корею, за исключением небольшого плацдарма вокруг порта Пусан, где в сентябре 1950 г. закрепились остатки южнокорейской армии и где они начали получать первую международную помощь, прежде всего американскую. В действительности предположение об относительном безразличии американцев к происходившему было совершенно необоснованно. Северные корейцы, конечно, не знали о резолюции СНБ-68, однако она вносила существенные изменения в американский ответ на советские инициативы или инициативы, которые могли бы быть использованы

в интересах СССР. Произошел переход от этапа политического сдерживания к этапу, когда ответ не исключал применения военной силы. Иными словами, если коммунистическая система укрепляла свой военный (советский атомный) потенциал и свое геополитическое пространство (появление Народного Китая и заключение китайско-советских договоров), то её вызов менял свою природу. Это делало необходимыми новые ответы, поскольку в противном случае завоевания американцев в 1946–1949 гг. в значительной мере утратили бы свою значимость.

Биполярное противостояние переместилось на новый театр и приобрело военный характер. Проблемы Восточной Азии явным образом связывались теперь с проблемами Западной Европы, поскольку Советский Союз, следуя вековой традиции, после того, как он был временно остановлен на Западе, пытался в качестве компенсации осуществить свое продвижение на Востоке. Это не было прямое противостояние между СССР и Соединенными Штатами, но «война по доверенности», как она тогда называлась американцами. Ситуация в Корее слишком непосредственно отражала ситуацию в Германии, чтобы не вызывать опасений возможности повторения подобных инцидентов в Европе. Как бы то ни было, она представляла опасность и выявляла моменты, которые могли бы по-новому поставить саму проблему европейского переустройства. Агрессия Северной Кореи требовала немедленного ответа Соединенных Штатов: «периметр», обозначенный Ачесоном, имел смысл, но лишь в том случае, если Южная Корея оставалась бы связанной с американской системой в Тихом океане. Если эта предпосылка менялась, то уже не Корея находилась на передовом рубеже как внешняя защита Японии, но сама Япония оказывалась непосредственно противостоящей объединенной, победоносной и грозной Корее Ким Ир Сена.

Трумэн отреагировал незамедлительно. Вопрос был сразу же поставлен в Совете Безопасности ООН, и 25 июня (по нью-йоркскому времени) большинством голосов он принял резолюцию (то есть обязательный для исполнения документ), осуждавшую агрессию и требовавшую от Северной Кореи немедленно отвести свои войска. При этом неизбежно встает вопрос, как оказалось возможным обойти советское вето. Дело в том, что американцы извлекли выгоду из существенной ошибки в оценке ситуации, допущенной советской дипломатией, руководители которой решили не участвовать в работе Совета Безопасности начиная с января 1950 г. в знак протеста против отклонения их требования о том, чтобы место, занимаемое националистическим правительством Тайваня, было предоставлено представителю *de facto* (а для Советского Союза

также и *de jure*) китайского народа. Некоторые расценили это отсутствие как косвенное доказательство советской «невиновности» в повороте к вооруженным действиям в холодной войне, и, более того, как подтверждение того, что в отсутствие советской ответственности, речь могла идти только о южнокорейской агрессии, поддержанной Соединенными Штатами. Речь, однако, идет в данном случае о формальной аргументации, не принимающей во внимание источники.

Действительно, голосование Совета Безопасности было результатом непредвиденных и временных обстоятельств, которые американцы постарались максимально использовать. В самом деле, после американского приказа от 26 июня (даже без консультации с британскими союзниками, которые были на это порядком обижены) отправить срочную помощь из Японии в Корею. 27 июня США поставили эту тему на обсуждение Совета Безопасности. Совет принял к сведению невыполнение его решений северокорейской стороной и минимальным, но достаточным большинством принял резолюцию о «полицейских мерах», то есть военных мерах, которые, во исполнение ст.42 Устава, осуждали агрессию как угрозу международной безопасности и приглашали все государства-члены ООН добровольно предоставить их вооруженные силы для восстановления мира. Благодаря этой резолюции деятельность Соединенных Штатов начала развиваться под флагом ООН. Это могло произойти благодаря длительному отсутствию советского делегата в СБ.

В Японии под руководством Макартура были начаты приготовления к эффективному контрнаступлению и, в то время как американские войска готовились, другие 16 стран (от Великобритании до Турции) также заявили о своем участии. Зачастую это было символическое участие, однако оно придало американскому воинскому контингенту характер настоящей международной силы, которую Совет Безопасности своей резолюцией, принятой 7 июля также большинством голосов, поставил под командование генерала Макартура. Между июнем и сентябрем, в то время как южнокорейские и немногочисленные американские войска с трудом оборонялись вокруг Пусана, Макартур подготовил свою акцию.

15 сентября неожиданным маневром он осуществил массированную высадку войск в Инчхоне, недалеко от Сеула, в нескольких сотнях километров к северу от фронта боевых действий. Северокорейские войска неожиданно оказались перед угрозой окружения и поспешно отступили на север. За две недели военная ситуация изменилась коренным образом, поскольку войска ООН достигли 38-й параллели, выполнив таким образом миссию, порученную им Объединенными Нациями.

Тогда встал вопрос о пределах задачи, порученной международным силам, и американская сторона, как и южнокорейская, сочли эту ситуацию благоприятной для попытки осуществить то, что было невозможно раньше, то есть рекомендацию ООН по воссоединению двух Корей. С помощью военных средств можно было осуществить то, чего не удалось добиться мирными средствами. Однако это означало придание вмешательству ООН нового характера и действия в других дипломатических условиях, поскольку, увидев несомненную невыгодность своей демонстрации протеста, Советский Союз с 1 августа вновь занял свое место в Совете Безопасности; и сразу же за началом конфликта начали предприниматься усилия для поиска дипломатического решения, усилия, в которых главную роль играл тогда индийский премьер-министр Неру.

Проблема Кореи вызвала разногласия внутри Западного союза, однако как американское командование, так и президент Ли настаивали на том, чтобы представившаяся возможность не была упущена. Кроме того, часть американского консервативного общественного мнения, подталкиваемая «китайским лобби», усматривала в военном успехе Макартура возможность восстановления в целом позиций, утраченных в 1949 г. Недостаточно было защищать Тайвань с помощью 7-го американского флота, можно было подтолкнуть Чан Кайши к попыткам высадиться на китайской территории. В целом в США царил настолько возбужденное настроение, что в колебаниях Трумэна усматривали признак неоправданной слабости, а в имперском давлении Макартура — предвестник возможного изменения всей ситуации в Азии.

И все-таки открыть путь к объединению Кореи силой могли лишь Объединенные Нации, связанные решениями, принятыми в июне—июле, а теперь также и с участием возвратившегося советского представителя. Хорошо сознавая опасность, которую создавало это возвращение, американцы подготовили предложение, представленное в августе 1950 г. и направленное на изменение способа голосования в Совете Безопасности. В соответствии с этим предложением, в случае, если Совету не удастся вынести решение по причине вето, а квалифицированное большинство его членов приняло решение, или же было сформулировано требование определенного числа членов Ассамблеи (двух третей), рассмотрение вопроса могло быть изъято у Совета и передано самой Ассамблее, включавшей тогда 60 членов со значительным преобладанием проамериканских государств. Речь шла об уловке, которая в свое время обратилась против самих ее инициаторов, но которую тогда американцам удалось заставить Генеральную Ассамблею

одобрить 3 ноября 1950 г. в виде «резолуции», названной «Объединение во имя мира» (*Uniting for peace*). В действительности, военная ситуация в Корее к этому моменту вновь изменилась и изменилась радикальным образом.

После возвращения в Совет Безопасности советского представителя начались оживленные дискуссии относительно предложения по комплексному решению дальневосточных проблем, которое включило бы как признание Китайской Народной Республики, так и заключение перемирия в Корее. Это концепция была, однако, малопривлекательной для американцев, усматривавших в ней опасность поощрения северокорейской агрессии. Напротив, Генеральной Ассамблеей было принято британское предложение, предусматривавшее окончание военных действий и организацию свободных выборов под контролем ООН; имелось в виду воссоединение всей Кореи (47 голосов за, 5 против — то есть советский блок, и 7 воздержавшихся).

В военном плане международные силы ожидали указания, касающегося окончания их активных действий. Трумэн колебался. С китайской стороны последовали явные предостережения. Чжоу Эньлай заявил 30 сентября, что Китай не будет пассивно относиться к пересечению «войсками ООН» 38-й параллели. И хотя слова Чжоу были недооценены теми, кто считал, что для китайцев в любом случае приоритетными оставались внутренние проблемы восстановления страны, предупреждения Пекина не могли быть проигнорированы. Хотя в данном случае они и относились к проблеме 38-й параллели, но сделанный американцами выбор не мог не характеризовать их будущее отношение к китайской проблеме.

Колебания были преодолены с помощью уловки. 7 октября Макартур приказал южнокорейским силам пересечь 38-ю параллель, зная, что за ними последуют также американские и международные силы. Встреча Трумэна и Макарура на острове Уэйк 15 октября не послужила прояснению стратегических целей продолжения боевых действий.

Напротив, китайцы 16 октября показали, что их заявления не были пустыми разговорами. С этого дня подразделения «добровольцев», то есть китайских войск, формально не связанных со своим официальным командованием, стали прибывать на территорию Северной Кореи. Началась острейшая стадия конфликта. В конце ноября силы ООН подошли к реке Ялуцзян, обозначающей границу между Китаем и Кореей. Макартур настаивал на получении разрешения форсировать ее, но американские воздушные силы уже вторглись в китайское воздушное пространство. Генерал был уверен, что война близится к победоносному концу.

Однако 26 ноября началось контрнаступление китайских и северокорейских сил в «необъявленной» войне, в которой, благодаря китайскому численному превосходству, была в короткий срок одержана победа над силами ООН. В этот момент Макартур приложил максимум усилий для утверждения своих позиций. Для того чтобы остановить китайское наступление, было необходимо подвергнуть бомбардировкам северокорейские «святыни» и базы «добровольцев» на китайской территории, то есть следовало использовать силы китайских националистов и одобрить диверсии на территории континентального Китая.

Хотя в предшествующие месяцы даже Трумэн думал о возможности использовать атомное оружие против китайцев, такой вариант обострения конфликта был отброшен, попытки давления со стороны Макартура были отвергнуты, поскольку применение атомной бомбы спровоцировало бы расширение войны до глобальных масштабов, учитывая существование советско-китайского союза и ставшее уже очевидным намерение коммунистических стран не бросать угроз на ветер. В то же время, и союзники Соединенных Штатов, прежде всего Великобритания, также давали советы проявлять осторожность. В этой ситуации нарастающих расхождений внутри американского военно-политического руководства китайцы продолжили свое наступление и снова пересекли 38-ю параллель, вплоть до линии, которая в январе 1950 г. проходила к югу от Сеула. Пекинское правительство даже не учло осуждения, выраженного голосованием Генеральной Ассамблеи ООН 1 февраля 1951 г., которое объявляло Народный Китай виновным в агрессии. Напротив, именно новые американские военные усилия вновь сбалансировали ситуацию в апреле, поскольку удалось оттеснить китайские войска немного к северу от 38-й параллели, но не вдоль единой линии, а оставляя часть южнокорейской территории в руках противника.

С точки зрения внутренней политики Соединенных Штатов кризис достиг тогда наиболее острой фазы. 24 марта 1951 г., проявив более чем сомнительную инициативу, Макартур сделал публичное заявление, которое содержало угрозы в отношении Народного Китая, и в то же самое время предлагало чисто военное соглашение по Корее. Немного позже лидер группы республиканцев в палате представителей Джозеф У. Мартин распространил письмо Макартура, в котором говорилось, что «не существует альтернативы победе». Это был отчетливый жест неподчинения по отношению к президенту в тот самый момент, когда было положено начало дипломатической инициативе с целью прекращения огня. Трумэн извлек из этого должные выводы и 11 апреля

освободил Макартура от исполнения его обязанностей. Внутри Соединенных Штатов это спровоцировало кризис, который в немалой степени ослабил политические позиции президента. Макартур обладал авторитетом влиятельного победоносного генерала, и сам этот факт представлял собой институциональную опасность. Пылкий прием, оказанный генералу по его возвращении в Соединенные Штаты, выявил степень коллективной истерии, вызванной инцидентом. В действительности Трумэн использовал, как он, кстати, обычно это делал, свой авторитет с чувством меры и мужеством, уберегая свою страну от последствий безрассудных замыслов.

Тем временем на фронте операции оказались в тупике. Военные действия продолжались в виде частых, но ограниченных стычек вдоль 38-й параллели. В конце июня 1951 г. именно русские предприняли инициативу, направленную на разблокирование ситуации. Сделавшись рупором северных корейцев, они заявили, что те готовы начать переговоры о перемирии. Американский президент согласился, и переговоры начались 10 июля в Кэсоне.

Это было медленное и трудное начало, прерываемое частыми паузами и пропагандистской полемикой, которая выявляла сохранение глубокой враждебности и недоверия. В августе, после внезапного перерыва переговоры возобновились в Паньмыньчжоне, местечке, расположенном на равном расстоянии от двух военных фронтов. В центре полемики оказался вопрос о военнопленных и их праве выбирать, в какой из двух частей Кореи им оставаться. Проблема касалась, в частности, пленных, содержавшихся в лагерях Северной Кореи, где, как считали американцы, велась работа по их идеологической обработке, которая должна была привести к всеобщей поддержке коммунистического режима. Со своей стороны, китайцы и северные корейцы настаивали на том, чтобы все пленные в лагерях ООН были возвращены в места их проживания, независимо от их желания, что наталкивалось на сопротивление американцев из-за опасения, что возвращение всех без отбора приведет к необоснованным преследованиям тех, кого сочтут недостаточно преданными делу Ким Ир Сена.

Затянувшиеся дискуссии вокруг перемирия в результате повлияли на президентскую кампанию в Америке 1952 г. Трумэн, изнуренный тяжелыми испытаниями, и сознающий, что решения по поводу отставки Макартура стоили ему неоправданной непопулярности, счел возможным не выставлять свою кандидатуру (позднее, с таким же преувеличением, историография без колебаний оценит Трумэна как самого великого американского президента Новейшего времени). Впрочем, республиканская партия

выдвинула другого популярного в Соединенных Штатах героя, генерала Эйзенхауэра, бывшего тогда командующим войсками НАТО в Европе, в то время как демократы избрали Эдлая Э. Стивенсона, губернатора Иллинойса, очень авторитетного политика-интеллектуала, однако его харизма была несравнима с харизмой победителя Гитлера. К уже существовавшим различиям Эйзенхауэр смог добавить в последние недели весьма искусный штрих. Он заявил, что если будет избран, то положит конец войне в Корее. «Речь идет о работе, требующей моего персонального визита в Корею. Я совершу это путешествие. Я отправлюсь в Корею». Он не уточнил, отправится ли он для того, чтобы придать силы войскам, которые должны победить, или же чтобы дать толчок переговорам о перемирии, однако огромное большинство американцев истолковало его обязательство как обещание близкого мира.

Это было обещание, которое он сдержал. После победы на выборах Эйзенхауэр отправился в Корею и принял решение о необходимости продолжения переговоров. Только в случае их провала американские войска должны были начать сражаться «до победы», используя также и тактическое атомное оружие. В апреле 1953 г. возобновились переговоры в Паньмыньчжоне, а 27 июля было подписано соглашение о перемирии. Речь шла о «временном» компромиссном соглашении, которое должно было быть дополнено конференцией для решения корейской проблемы. Конференция собралась в Женеве в 1954 г., проблема вновь обсуждалась в 1955 г., однако и в 2002 г. две Кореи остаются разделенными (с небольшими тактическими изменениями), как это установило перемирие 1953 г. по линии, вдоль которой были расположены войска. Была найдена формула для решения вопроса о пленных, а остальное было отложено на неопределенное время.

Война заканчивалась, следовательно, компромиссом. В Соединенных Штатах восстановление мира и конец нескончаемых человеческих жертв (по не вполне понятным причинам) положили конец полемике. Эйзенхауэр получил возможность ощутить вкус начала своей президентской деятельности в качестве миротворца; двойственность, приведшая его к власти, разрешилась в направлении, подтвержденном другими событиями более общего плана.

Однако Корейская война не осталась без последствий. Китайское вмешательство обострило недоверие в отношении маоистского режима и на тот момент укрепило китайско-советский союз, ослабив его противоречия и отложив на несколько лет их новое обострение. Оно дало миру подтверждение военной силы коммунистического блока, однако в сочетании с ядовитой антиамериканской пропагандистской кампанией, которая убеждала только

склонных ей верить, лишь сделала еще более четким ощущение, что раскол мира был результатом агрессивной политики Советского Союза и коммунистов. Несмотря на то, что такое восприятие чрезмерно упрощало интерпретацию корейского кризиса и не убеждало значительную часть колониального мира (который, напротив, истолковывал американское вмешательство как попытку препятствовать активности, направленной на освобождение стремящихся к независимости народов), оно отразилось на западной коалиции как элемент, способствовавший иной постановке проблемы атлантической солидарности. Корейская ситуация была слишком похожа на ситуацию в Германии, чтобы не просматривались угрозы, явно вытекающие из аналогии между ними. Однако быстрота американской реакции и эффективность действий международной организации продемонстрировали адекватный способ противостоять агрессии. «Увязки», если использовать определение, распространившееся десятилетия спустя, были слишком очевидными. Если коммунистические державы были способны совершать агрессию также и военным путем, то необходимо было противопоставить такой угрозе адекватные инструменты обороны: на фронте, которому непосредственно угрожали корейские события, то есть в Японии, и на фронте, подвергавшемся аналогичной угрозе, то есть в Германии.

9.2.7. МИРНЫЙ ДОГОВОР С ЯПОНИЕЙ

Японский казус дает пример того, как быстрая эволюция американской политики в мире, а точнее в Азии, изменила отношение победителей к стране, потерпевшей поражение, вплоть до радикального пересмотра союзов. Из оккупированной страны-противника в 1945 г. семь лет спустя Япония стала в 1952 г. страной, свободной от всякой оккупации, превратившейся в главный оплот влияния Соединенных Штатов в Северо-Восточной Азии.

Речь шла, по всей видимости, не о продуманном великодушии, а скорее о возобновлении диалога и сотрудничества, которые были прерваны лишь с возобладанием японского империалистического экстремизма в 1941 г. Ответственность за управление оккупированной территорией была вверена верховному командующему союзными войсками генералу Макартуру. Однако директивы Комитета по разработке послевоенной внешней политики, подготовленные американской администрацией с учетом опыта заместителя госсекретаря Джозефа Грю, в течение многих лет бывшего послом в Токио, Макартур осуществлял не через Комиссию союзников (существовавшую только на бумаге), как это происходило

в Европе, а с помощью японского правительства. Это правительство все еще действовало под руководством императором Хирохито и состояло из тех же самых министров, что управляли страной раньше.

Однако, из него были исключены наиболее крупные военные преступники, против которых в начале 1946 г. открылась серия судебных процессов, завершенная лишь в конце 1948 г. вынесением смертного приговора генералу Хидэки Тодзио и еще пяти генералам, а также приговора к пожизненному тюремному заключению — 16 генералам. Другие офицеры подверглись суду за совершение военных преступлений и были приговорены к наказаниям на различные сроки. Каста военных становилась жертвой, принесенной возвращению Японии в американскую систему в Азии, вплоть до того, что в конституции, подготовленной тем временем в соответствии с директивами Макартура, была введена норма, запрещающая использование японских вооруженных сил за пределами страны. Макартур стал на несколько лет своего рода *alter ego* императора, в том смысле, что американский генерал управлял и распоряжался в соответствии с инструкциями, исходившими от японского правительства, но также и в соответствии со своим личным имперским стилем, который позднее подтолкнул его к военно-политическому экстремизму, продемонстрированному во время Корейской войны. Первостепенной задачей Макарута была переработка японской конституции в демократическом и плюралистическом духе. Фигура императора не вписывалась в новую политическую атмосферу. Он оставался символом единства нации, однако его власть не имела более божественного происхождения, а исходила от народа, подлинного обладателя суверенных прав. Остальная часть конституции копировала образцы, распространенные в остальном мире.

Центральной проблемой реформ была, однако, не институциональная, скорее ею являлась социально-экономическая проблема. Движимые вначале карательными намерениями, похожими на те, которыми они руководствовались в отношении Германии, американские лидеры быстро осознали, что их планы, касающиеся Японии, могут иметь успех лишь на основе оздоровления экономики.

В 1946 г. карательная политика трансформировалась в политику помощи. Согласно американскому плану, возрождение (предпосылка последующего японского экономического чуда) основывалось на разрушении крупных финансовых картелей (дзайбацу), господствовавших в довоенной экономической жизни, на аграрной реформе и создании эффективных профсоюзов. Аграрная реформа привела к скромным успехам; профсоюзы стали на несколько

десятилетий влиятельной силой, представленной в японской политической системе; политический плюрализм в течение нескольких лет был характерен для жизни страны, но вскоре в ней утвердилась гегемония либералов, то есть политической коалиции, представлявшей множественность экономических интересов и доказавшей после свободных выборов в апреле 1946 г., что она доминирует в японской политической жизни в тесном союзе с независимыми представителями консервативного направления. Левые в общей сложности завоевали немногим более 20% голосов.

В области финансов был восстановлен контроль над японским обществом со стороны старых групп, доминировавших в жизни страны, к которым добавились новые группы, чье возникновение стало возможным в результате экономического роста. Действительно, в октябре 1946 г. после нескольких месяцев разработки было издано распоряжение, которое должно было искоренить экономическую власть дзайбацу и сделать невозможной любую «чрезмерную концентрацию экономической власти». Однако правительство Иосиды не нашло у американских военных властей достаточной поддержки для проведения реформы. Начиная с конца 1947 г. и до первых месяцев 1948 г. почти все масштабные проекты декартелизации, характерные для экономической политики первых двух лет американской оккупации, были отброшены. Критерий стабилизации, принятый в качестве необходимого принципа для введения японской экономической жизни в нормальное русло, на практике свелся к преемственности по отношению к прошлому.

Такая быстрая смена акцентов, характерная для азиатского измерения новой американской стратегии, была неотвратимо связана с ситуацией в Центральной и Юго-Восточной Азии. Намечающаяся победа коммунистов в Китае превращала Японию в «бастион против коммунизма» в Азии. Эти сдвиги в расстановке сил полностью изменили характер оккупационной политики. Если Китай готовился стать врагом Соединенных Штатов, то Япония становилась необходимым союзником, а если не союзником, то точкой опоры. Еще до заключения формального союза достаточно было полного оздоровления экономики, чтобы преодолеть противоречия и трудности послевоенного периода. Эта задача была поручена Джозефу Доджу, американскому банкиру ортодоксально-монетаристского направления, который в течение года добился восстановления японской системы производства с помощью политики жесткого снижения издержек производства, в особенности на заработную плату, и роста производительности труда. Достаточно было также нормализации дипломатических отношений посредством подписания мирного договора.

Идея начать подготовку такого договора, в том числе и для того, чтобы облегчить американские обязательства по управлению Японией, восходила к июлю 1947 г., когда Макартур в первый раз поставил эту проблему. В тот момент мирный договор означал также соглашение с Советским Союзом, учитывая, что параллельно велись тщетные переговоры по заключению мира с Германией. Однако аналогично тому, что происходило в Германии, затягивание диалога делало все менее легким путь к достижению мира между Японией и всеми ее победителями. Аналогичным образом появилась идея сепаратного мира, к подписанию которого следовало побудить Советский Союз (если он примет эту идею), но который в противном случае следовало заключить и без его согласия. Война в Корее создала все условия для поворота в политике.

В июне 1950 г., перед нападением Северной Кореи на 38-й параллели, Джон Фостер Даллес был в Токио в качестве консультанта государственного департамента с поручением изучить условия возможного мирного договора с Японией. После начала военных действий Трумэн назначил Даллеса своим личным представителем в Токио с задачей провести переговоры о заключении мирного договора. Эта тема вызывала оппозицию Советского Союза и Китая, но также и тревогу тех стран, которые, как Филиппины, Австралия и Новая Зеландия, пережили японскую оккупацию (в первом случае) или почувствовали непосредственную японскую угрозу. Поэтому обязательства оборонительного договора с Соединенными Штатами выступали для них в качестве предварительного успокаивающего условия для заключения мирного договора с Японией. Даллес развернул интенсивную серию консультаций, в ходе которых ему удалось найти почву для компромисса со всеми заинтересованными странами, за исключением СССР, обусловившего свое согласие участием Народного Китая. По этому вопросу фронт бывших противников Японии раскололся.

Мирная конференция была созвана в начале сентября 1951 г. в Сан-Франциско. Было приглашено 55 государств, за исключением представителей Китая и Тайваня. 52 из них, включая Советский Союз, приняли приглашение, и 4 сентября началась работа конференции. Немногом ранее, 30 августа, Соединенные Штаты подписали, согласно принятым обязательствам, договор о взаимном «обеспечении безопасности» с Филиппинами. 1 сентября аналогичное соглашение было подписано с Австралией и Новой Зеландией (оно известно как договор АНЗЮС и с тех пор стало одним из элементов западной оборонительной системы в Тихом океане).

В начале послевоенного периода Трумэн обещал японцам «мир справедливости, а не мести». В действительности, спустя семь лет после окончания войны обстановка так изменилась, что стало невозможным повторение разногласий, характерных для переговоров о заключении европейских мирных договоров 10 февраля 1947 г. Советский представитель Громько безуспешно пытался представить точку зрения Народного Китая, однако перед лицом негативной позиции других делегаций, ограничился отказом подписать (а с ним — польский и чехословацкий представители) заключительный текст мирного договора. Соглашение лишь зафиксировало сложившуюся территориальную и политическую ситуацию как в отношении СССР, так и в отношении США (хотя последние и признали формальный суверенитет Японии над островами Рюкю и Бонин). Остальная часть договора была сформулирована таким образом, что сами японцы восприняли его как «лояльный и благородный».

Впрочем, к этому моменту изменился и характер вопроса о взаимной безопасности, в связи с корейской ситуацией более отчетливо выявилась необходимость дополнить мирный договор договором о безопасности. Американцы нуждались в юридическом документе, который позволял бы им содержать войска и военные базы на японской территории, и такой документ был подписан 8 сентября 1951 г. Мирный договор с Японией был затем ратифицирован американским сенатом и вступил в силу 28 апреля 1952 г. С тех пор отношения между Японией и Соединенными Штатами стали строиться на иных основаниях: взаимного политического сотрудничества, зависимости Японии в военном плане от американской системы обороны и концентрации японских ресурсов в интересах экономического развития страны. Непосредственное ощущение военной опасности облегчало создание в Тихоокеанском регионе системы политических гарантий в комплексе с военными гарантиями. В Европе параллельный процесс был более мучительным и долгим.

9.3. Милитаризация периода холодной войны в Европе

9.3.1. РЕЗОЛЮЦИЯ СНБ-68

На момент его подписания 4 апреля 1949 г. Атлантический договор рассматривался американцами как уступка по отношению к обидам и страхам европейцев, которые США не всегда разделяли. С окончанием атомной монополии (в августе 1949 г.,

но американцы сообщили об этом только 3 сентября) и провозглашением Китайской Народной Республики в Соединенных Штатах началось интенсивное и трудное обсуждение ограничителей политики сдерживания и необходимости дополнить политические инструменты, на которых она основывалась, другими методами, более прямого действия. Развернувшаяся дискуссия по этому вопросу привела в апреле 1950 г. к принятию резолюции № 68 Совета Национальной Безопасности явившейся основой последующего американского военного присутствия в Европе, предпосылки для перевооружения Германии и для трансформации Атлантического пакта в НАТО — организационную структуру, которая позволит создать в Европе постоянную армию в мирное время. На преимущественно политическое и экономическое противостояние постепенно накладывалось противостояние военно-политическое. Проблемы восстановления экономики стали считаться решенными или отодвинутыми на задний план по сравнению с более неотложными вопросами, требовавшими рассмотрения в связи с угрозой, как считалось, менее отдаленной и более серьезной.

Еще в конце 1949 г. Трумэн одобрил документ СНБ 48/2, который расширил сферу применения политики сдерживания в Азии. Более углубленная проработка была, однако, предпринята самим СНБ под руководством Пола Нитце, заместителя Кеннана в руководстве Управления политического планирования. Новая стратегическая ситуация отнимала у Трумэна «козырные карты», кредит доверия, которым Соединенные Штаты обладали благодаря монополии на атомное оружие. Русские выбрали в 1946 г. путь атомного соревнования и в 1949 г. показали, что умеют играть своими картами.

Настала очередь Соединенных Штатов ответить как в военном, так и в политическом плане. В военном плане они сделали это, приняв ставшее предметом дискуссии решение Трумэна от 30 января 1950 г. начать разработку водородной бомбы и средств доставки, необходимых для ее применения. С принятием этого решения атомное противостояние сделало еще один шаг к соперничеству, которое могло привести к непредсказуемым результатам с точки зрения военных возможностей. В самом деле, разрушительная способность водородной бомбы (русские начали изучать эту проблему с 1946 г.) вела к качественному скачку в ядерных вооружениях, когда они превращались из вооружений, способных поражать и уничтожать ограниченные цели, в вооружения, потенциально опасные для существования человечества. Новое соперничество выдвинет с середины 50-х годов проблемы выпадения радиоактивных осадков и учета ядерных рисков, что приведет

к осознанию необходимости самоограничения. Однако в 1950 г. потребность в том, чтобы вернуть превосходство над оказавшимся более жестким и более технически подготовленным, чем это казалось, противником (каковой, как опасались, сам сможет последовать за американцами по пути создания нового оружия), толкала в направлении, опасностей которого тогда не осознавали. Не слушали и предупреждений таких ученых, как Роберт Оппенгеймер и Джеймс Конант, хотя и участвовавших в создании атомной бомбы, но оспаривавших направленность новой американской ядерной политики.

Политический аспект был освещен на презентации Нитце в Совете национальной безопасности в феврале и марте 1950 г. серии документов, завершавших разработку американского ответа. Эти документы были обсуждены до 20 апреля и привели к уже цитировавшейся резолюции СНБ-68, которую историк Даниель Ергин считает одним из основных документов американской послевоенной политики, подобных «длинной телеграмме» Кеннана февраля 1946 г. Речь шла о новом и более компетентном анализе целей советской внешней политики и попытке выявить корреляции между идеологией, внутренней политикой и внешней политикой СССР. Тон документа был гораздо более тревожный, чем почти беспристрастный научный анализ, сделанный в свое время вдохновителем доктрины сдерживания (*containment*). Советский Союз, говорилось в нем, в отличие от других держав, стремившихся к гегемонии, движим фанатичной верой, подталкивающей его к «навязыванию своего влияния всему остальному миру». В тоталитарном режиме, каким являлся советский режим, цель Кремля состоит в «тотальном подчинении народов, оказавшихся под его контролем». Концентрационный лагерь «является прототипом общества, которое эта политика стремилась создать, общества, в котором личность индивида заангажирована и подчинена, вплоть до того, что индивид становится убежденным соучастником собственной деградации».

Неизбежная связь между таким образом построенным советским обществом и внешней политикой СССР вела к столь же необычным выводам. Кремль был обречен проводить «воинствующую» политику, возглавляя «мировое революционное движение, поскольку он являлся наследником русского империализма и поскольку он представлял собой тоталитарную диктатуру». Составителям резолюции было совершенно ясно, что цель Советского Союза состояла в том, чтобы «поставить весь мир под свое господство, используя методы холодной войны». Этот замысел требовал разгрома Соединенных Штатов, поэтому советский вызов

США должен был расцениваться как «смертельный вызов». Чтобы иметь представление о масштабе такого вызова, достаточно было сопоставить те части национального дохода, которые каждая из сверхдержав предназначала на военные расходы: около 19% — СССР и 6 или 7% — США. Экономика Соединенных Штатов, гораздо более мощная, чем советская, могла выделить на перевооружение до 20% бюджетных расходов, и именно такое направление рекомендовала резолюция СНБ-68.

Вплоть до 1949 г. превалировало мнение, что СССР представляет не прямую военную угрозу, а лишь косвенную опасность. Сигнал опасности, посланный экспертами Совета Национальной Безопасности, лишь дополнил в военно-политическом плане политику сдерживания. На усиление военной угрозы следовало ответить большими усилиями.

Это заключение, которое администрация Трумэна использовала в собственных интересах, почти не встречая возражений (за исключением, например, несогласия Кеннана), привело к различным последствиям. Внутри Соединенных Штатов оно вынуждало сделать весьма трудный выбор, который должен был одобрить конгресс. За рубежом оно выдвигало политические проблемы, менявшие некоторые предпосылки американских международных обязательств. Корейская война способствовала тому, что конгресс убедился в обоснованности только что сформулированного диагноза. Бюджетные военные расходы выросли в 1951 г. до 22,3 млрд долларов, в 1952 г. — до 44 млрд, в 1953 г. — до 50,4 млрд. Это были средства, предназначенные для финансирования военных усилий в Корее, но прежде всего для восстановления вооруженных сил, которые американцы поспешили свернуть после окончания Второй мировой войны.

9.3.2. ИНТЕГРАЦИЯ ФЕДЕРАТИВНОЙ ГЕРМАНИИ В ЗАПАДНУЮ СИСТЕМУ

В политико-дипломатическом отношении резолюция СНБ-68 вновь приводила в движение процесс, начатый в Европе в 1947 г. и протекавший в двух направлениях: европейское и преобразование Атлантического пакта посредством перевооружения Германии. Очень часто эти два процесса рассматриваются как разные, а иногда даже и совершенно не совпадающие аспекты мировой политики. В переплетениях европейского и политики атлантической солидарности склонны видеть нечто случайное или же — в слегка отличающейся трактовке — политические инициативы разного порядка, исходившие из различных замыслов, но порой совпадавшие благодаря обстоятельствам.

Однако это концептуальное различие кажется надуманным, и эти два аспекта политической активности в Европе с середины 1950 г. представляют две стороны одной медали, как уже говорилось о доктрине Трумэна и о плане Маршалла. Основной замысел предусматривал формирование европейской институциональной системы, которая обеспечивала бы все более тесную интеграцию стран, считавших себя объектом советской угрозы и в то же время полагавших необходимым, чтобы в такой интеграции участвовала страна в наибольшей степени подвергающаяся опасности — Федеративная Республика Германии. При этом следовало, однако, избегать того, чтобы в процессе интеграции оставались неурегулированные разногласия. Данное условие, которое не всегда выполнялось, объясняет, почему только одна из сторон медали была отчеканена полностью, в то время как другая осталась лишь приблизительно намечена; иными словами, объясняет, почему атлантическое объединение было эффективным в течение длительного времени, в то время как европейская интеграция встретила на этом этапе непреодолимые препятствия.

Инициатива европеизма развивалась почти одновременно, если иметь в виду создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а в военном отношении — перевооружение Германии как предпосылку для создания постоянной европейской армии мирного времени, которая выполняла бы роль военного компонента Атлантического союза. Создание ЕОУС было результатом совпадения конъюнктурной ситуации и проблем, требующих анализа в контексте более долговременных процессов. Конъюнктурный кризис был обусловлен напряженностью, получившей развитие с осени 1949 г. в отношениях между Францией и Федеративной Германией по вопросу о Сааре, а также в результате начавшегося мощного подъема производства в Рурском угольно-металлургическом бассейне, как того желали американцы, и предвещавшего возможное перевооружение Германии, как опасались в Париже. Предложение, высказанное французским министром иностранных дел Робером Шуманом 9 мая 1950 г., о создании авторитетной организации в области производства угля и стали (которая согласовала бы франко-германские потребности и, больше того, способствовала бы более полному примирению двух стран в качестве предпосылки для дальнейшего объединения Европы) вписывалось, однако, в более общую перспективу, а не только было связано с этой конъюнктурной ситуацией.

Со времен войны Жан Монне, разработчик плана модернизации и оснащения промышленности, по которому должно было проводиться восстановление французской экономики, считал

проблему Рура жизненно важной для германского могущества и ключевым элементом контроля, который Франция должна осуществлять над Германией в соответствии с установками на превращение самой Франции в ведущий центр европейского угольно-металлургического производства. Особенности политики оккупации Германии и жесткая оппозиция американцев по отношению к французским проектам оттеснили их на второй план, однако они не были забыты. Когда Лондонская конференция шести стран осенью 1948 г. обсуждала вопрос о создании западногерманского государства, интернационализация Рура была неизменным пунктом французских требований. И хотя эти требования были в значительной части приняты, желаемые результаты не были достигнуты. Подъем производства происходил в неблагоприятной политической обстановке и представлялся элементом еще более серьезного конфликта, если учесть его совпадение с полемикой немцев против статуса Саара, который был почти аннексирован Францией (март 1950 г.).

Идея создания угольно-металлургического объединения появилась, следовательно, к концу 1948 г. инспирированная уже измененными мотивами по сравнению с первоначальными проектами Монне. Реальному франко-германскому сближению способствовал и тот факт, что в контексте военных и политических изменений в мире к концу 1949 г. Соединенные Штаты захотели закрепить особые отношения с Великобританией (что предполагало расширение Североатлантического альянса за счет вклада Содружества) в качестве более адекватного ответа на угрожающий советский вызов. Эти аспекты американской политики, сопровождавшиеся признанием особого положения зоны фунта стерлингов внутри европейского платежного союза, подтолкнули французскую экономическую политику, уже руководствовавшуюся в целом дирижистскими установками, к сдвигам в направлении создания таможенных союзов и преференциальных отношений, которые восстановили бы равновесие в данной ситуации. Если Франция не хотела оказаться в одиночестве перед лицом Германии, способной быстро установить особые отношения с Соединенными Штатами, необходимо было, чтобы Париж отдавал приоритет предложениям, направленным на серьезное сближение с Западной Германией. При этом были бы отброшены бесплодные попытки господства периода войны и стал бы возможен взаимный контроль.

Металлургическая отрасль, как по только что названным историческим причинам, так и по важности, которую она приобрела в годы восстановления европейской экономики, представляла

наиболее подходящей и наиболее продуктивной для французской инициативы. Предложение Шумана, сделанное 9 мая 1950 г., попадало, следовательно, на гораздо более благодатную и многообещающую почву, чем это предполагает интерпретация, которая рассматривает его только как выражение европейской политики французского министра иностранных дел. План исключал всякий элемент подчиненности и заменял его элементом наднациональности. В этом смысле он представлял предвосхищение европейского проекта.

В самом деле, Шуман предлагал немцам (решение о включении Италии и стран Бенелюкса было принято позднее) создать высший руководящий орган, которому были бы приданы широкие полномочия во всех вопросах, касающихся угольно-металлургического производства. Это были смелые идеи, целеустремленно направленные на создание франко-германского блока как предпосылки для создания более широкой организации, которая в дальнейшем могла бы стать основой для полной перестройки Западной Европы. В этом смысле проект, пусть и имевший свои недостатки, находился в русле континентальной европейской политики, направленной на устранение главной причины конфликта в сердце Европы путем согласования позиций для совместного управления важными для восстановления экономики ресурсами.

Ответ Аденауэра был очень благосклонным. Французский план предоставлял ему возможность как выхода из внутренних затруднений, поскольку он располагал незначительным парламентским большинством, так и замены международного контроля над Руром наднациональным контролем, при котором голос Германии звучал бы значительно громче.

Переговоры, длительные и сложные также и по причине прямого вмешательства заинтересованного индустриального мира, усилили элементы отказа от суверенитета, чего очень хотел Монне, и представляется, что именно этот аспект способствовал отделению англичан. Утверждение текста учредительного договора о создании ЕОУС состоялось в период с конца июня 1950 г. до апреля 1951 г. Обстановка, в которой проходили переговоры, оказала воздействие на их ход. Действительно, разразившаяся война в Корее придала западным программам перевооружения ускорение, уже рекомендованное резолюцией СНБ-68 в апреле, поставила вопрос о перевооружении Германии и, следовательно, о европейском металлургическом производстве. Кроме того, преодоление летом 1950 г. короткого экономического спада, начавшегося в Соединенных Штатах предыдущей осенью, придало импульс спросу на металлургическую продукцию.

В ходе переговоров различающиеся интересы и концепции противостояли друг другу. В частности, склонность к дирижизму и антикартельная направленность, представленная Монне и Шуманом, сталкивались с требованиями частной промышленности, в особенности германской. Ход работы был обусловлен также факторами, внешними по отношению к конференции, но которые не могли на нее не повлиять. В самом деле, вопрос о перевооружении Германии был открыто поставлен американцами, и французское правительство ответило планом, представленным председателем Совета министров Рене Плевеном, на основе которого начались переговоры о создании Европейского оборонительного сообщества (ЕОС), задуманного по образцу ЕОУС.

В такой обстановке 18 апреля 1951 г. был одобрен текст договора о создании Европейского объединения угля и стали, вступившего в силу после завершения процедуры ратификации 25 июля 1952 г. На пост председателя высшего органа самого ЕОУС был сразу же назначен Жан Монне.

Компромиссы и озабоченности не стали препятствием для удовлетворения большей части требований французов, а также для ощущения удовлетворенности наиболее убежденных в необходимости создания наднациональных органов европейцев достигнутым результатом, который был продвижением в желательном для них направлении. В самом деле, договор представлялся как очевидный первый шаг к преодолению исторического соперничества, всегда разделявшего Европу и теперь канализированного по пути институционализации.

Он означал выражение в точных понятиях определенного образа мышления, который начинал преобладать в Европе по мере того, как забывались болезненное соперничество и старая вражда. Этот образ мышления предполагал убежденность в том, что разрешение конфликтов внутри Европы силой означает лишь саморазрушение, и уверенность в том, что любые проблемы могут стать предметом переговоров. Договор отражал общее понимание того, что ничто не может оправдать жертвы на алтарь новых войн, и все должно решаться путем переговоров. Примирение между Германией и Францией посредством заключения договора о ЕОУС было первым признаком того, что отношения между двумя странами больше не станут угрозой для мира в Европе.

Что касается институциональных аспектов, ЕОУС определялось как общий рынок для угольно-металлургической промышленности, призванный предотвратить злоупотребления, связанные с картелизацией, и регламентировать соответствующие производственные квоты в контексте экономической экспансии и техно-

логической модернизации. Наиболее важным в институциональном отношении было создание высшего руководящего органа, то есть исполнительного органа объединения; органа, состоявшего из девяти членов (не более двух из них могли иметь одно гражданство) и обязанного действовать совершенно самостоятельно, при открытом запрете следовать указаниям национальных правительств и при обязательстве воздерживаться от всяких действий, противоречащих «наднациональному характеру его функций». Другими органами были Ассамблея, Совет министров, чья задача состояла в гармонизации деятельности Высшего органа с деятельностью правительств и в формулировании предложений и мер для представления самому Высшему органу; Суд, который призван был разрешать юридические споры, возникающие при применении договора.

Сегодня историография, касающаяся ЕОУС, пришла к суждениям, в которых в меньшей степени присутствует высокопарная апологетика, характерная для периода становления наднационального европейского института. Однако невозможно не признать успех, достигнутый французами в осуществлении важной части их предложений. Надежда на создание некоей власти, достаточно эффективной для того, чтобы каким-то образом управлять германской металлургической промышленностью и общей экономической мощью воссозданной Германии, в действительности была преувеличена, также как осталась неразрешенной и проблема недоверия французов по отношению к возможному возрождению немецких гегемонистских поползновений. Спор по поводу Саара, который будет решен окончательно лишь в 1955 г., все еще оставался элементом кризиса. И все же, именно атмосфера страстного стремления к интеграции, характерная для Европы в период, последовавший сразу же за войной в Корее, способствовала укреплению того, что было начато в 1947 г. и теперь получило институциональное завершение.

9.3.3. ОТ АТЛАНТИЧЕСКОГО ПАКТА К НАТО.
ПЕРЕВООРУЖЕНИЕ ГЕРМАНИИ

Предложение Шумана предвосхитило ситуацию, которая, впрочем, уже вписывалась в новую американскую стратегию — активизировалось также и военно-политическое сотрудничество (с меньшей настойчивостью со стороны европейцев, но в результате решительного нажима со стороны Соединенных Штатов). Корейский кризис и предшествовавшие изменения в соотношении сил в международном масштабе привели к кризису атланти-

ческой системы гарантий. Само подписание Атлантического договора в комплексе с американскими гарантиями неожиданно предстало в подлинном свете.

Соединенные Штаты предоставили Западной Европе политические гарантии, обеспеченные в техническом плане американской атомной монополией, а в военно-политическом — концепцией, согласно которой простого заявления о такой гарантии, даже не подкрепленного убедительными действиями стратегического плана, было достаточно для пресечения всяких попыток агрессии. Конец атомной монополии и наступление коммунистов в Корею — это два основания Атлантического пакта. Сами американцы начали переосмысливать действенность своих обещаний (как показала дискуссия по резолюции СНБ-68). Кроме того, сходство ситуаций в Германии и Корею подсказывало логику действий, гипотетичных, однако не невозможных, что оказало влияние на предстоявшие решения. Концепция «войны по доверенности», то есть выполнение военной задачи проверить эффективность американской мощи странами, вроде Северной Кореи, уверенно прилагалась также и к Западной Европе, трактуя германскую ситуацию в качестве легкого поля для своего практического применения.

Это изменило позицию как европейских стран, так и Соединенных Штатов. Со стороны европейских правительств предпринимались судорожные усилия для того, чтобы добиться большего присутствия американцев в Европе, и укреплялась решимость к пересмотру стратегических планов союза. Последние, все еще связанные с разработками Брюссельского пакта, предусматривали, что линия обороны на случай возможного нападения Советского Союза будет расположена, если это возможно, вдоль Рейна, но более реалистично обеспечит прикрытие нескольких плацдармов в Европе, в число которых Франция не обязательно включалась. Отныне предпочтение отдавалось планам, учитывавшим новую ситуацию в Германии и смещавшим стратегические обязательства НАТО в сторону обороны Федеративной Республики вдоль границы, проходившей на востоке по Эльбе.

Но тем самым ставилась проблема участия Германии в обороне собственной территории и территории Западной Европы, Германии, едва начавшей существовать и не подписавшей еще ни одного мирного договора. Вопрос обсуждался дипломатией союзников накануне заседания Атлантического Совета, запланированного на середину сентября 1950 г. в Нью-Йорке. По этому случаю американцы представили свою точку зрения. Она учитывала требования союзников относительно большего присутствия аме-

риканцев в Европе, однако обуславливала его реализацию четко определенным порядком приоритетов. Соединенные Штаты существенным образом увеличат свое военное присутствие в Европе и будут участвовать в формировании интегрированных атлантических вооруженных сил, взяв на себя командование, но с условием, что европейцы примут участие в европейской армии десятью немецкими дивизиями, то есть Франция предварительно согласится на перевооружение Германии. Это предложение перекладывало на Европу ответственность за принятие трудных решений, порождавших по крайней мере три проблемы: первую — относительно наличия действительного желания перевооружить Германию; вторую — неизбежные последствия, которые такое предложение вызовет во всей Европе, и в особенности в странах, непосредственно заинтересованных (Франция, Польша и Советский Союз); третью — способы, посредством которых предстоит осуществлять перевооружение, если решение о нем будет принято в принципе.

С точки зрения ситуации внутри уже существовавшей оборонительной системы американская инициатива создавала проблемы для всех стран, принадлежавших к Атлантическому союзу. Но страной, для которой американское предложение создавало наибольшие сложности, была Франция, затронутая в самой чувствительной точке своей европейской политики и, следовательно, вынужденная столкнуться с трудноразрешимой проблемой, учитывая внутреннее и международное положение страны.

В Атлантическом Совете французы были в полном одиночестве, поскольку все другие члены союза приняли американский проект. Шуману не оставалось ничего другого, как принять решение об отсрочке. Но — отсрочке, которая предполагала выдвижение контрпредложений. Для их выработки уже в начале сентября 1950 г. был снова призван Жан Монне, сразу увидевший альтернативу перевооружению Германии в «создании европейской армии, связанной с политическими институтами единой Европы». Это был способ как смягчить угрожающее впечатление от концепции перевооружения Германии, так и придать дальнейший импульс европейскому проекту, связав его непосредственно с политикой Соединенных Штатов, что предполагало преодоление принципиальных возражений против самой концепции перевооружения Германии.

После трудной проработки во французском правительстве был одобрен план премьер-министра Франции Плевена, предлагавшего, по примеру угольно-металлургического проекта, создание европейского министерства обороны и армии из контингентов шести государств, в которую были бы интегрированы «сколь

возможно меньшие» подразделения, представляющие каждую страну. Не предусматривалось существование национальных, то есть немецких, «дивизий», а только смешанных международных дивизий, поставленных под американское верховное командование. Национальное собрание Франции, собравшееся для обсуждения этого плана, одобрило его 21 октября 1950 г. большинством в 343 голоса против 220.

Очевидно, нет оснований утверждать, что предложение Плевена означало восторженное участие французов в американских проектах. Французы искали средство для смягчения удара от события, которое атлантические союзники считали неизбежным, и, имея под рукой проект ЕОУС, было слишком заманчиво доверить этому «ряженому» задачу решения сложной проблемы. Однако шла ли речь о предложении, действительно отвечавшем подлинным намерениям французов, или же о тактике проволочек? Возможно, обе эти тенденции присутствовали. Французский политический мир был расколот (и таким он будет до 1954 г.) по вопросу перевооружения Германии. Коммунистическая левая и значительная часть социалистов были ее противниками по принципиальным соображениям. Голлисты и различные представители «независимых» выступили как ее противники именно потому, что план Плевена сочетал не вызывающую возражения необходимость (перевооружение Германии) с ошибочным решением (о наднациональной европейской армии). Впрочем, существовала постоянная внутренняя диалектика этих позиций в процессе их формирования и изменения в зависимости от обстоятельств, которые характеризовали политическую дискуссию во Франции в течение всего периода, последовавшего за представлением плана, и которые, в конечном счете, предопределили его судьбу.

Англичане были враждебны проекту, вписанному в атлантическую систему, именно из-за его наднационального характера, таким образом они были бы вынуждены оказаться за рамками проектируемой армии, что разрушило бы их надежду на лидерство в европейской военно-политической системе. Сами немцы проявляли раздражение по поводу дискриминации, предполагавшейся французским проектом, однако французы настаивали именно на наднациональном характере плана как единственной формуле, в рамках которой Франция могла бы согласиться с перевооружением Германии.

Внутри союза началась дискуссия, четко разделившая участников на страны, расположенные принять во внимание французские предложения, и те, что относились к ним враждебно по принципиальным соображениям. Сами американцы оказались в замеша-

тельстве перед сложностью и жесткостью некоторых аспектов французского проекта. В октябре — декабре дискуссия продолжалась с трудом до того момента, пока Атлантический Совет в середине декабря в Брюсселе не решил разделить отдельные аспекты проблемы. Организация атлантических сил в Европе, вопрос о перевооружении Германии и вопрос о европейской армии стали рассматриваться как три разные темы, по которым следует вести отдельные переговоры. Вопрос о создании объединенных атлантических сил в Европе, поставленных под командование генерала Эйзенхауэра, был решен немедленно, и после этого в Париже началось создание сложных организационных структур, которые превратили существование НАТО в реальность. С этого времени НАТО развивалась как военно-техническая часть Атлантического пакта, хотя и не совпадая с ним полностью. Союз оставался международным соглашением, участие в котором не требовало обязательного участия в НАТО, как это могли констатировать двадцать лет спустя.

Между тем вопрос об участии Германии в армии Атлантического союза решался на основе компромисса, считавшего взаимодополняющими концепцию атлантической армии и концепцию боевых подразделений европейцев. Вопрос об их численности откладывался до разрешения противоречий, присущих плану Плевена относительно «размера» подразделений, которые могли бы составить международные дивизии европейской армии. Осталась, однако, открытой проблема структуры, которую предстояло иметь европейской армии.

9.3.4. ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА

Переговоры по плану Плевена начались 15 февраля 1951 г. в Париже с участием представителей Франции, Федеративной Германии, Италии, Бельгии и Люксембурга, в то время как Нидерланды отсутствовали до октября месяца, принимая участие лишь в качестве наблюдателей. Переговоры продолжались почти год, вплоть до мая 1952 г., когда были приняты заключительные формулировки соглашения. На процесс переговоров влияло развитие глобальной ситуации. Ход Корейской войны подпитывал колебания британцев. Хотя эти колебания и являлись внешними по отношению к переговорам, они встречали отклик на ведущихся параллельно неофициальных переговорах в Петербурге, в которых участвовали вместе с французами и немцами также и англо-американские представители. Задача переговоров состояла в обсуж-

дении юридических отношений между западными оккупационными силами и новым правительством Федеративной Республики Германии. В феврале 1951 г. Эттли официально провозгласил принцип, в соответствии с которым атлантическое перевооружение должно было предшествовать перевооружению Германии, сформулировав позицию, порожденную неверием в возможность осуществления французских предложений.

Последовавшая затем реакция Советского Союза на идею перевооружения Германии была настолько острой, что возник вопрос о своевременности предварительной конференции четырех держав в соответствии с предложением, выдвинутым Москвой в ноябре 1950 г. Советское руководство, используя очевидные дипломатические трудности евроатлантического Запада, выдвигало идею воссоединенной, но нейтрализованной Германии. Это предложение привело к новым бесплодным четырехсторонним переговорам, продлившимся с начала марта вплоть до 21 июня 1951 г. Однако их неудача не осталась без последствий, поскольку советское дипломатическое воздействие, направленное против перевооружения Германии, монотонно продолжалось с тем, чтобы решительным образом активизироваться накануне завершения Парижских переговоров. Результатом стало поддержание контактов между Федеративной Германией и Германской Демократической Республикой; контактов, от которых Аденауэр не мог уклониться по причинам национального характера, но их развитие ограничивало свободу маневрирования канцлера.

К этим колебаниям добавились затем внутренние противоречия в Соединенных Штатах, где решение об увеличении обязательств в Европе подвергалось острой критике со стороны республиканцев, обвинявших администрацию в европоцентризме и в чрезмерной податливости по отношению к советским инициативам. Лишь 4 апреля 1951 г. администрация добилась свободы действий, заплатив, однако, высокую политическую цену. В самом деле, назначение Эйзенхауэра на пост верховного главнокомандующего союзными войсками в Европе и посылка четырех дополнительных американских дивизий в Старый Свет (решение о них было принято еще в декабре 1950 г. Атлантическим Советом в Брюсселе) были одобрены в Вашингтоне с условием, что европейские страны возьмут на себя более твердые обязательства относительно совместной обороны, что вопрос о перевооружении Германии будет решаться постепенно и прежде всего, что любое дальнейшее военное вмешательство за рубежом будет зависеть от одобрения сената.

Только летом 1951 г. в поиске решения вопроса был найден выход из тупика, благодаря более четким обязательствам американцев, измененным в пользу европейской формулировки. Эволюция американской позиции являлась почти неизбежным развитием политической линии, избранной с 1947 г. Как в 1947 г., так и впоследствии, от Европы требовалось самостоятельное принятие решений, допускавших потом американское вмешательство. Так же должно было обстоять дело и с вопросом о ремилиитаризации Германии — первыми решение следовало принять именно европейцам. Формулировка такого решения должна была соответствовать в большей степени европейским схемам, чем предложению о прямом включении немецких вооруженных сил в армию Атлантического союза, в результате личного влияния на Эйзенхауэра Жана Монне (действительные масштабы этого влияния трудно оценить), и понимания того, что переговоры о немецком перевооружении требовали решения вопроса о международном юридическом статусе Германии (эту тему обсуждали в Петербурге без особого успеха). Две группы проблем сходились в признании необходимости найти компромисс, приемлемый для всех сторон. Французский план, должным образом измененный, представлял как отправной пункт, содержащий, казалось, решение задачи.

Вопрос о размерах каждого отдельного национального подразделения был доверен Эйзенхауэру, который предпочел немецкое предложение считать минимальным подразделением боевую единицу в составе 12 тыс. человек, практически дивизию. Постепенно вырисовывалось сообщество, состоявшее из институтов, аналогичных институтам ЕОУС, в котором, однако, Комиссариат (эквивалент Высшего органа) обладал гораздо более размытыми и лишенными всякой претензии на подлинную наднациональность полномочиями, хотя эта ситуация и была завуалирована многими красивыми словами. Во время заседания Совета НАТО, состоявшегося в Оттаве в середине сентября 1951 г. формулировка относительно Европейского оборонительного сообщества (ЕОС) была одобрена также и Великобританией. Одновременно на том же заседании было решено начать новые переговоры для урегулирования присутствия англо-франко-американских войск на германской территории на основе «договорных соглашений», что избавляло немцев от затруднительной, зависимой в правовом отношении позиции на переговорах.

В Оттаве структура НАТО приобрела окончательные очертания. После того, как в мае 1950 г. была приведена в действие статья 9 договора, предусматривавшая создание постоянного Со-

вета из заместителей министров иностранных дел, были сформированы Комитет по финансам (состоящий из министров финансов 12 стран-участников) и Военный комитет, а также Комитет военного планирования. Была образована Постоянная группа (*Standing Group*), то есть своего рода чрезвычайный комитет и военное руководство, сформированное только из представителей Соединенных Штатов, Великобритании и Франции и организованное таким образом, чтобы разделить военное управление на пять «региональных оперативных зон». После назначения Эйзенхауэра на должность верховного главнокомандующего постоянный Совет заместителей министров иностранных дел получил более широкие полномочия, усилившие его оперативные возможности. Совет министров был реформирован таким образом, что он включал в свою компетенцию три сферы, связанные с оборонными проблемами, то есть сферу внешней политики, военную и финансовую. Наконец, в Оттаве был определен механизм координации между военной и финансовой сферами НАТО. В феврале 1952 г. было установлено, что местопребыванием штаба Главного командования союзников и центральной структуры НАТО будет Париж.

Именно на этом этапе переговоров итальянское правительство, доведя до логического завершения критический анализ, проводившийся в течение уже нескольких месяцев, представило предложение о преобразовании Европейского оборонительного сообщества в самое настоящее политико-экономическое сообщество. С итальянской точки зрения, финансово-экономические последствия договора о создании ЕОС в действительности порождали вовсе не второстепенные проблемы. Речь шла о гораздо более серьезных обязательствах, чем это было предусмотрено вначале. Многие известные итальянские деятели отмечали, что вхождение в «неполную федерацию», в которой французы и немцы имели бы преобладающее влияние, лишило бы итальянские национальные органы власти политического контроля над сферой суверенитета в отношении значительной части оставшейся самостоятельности страны в международном плане и не позволило бы им контролировать существенную часть бюджета, которая, по подсчетам, могла составлять почти половину итальянских доходов и треть расходов. В рамках валового национального дохода эта доля составляла 8%, в то время как взамен Италия не получала преимуществ от эффективной экономической интеграции со странами, гораздо более богатыми, чем Италия.

9 октября 1951 г. итальянское правительство уведомило о своей позиции, которую позднее в историографии отнесли (вероятно,

справедливо) на счет влияния, оказываемого в тот момент итальянскими представителями Европейского федералистского движения. В своем меморандуме итальянское правительство излагало собственные сомнения по отношению к обязательствам, «недостаточно развитым» с точки зрения наднациональности и конфедеративности, и предлагало поэтому, чтобы все вопросы были изъяты из компетенции национальных правительств путем создания на федеративном уровне «организма, которому были бы переданы частично полномочия национальных ассамблей, и которому была бы предоставлена власть осуществлять их от имени самих национальных парламентов». Иными словами, следовало создать Европейскую ассамблею, избранную всеобщим голосованием, каковой была бы доверена задача и полномочия по назначению и отзыву Комиссариата и осуществление политического контроля над ним.

Итальянское предложение давало толчок в направлении комплексного политического решения федералистского характера, обстановка вокруг которого в тот момент характеризовалась нерешительностью, сомнениями, недоверием и полной неопределенностью. Французы и немцы были в достаточной мере готовы к восприятию итальянских идей; к тому же в те годы сотрудничество между Аденауэром, Шуманом и Де Гаспери было эффективным и стало еще более тесным вследствие их общей принадлежности к партиям христианской ориентации. Если финансовый аспект проблемы практически игнорировался, то политический аспект, напротив, принимался во внимание. Был отредактирован текст статьи (ставшей впоследствии статьей 38-й окончательного текста), предусматривавшей создание Ассамблеи, избранной всеобщим голосованием и организованной таким образом, чтобы в перспективе заменить уже существующие европейские представительные институты (например, ассамблею ЕОУС). Задача реализации этого положения, которое представители стран Бенилюкса восприняли со скепсисом и недоверием, вверялась затем ассамблее *ad hoc*, состоящей из членов ассамблеи ЕОУС, дополненной тремя другими представителями от каждой из трех крупнейших стран Сообщества. Ассамблея начала свою работу осенью 1952 г. и в марте 1953 г. завершила подготовку проекта устава Европейского политического сообщества. Эта работа стала выражением той атмосферы, которая в результате военных переговоров охватила также и политическую сферу.

Осенью 1951 г. предложение о придании Сообществу политического характера подвело технические переговоры привело почти к срыву. Отношение стран Бенилюкса было связано с неясностью

британской позиции относительно создания Сообщества. Только после возвращения к власти Черчилля в октябре этого года и окончательного прояснения ситуации относительно европеизма лидера консерваторов, предназначенного для континентальной Европы, но не означавшего непосредственную вовлеченность Великобритании в реализацию проекта, сопротивление малых стран прекратилось. В то же время усилилось противодействие французских противников договора, которые начали обсуждение одной из доминирующих тем следующего политического этапа, т.е. необходимости участия Британии в европейской системе в качестве противовеса той роли, которую Германия могла бы приобрести по отношению к Франции, ослабленной в военном плане своими колониальными обязательствами.

Начиная с конца 1951 г. и до мая 1952 г. все технические трудности и все политические препятствия были преодолены. Во время заседания Атлантического Совета в Лиссабоне в феврале 1952 г., в ходе которого были также удовлетворены просьбы Греции и Турции о вхождении в альянс, были заложены политические основы компромисса. Германия должна была войти в НАТО, но только после подписания соглашений, касающихся ее международного статуса, и через ее участие в Европейском оборонительном сообществе. Англичане и американцы согласились подписать декларацию о внешней гарантии Сообществу, которая связывала атлантическую систему с европейской. Злободневный вопрос о Сааре стал предметом еще одного компромисса, фактически отодвигавшего решение вопроса о будущем региона, который немцы уже не намеривались оставлять под исключительной властью французов и относительно которого они выдвигали идею интернационализации в рамках плана создания «малой Европы». Вся эта работа закончилась 26–27 мая 1952 г., когда в Бонне были подписаны «договорные соглашения» между Федеративной Германией и оккупирующими ее державами (26-го) и в Париже (27-го) — учредительный договор Европейского оборонительного сообщества.

На бумаге проблема перевооружения Германии решалась посредством формулы, делавшей очевидной логическую связь с мотивами создания ЕОУС. Спустя всего лишь семь лет после окончания Второй мировой войны европейское обрамление способствовало, по крайней мере, смягчению последствий ремилитаризации Германии. Сходство с ЕОУС было заявлено в утверждении принципа, согласно которому ЕОС являлось «наднациональным органом власти, включающим общие институты и общий бюджет»; сходство продолжалось в конституировании аналогичных органов: Комиссариата (Высший орган), Ассамблеи, Совета министров и Суда.

Отличие заключалось в распределении властных полномочий внутри ЕОС. В то время как в учредительном акте ЕОУС торжественно провозглашалось обязательство членом Высшего органа не подчиняться инструкциям соответствующих национальных правительств, и компетенция Совета министров ограничивалась простой координационной или иницилирующей ролью, в договоре о ЕОС Совет министров становился политически доминирующим органом. Комиссариат обладал детально прописанными прерогативами, но Совет министров был лишен компетенции направлять текущую деятельность Комиссариата и руководить ею. Утверждаемый на словах принцип наднациональности опровергался в ходе конкретного распределения функций. В самом деле, Комиссариат был органом, зависимым от воли отдельных правительств, пропущенной через фильтр Совета министров. Что касается существа дела, то набор компромиссов глубоко изменил план Плевена. Боевое национальное подразделение, которое французы мыслили как очень небольшое (полки), было составлено из «групп» (практически армейских корпусов, сформированных из двух дивизий различной национальной принадлежности, хотя и объединенных международными интендантскими службами). Германия не могла располагать другими вооруженными силами, кроме объединенных, в то время как это позволялось другим пяти странам, подписавшим договор.

Сложный характер переговоров, завершившихся подписанием Боннского и Парижского договоров, указывал на трудности, которые встретит процесс их ратификации со стороны национальных парламентов. Именно тогда начался один из наиболее мучительных периодов европейской жизни, пока не были найдены способы дать окончательный ответ на вопросы, которые только казались решенными. Эти дискуссии вовсе не были ограничены теми шестью странами, которые подписали договор о ЕОС. Напротив, в них ощущалось противодействующее давление Советского Союза, влияние других атлантических союзников, а также неожиданный поворот, который начал проявляться в общей картине международных отношений с 1953 г., с выходом на поверхность старых проблем, неожиданно ставших актуальными, и с появлением новых ситуаций, требовавших изменения позиций.

Попытки внешнего давления осуществлялись Советским Союзом еще до подписания договора. Советы предприняли сильный дипломатический ход. Возвращаясь к аргументации, появившейся еще в начале дискуссии о перевооружении Германии, советское правительство 10 марта 1952 г. распространило ноту, в которой снова развивало тему воссоединения Германии, подписа-

ния мирного договора и вывода оккупационных войск. До этого момента там не было ничего нового по сравнению с прежними позициями; новация состояла в том, что, хотя и отставалась концепция нейтралитета воссоединенной Германии, на этот раз не говорилось о разоружении, более того, за Германией открыто признавалось право «обладать вооруженными силами (наземными, морскими и воздушными) в той мере, в какой необходимо для обороны страны». Кроме того, советское правительство предлагало возвращение гражданских и политических прав также и лицам, служившим в германской армии, и бывшим нацистам (в том случае, если они не были осуждены за совершенные преступления).

Речь шла об отнюдь не второстепенных уступках. Сформулированные в начале столкновения по германскому вопросу, в 1947–1949 гг., эти предложения могли бы стать основой для реалистичных переговоров. Сформулированные в марте 1952 г., когда западная система преодолевала последние трудности в преддверии уже неизбежного соглашения, они приобретали тенденциозный характер. Они подтверждали, что Советский Союз манипулировал германской проблемой по своему усмотрению, приспособляя ее к обстоятельствам, с целью создания препятствий, которые не позволили бы западной коалиции достичь своих целей.

Центральным аспектом советского предложения (которое могло бы вновь открыть нескончаемую дискуссию между правительствами и которое не осталось без отклика в общественном мнении) была двойственность позиции по вопросу о демократических характеристиках воссоединенной Германии. До создания правительства объединенной Германии должны были состояться новые выборы, но каким образом организованные и контролируемые? Действительно ли русские или, того больше, коммунистический аппарат Восточной Германии были готовы согласиться с электоральным вердиктом, который создал бы «нейтральную», но, возможно, «буржуазную» Германию? Таковы были открытые проблемы, которые советская нота оставляла нерешенными, но которые давали западной дипломатии возможность отвергнуть предложение Сталина, охарактеризованное как пропагандистское.

Подписание Боннского и Парижского соглашений, которые должны были стать конечной точкой для европейской обороны и интеграции, явилось, напротив, отправным пунктом для тревожной критики. Проблема затрагивала не столько Германию или страны Бенилюкса, где сопротивление оппозиции могло преодолеваться и преодолевалось с легкостью. В незначительной мере она касалась также Италии, где совпала с неожиданно вновь вспыхнувшей полемикой по поводу судьбы Триеста. Во время полемики

обнаружилась тенденция к увязыванию ратификации с выполнением обязательств, принятых союзниками в отношении Италии, а также к тому, чтобы прикрываться отставанием французов для оправдания итальянской медлительности или, более возвышенно, но более претенциозно — к выдвигению требования, чтобы ратификация сопровождалась удовлетворительным ходом подготовительной работы с целью создания Европейского политического сообщества, как это было предусмотрено в статье 38 договора о ЕОС.

Враждебность по отношению к ратификации договора о ЕОС со стороны Франции была результатом объединения разнородных сил. Коммунистическая партия всегда боролась против ремилитаризации Германии, какими бы ни были ее формы, из-за самого факта, что эта инициатива не учитывала возможность участия в переговорах Советского Союза и, напротив, вдохновлялась явным стремлением обратить германский реваншизм против СССР в качестве передового рубежа антисоветской системы, сложившейся в капиталистическом мире. Принципиальная оппозиция, не связанная с отношениями с СССР, а диктуемая идеологическими мотивами, исходила от представителей левого крыла социалистической партии (таких, как Жюль Мок) и некоторых представителей радикальной партии (таких, как Даладьё, Эррио и сам президент республики Венсан Ориоль). Со стороны голлистов (представленных тогда в парламенте Объединением французского народа), напротив, не было принципиальной оппозиции в отношении перевооружения Германии, но существовала открытая враждебность в отношении формулы ЕОС в связи с обвинениями в том, что она вела к упразднению французской армии и ее интеграции в «так называемую европейскую армию под американским командованием».

В этой ситуации процесс ратификации ни на шаг не продвинулся вперед в течение всего 1952 г. Только в январе 1953-го, с формированием правительства во главе с радикалом Рене Мейером и с приходом вновь Жоржа Бидо на пост министра иностранных дел, вопрос стал рассматриваться более серьезно. Однако Мейер не мог пренебрегать тем фактом, что его правительственное большинство было сформировано с участием голлистов. Кроме того, Бидо не был энтузиастом европейства, как показала его последующая политическая эволюция, в результате которой он встал во главе наиболее консервативных французских сил. Его озаботила проблема ратификации, но при условии, что можно будет приспособить договор к потребностям полного восстановления французской мощи, которое всегда являлось целью его политической деятельности и заставляло отвергать все то, что он рассматривал как самое настоящее подстраивание под позиции немцев и американцев.

Пока Бидо был занят переговорами, направленными на то, чтобы облегчить ратификацию договора о ЕОС, а также на усиление французских позиций внутри Сообщества, произошли события крупного масштаба для всей международной жизни и, следовательно, также и для международных вопросов внутри НАТО, связанных с европейской обороной. Первым из этих событий стало избрание в ноябре 1952 г. (однако, вошедшим в силу, по американским законам, только в середине января 1953 г. с формальным вступлением в должность) генерала Эйзенхауэра президентом Соединенных Штатов и назначение государственным секретарем Джона Фостера Даллеса. Вторым событием была смерть Сталина 5 марта 1953 г., и приход к власти коллегиального руководства, раздираемого борьбой за лидерство и, следовательно, в гораздо меньшей степени готового к диалогу с внешним миром, но парадоксальным образом воспринимавшегося как руководство, более внушающее доверие Западу, чем прежний хозяин Кремля.

Влияние этих изменений на французскую дискуссию и на ситуацию в Европе не могло, естественно, оставаться незамеченным. Начиная с первого своего визита в Европу в феврале 1953 г. Даллес выразил в угрожающей форме точку зрения новой администрации, принимавшей на себя ответственность за наследие, полученное от Трумэна, при условии, что другие страны Атлантического союза четко продемонстрируют свою готовность следовать по избранному пути. В случае, если договор о ЕОС не будет ратифицирован немедленно, американцы будут вынуждены пересмотреть свою стратегию в Европе (это он сказал в тот самый первый визит). Мало эффективными оказались попытки французам выдвинуть американцам ряд требований: поддержка в Саарском вопросе, увеличение помощи в Индокитае и формальное признание роли Франции как ведущей западной державы. Из всех этих требований американцы были склонны принять во внимание лишь те, что касались вопроса об Индокитае.

Внешние изменения, колебания Италии, нарастающее наступление противников Европейского оборонительного сообщества лишь ухудшили обстановку и отдалили тот момент, когда правительство в Париже почувствовало, что оно сможет поставить перед Национальным собранием вопрос о ратификации, рассчитывая на успех. С другой стороны, вопреки многим ожиданиям, изменения в высшем руководстве сверхдержав, вместо того, чтобы вылиться в обострение общей напряженности, открыли некоторую надежду на диалог по всем дискуссионным проблемам, включая германский вопрос, что во Франции могло вызвать только нарастание колебаний сомневающихся.

Стоило ли приносить жертвы, связанные с ЕОС, когда советская угроза ослабевала в предлагавшейся конференции четырех? В самом деле, именно идея переговоров с Советским Союзом подсказала как правительству Лондона, так и, прежде всего, правительству Вашингтона уверенность в том, что такие переговоры будут иметь лучший результат, если их вести с позиций силы, то есть когда западная система консолидируется. Это побудило оба правительства возобновить давление, чтобы ускорить ратификацию, именно в тот момент, когда внутренняя ситуация во Франции ухудшалась, и Национальное собрание создавало все более рискованные варианты большинства с тем, чтобы формировать все более слабые правительства. В обстановке растущего раздражения и неуверенности британская сторона высказывала сожаление по поводу французских уловок и дошла до угрозы отозвать английские войска с континента. Американцы дали выход своему раздражению, когда в речи в середине декабря в Атлантическом Совете, Даллес высказал угрозу «мучительного пересмотра» американской политики в отношении Европы. Этот мотив просматривался с момента его вступления в должность, однако сейчас он трансформировался в угрозу и шантаж в отношении колебаний французов. Перед лицом такого отношения со стороны союзников для французов в действительности отпадали причины ощущать прочность военных уз, соединявших их с Соединенными Штатами. Альтернатива Даллеса отдавала предпочтение перевооружению Германии перед заботой об обидчивости и гордости Франции, своей постоянной союзницы, хотя союзницы и обидчивой, недоверчивой, а также вовлеченной в состояние кризиса колониальными проблемами и слабостью внутреннего режима.

25 января 1954 г. в Берлине состоялась четырехсторонняя конференция, предложенная Иденом, британским министром иностранных дел, для обсуждения европейских проблем. Она была прервана 18 февраля без какого-либо результата, но с обязательством возобновить работу в апреле, с участием представителей Народного Китая и двух Корей для обсуждения перемирия в Паньмыньчжоне и индокитайского кризиса. С этого момента связь между обязательствами французов в Индокитае, размером американской помощи и подписанием договора об учреждении ЕОС становилась все более очевидной. В едином дипломатическом сценарии соединились различные аспекты французского кризиса, однако ухудшение военной обстановки в Индокитае придавало этой проблеме приоритетный характер для французской политической жизни. В связи с неспособностью достичь решения путем применения силы 12 июня пало правительство Жозефа Ланьея.

Двумя днями позднее сформировать новый кабинет было поручено радикал-социалисту Пьеру Мендес-Франсу, одному из наиболее авторитетных личностей во французской политической жизни благодаря его моральным качествам. Он установил для своего правительства четкий порядок приоритетов: в течение 100 дней следует достичь решения индокитайского кризиса, затем следует рассмотреть другие проблемы — Тунис, Марокко, но прежде всего — проблему ЕОС.

Тот факт, что Мендес-Франс направил всю свою энергию на переговоры по Индокитаю и добился в результате компромисса весьма выгодного для французов, учитывая военную ситуацию, внушал доверие к реализации намеченного им графика. Что касается ЕОС, то он поручил изучение проблемы ратификации группе, состоящей из двух министров, генерала Кёнига, противника ратификации, и министра Буржес-Монури, ее сторонника. Сам он избегал занимать слишком однозначную позицию, за исключением того, что сразу же обрисовал Даллесу положение вещей: в Национальном собрании Франции не существовало большинства в поддержку ЕОС. Поэтому проблема могла быть решена при помощи поиска наиболее широкого консенсуса вокруг формулировок, близких к формулировкам самого договора о создании ЕОС.

Позднее обсуждалось, была ли относительная холодность Мендес-Франса по отношению к ЕОС в какой-то мере объяснима благоприятным результатом, достигнутым по вопросу об Индокитае. Выражаясь яснее, обменял ли французский премьер отказ от ЕОС на компромисс в Индокитае. Доказательств, которые подтверждали бы такой обмен, не существует; в то же время достоверно известно, что в ходе переговоров с Молотовым Мендес-Франс не скрывал трудностей сложившейся ситуации, но был весьма тверд в защите обязательств, которые связывали Францию с ее западными союзниками. Обстоятельство, которое можно констатировать — это то, что он не был убежден в правильности решения, предложенного ЕОС, и что, следовательно, он не ощущал себя связанным обязательством защищать договор до последнего. Однако это не означает, что он намеревался в принципе отказаться от перевооружения Германии.

Работа, порученная министрам Кёнигу и Буржес-Монури, не привела ни к какому результату, и в августе Мендес-Франс решил взять на себя лично ответственность за поиск выхода, доверив разработку альтернативных проектов некоторым из своих сотрудников. В результате этого этапа работы стало ясно, что состояние проблемы не изменилось по сравнению с 1952 г.: препятствия

для ратификации заключались в наднациональном характере решения и в необходимости отстаивать независимость французских вооруженных сил.

В результате упорной работы 18 августа в Брюсселе смогли собраться представители шести стран-членов сообщества. Мендес-Франс намеревался выдвинуть свои предложения, которые в предшествующие дни он изложил американским и британским представителям, не вызвав у них никакого энтузиазма, а, напротив, предрасположив их к резкой антифранцузской реакции. Эти предложения предусматривали ряд изменений в оригинальном тексте соглашения, одобренном в мае 1952 г. Аденауэр подсчитал, что они затронули бы в общей сложности 65 положений договора и что по крайней мере 47 из них потребовали бы пересмотра вопроса парламентами, уже ратифицировавшими оригинальный текст. При таких предпосылках конференция, фактически подготавливавшая эффективные решения, которые следовало принять после неизбежного провала договора, свелась к столкновению между французским премьер-министром (утверждавшим, что он готов поставить вопрос о доверии правительству в связи с ратификацией только при условии, что его предложения по изменению, или их существенная часть, будут приняты) и другими участниками, испытывавшими давление со стороны американцев и англичан.

В какой-то момент переговоры приобрели в большей степени характер столкновения, чем дискуссии между союзниками, столкновения, в котором французы оказались почти в полной изоляции, окруженные враждебным недоверием. В середине работы Даллес выступил с грозным посланием к бельгийскому премьер-министру Спааку, в котором говорилось: «Если Вы согласны и если, по Вашему мнению, обстановка в Брюсселе делает это желательным, то со своей стороны, я бы не имел возражений против того, чтобы Вы проинформировали министров в Брюсселе, что я хотел бы выдвинуть предложение о немедленном созыве совещания, в котором приняли бы участие страны Бенилюкса, Германия, Соединенные Штаты и Соединенное Королевство. Думаю, следовало бы пояснить, что целью этой встречи должно стать срочное рассмотрение вопроса о наилучшем способе как присоединения Германии к Западу на основе формального равенства, так и реализации перевооружения Германии».

Тон — угрожающий, который Даллес повторил в послании к Мендес-Франсу, не понимая того, что недостаточная поддержка французских требований в столь трудный для жизни республики момент будет способствовать изоляции Франции, отдаляя ее от союзников на континенте и в мире и подталкивая ее к более глу-

бокому кризису в состоянии изоляции и с ощущением, что она подверглась необоснованному остракизму; в краткосрочной и долгосрочной перспективе это не могло способствовать усилению западной солидарности, которую, напротив, разрушал догматизм Даллеса. Только благодаря чрезвычайной гибкости европейцев несколько месяцев спустя были устранены вредные последствия вмешательства Даллеса накануне и во время работы Брюссельской конференции. Однако ее провал был предreshен.

Слово предоставлялось, наконец, французскому парламенту. Мендес-Франс не питал иллюзий по этому поводу. Жан-Жак Серван-Шрейбер, главный редактор журнала «Экспресс», в то время тесно сотрудничавший с французским премьер-министром, написал сценарий. «Необходимо найти способ, — писал он Мендес-Франсу, — ликвидировать ЕОС тихо (с помощью утверждения повестки дня или по процедуре), не ставя вопрос по существу на голосование». Затем следует созвать большую конференцию крупнейших западных держав и найти новую европейскую формулу с участием Англии и подтвердить необходимость перевооружения Германии в формах, отличающихся от тех, что предусматривались ЕОС.

В действительности дебаты в Национальном собрании соответствовали предвидениям Серван-Шрейбера. 29 августа 1954 г. началась дискуссия по договору. Представлению генералом Адольфом Омераном «предварительной» резолюции, требовавшей, чтобы текст был отвергнут без обсуждения, предшествовали процедурные схватки. Голосование состоялось 30 августа, когда эта предварительная резолюция была одобрена 319 голосами против 264. Судьба ЕОС была окончательно решена.

9.3.5. РОЖДЕНИЕ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА (ЗЕС)

Мендес-Франс, объявивший о неучастии правительства в решении данного вопроса, объяснил сразу же, что голосование французского Национального собрания не означало отказа от атлантической солидарности. Несмотря на это, немедленные последствия были весьма ощутимыми. К удовлетворению противников ЕОС добавилось чувство растерянности и разочарования. Растерянности — европейцев, поскольку провал голосования по ЕОС, которое они убежденно поддерживали, после того, как собрание *ad hoc* завершило подготовительную работу по уставу Европейского политического сообщества, означал также откладывание на неопределенное время реализацию их надежд. Разочарования — всех тех, кто во Франции и за ее пределами считали, что

голосование ничего не решает, поскольку оно оставило нерешенным вопрос о перевооружении Германии и вопрос о реинтеграции Федеративной Республики в систему западных союзов.

Все эмоциональные реакции были, однако, быстро преодолены с возвращением дипломатической дискуссии к центральной проблеме обсуждения. Национальное собрание Франции отвергло не концепцию ремилитаризации Германии, а способ каким предусматривалось ее осуществление в учредительном договоре ЕОС. Отвергался прежде всего, пусть и приглушенный, наднациональный акцент в содержании договора. Франция, связанная обязательствами в Индокитае, а после Женевских соглашений — в Северной Африке и во всей своей империи, ощущала необходимость сохранить собственные вооруженные силы, свободные от обязательств, принимаемых по каким-либо поводам другими правительствами.

Не случайно, голосование состоялось по процедурной резолюции. В действительности, это позволило избежать дискуссии по существу и отклонить ЕОС, не отвергая его политическое содержание. Короче говоря, после голосования 30 августа можно было вернуться к не имевшему успеха сценарию, представленному Мендес-Франсом в Брюсселе. Франция согласилась бы с перевооружением Германии, если бы вопрос был поставлен таким образом, чтобы не оскорблять чувства политического истеблишмента, который в течение более чем двух лет ощущал себя глубоко встревоженным попытками грубого вмешательства извне в его свободу принятия решений. Именно это делало невозможным инициирование возобновления переговоров со стороны Соединенных Штатов, где Эйзенхауэр, знавший по личному опыту французский менталитет, отдавал себе отчет в деликатности ситуации. Такая задача выпала на долю Великобритании, которая должна была, более непосредственно вовлекаясь в поиск решения данной проблемы, организовать конференцию с целью «охладить» напряженность и возобновить диалог. Это вернуло бы англо-французскому согласию роль моста по отношению к пересмотренным формулировкам Даллеса, которые должны были добавить к французским сомнениям непосредственное сближение Соединенных Штатов и Германии, а затем немедленное вступление перевооруженной Германии в НАТО. Для того чтобы избежать этого риска, необходимо было найти «европейскую», но не «европеистскую» формулу.

В такой обстановке вновь вспомнили про Брюссельский пакт от 17 марта 1948 г., институт, пребывавший после подписания Атлантического пакта в летаргическом сне, но являвшийся важным

прецедентом, поскольку он предусматривал британское участие в европейской обороне. Почему бы не исходить из этого пакта, модифицировав его в соответствии с необходимостью участия в нем Италии и Федеративной Республики Германии? Немногим более недели спустя после провала голосования по ЕОС английская дипломатия начала продвигаться в данном направлении, и Идену, являвшемуся главным действующим лицом этого дипломатического этапа, удалось достичь достаточного консенсуса по отношению к формуле, предусматривавшей возможность одновременного вхождения Германии в НАТО и в Брюссельский пакт при условии, что значимость этой второй организации получит максимальное признание.

В такой обстановке в Лондоне 27 сентября была созвана конференция девяти (шесть членов ЕОС плюс Соединенные Штаты, Великобритания и Канада). Иден, переживавший в этот период один из наиболее эффективных моментов своей политической карьеры, был вместе с Форин Оффис убежден в необходимости компромисса с Францией. Стабильность западной системы, от которой зависела любая возможность диалога с Советским Союзом, могла быть достигнута только с участием французов. Бонн, хотя и имел значение, не мог заменить Париж. Идея обновленной *entente cordiale*, нужной для гармонизации американских диссонансов и для поощрения европейского сотрудничества не на федеративной основе, оценивалась как возможный выход из положения. Считалось, что имея в виду отношения между Востоком и Западом, предпочтительнее участвовать в диалоге с Москвой при поддержке Мендес-Франса, нежели при враждебной позиции расколотой и искушаемой нейтралистскими решениями Франции. Риск, что Франция может стать сателлитом *sui generis* Советского Союза, никогда не недооценивался британской дипломатией. Впрочем, Мендес-Франс, со своей стороны, был обеспокоен (как отмечает Антонио Варсори) возникшей напряженностью, о чем свидетельствовало подтверждение его стремления к реализации действительного примирения с Германией.

На базе этих предпосылок 28 сентября 1954 г. (меньше, чем через месяц после провала голосования по ЕОС) началась работа Лондонской конференции, которая сразу же занялась сутью вопроса. Наиболее простым решением представлялась возможность возродить к жизни Брюссельский пакт. Иден подтвердил гарантии, что Великобритания не выведет свои войска из Европы без одобрения Верховного союзного командования и таким образом поставил себя в положение гаранта прочности соглашения, которое начинало принимать в большей степени характер формального

союза, а не интегрированной системы. Работа конференции закончилась 3 октября максимально возможным соглашением, которое предусматривало возвращение полного суверенитета Федеративной Республике Германии и косвенно предполагало в качестве выхода из сложившейся ситуации присоединение Германии к Атлантическому пакту.

Комиссия экспертов в течение почти месяца изучала юридические формулировки, в которые следовало облечь принципиальное соглашение. На этом этапе вновь показалось своевременным приукрашивание суровой реальности достигнутых договоренностей некоторой европейской мишурой. Было условлено, что новая организация будет названа: Западноевропейский союз (ЗЕС). Предусматривалось, что ЗЕС будет обладать своей общей армией, управляемой Советом представителей правительств, и что он будет также иметь Ассамблею с консультативными функциями, созданную в соответствии с обычной процедурой непрямого голосования. Для гарантии того, что ни одна из стран-участниц не сможет выйти за определенные пределы перевооружения, создавалось также Агентство по контролю над вооружениями, которое должно было принимать решения только единогласно.

Результаты этой работы обсуждались на новой межправительственной конференции, состоявшейся в Париже 20–23 октября, которая без особых трудностей пришла к соглашению по поводу нового текста соглашения, подлежавшего ратификации парламентами. После устранения аспектов, беспокоивших голлистов и французских умеренных, новый договор не встретил серьезных трудностей. 5 мая 1955 г. процесс ратификации был завершен. ЗЕС начал совершать первые осторожные шаги на своем скромном пути; а, между тем, Германия получила возможность перевооружиться и вступить в НАТО.

Единственным серьезным препятствием на пути к реализации соглашения оставалась проблема Саара. После утраты надежд на его полную аннексию французы в полемике вокруг создания ЕОС отстаивали возможность интернационализации, наиболее функциональную в связи с созданием европейской военно-политической структуры. Провал голосования по ЕОС нанес удар по этому проекту и техническим планам, которые, по поручению Совета Европы, изучались специальной комиссией. Однако Мендес-Франс продолжал и во время Парижской конференции настаивать на французском предложении.

По этому вопросу франко-германская дискуссия достигла драматического пика, и только с трудом на грани провала был достигнут компромисс. Он предусматривал интернационализацию

Саара и его управление европейским комиссаром, ответственным перед Советом министров ЗЕС. После вступления в силу договора о ЗЕС должна была начаться трехмесячная кампания подготовки к референдуму о принципе интернационализации. Дата референдума была назначена на 23 октября 1955 г. В кампании подготовки к референдуму могли принимать участие также и прогерманские партии. Эти последние развернули активную агитацию против интернационализации и одержали победу. Принцип интернационализации был провален подавляющим большинством. В тот момент дискуссия по этому вопросу теоретически могла быть открыта вновь, поскольку отказ от интернационализации не обязательно предполагал возвращение Саара Германии. Однако, обстановка во франко-германских отношениях и стратегическое значение Саара тем временем изменились таким образом, что подталкивали к примирению.

В октябре 1956 г. правительства Парижа и Бонна договорились, что Саар в политическом плане вернется под германский суверенитет начиная с 1 января 1957 г. и что через три года политический союз будет дополнен экономическим объединением, в обмен на которое Франция получала важные гарантии в отношении поставок угля и осуществления навигации по Мозелю в направлении, обеспечивающем торговые связи провинции Лотарингия.

Парижскими соглашениями и их вступлением в силу завершился начавшийся в 1947 г. период строительства интегрированной оборонной системы Запада. В середине 1955 г. эта цель была достигнута. Не всегда процесс был прямолинейным, и все-таки результат был значителен, поскольку он выражал решимость западноевропейских стран усиливать свои связи и придерживаться принципа союзных отношений с Соединенными Штатами как постулатов своей международной политики. Несмотря на изменения, произошедшие тем временем в Советском Союзе, потребность в консолидации или, точнее, потребность придать внутриевропейским отношениям четкое и определенное устройство, возобладала над искушением вернуться к традициям национальных государств. Достижение этих целей не сопровождалось реализацией всех надежд тех, кто отстаивал необходимость более тесного европейского союза. Однако отсутствие юридических форм не препятствовало тому, чтобы постепенно складывалась традиция сотрудничества, которая затем придаст Западной Европе новое политическое лицо.

Может показаться, что позиции французов по поводу перевооружения Германии уделялось столько места в изложении из-за

ее синтетического характера, и без сомнения это соображение будет правильным. Однако мучительные сомнения Франции в отношении ремилитаризации Германии заключали в себе последствия, которые не могут и не должны недооцениваться. Они отражали кризис политического режима, основанного на довоенных ценностях и все еще не осуществившего модернизацию. Соответственно они отражали кризис типично европейской внешней политики, то есть концепции внешней политики, построенной как державная, основанной на имперских опорах в мире, переживающем кризис и начало конца колониализма. Они отражали также трудный процесс привыкания к необходимости перейти от открытой конфронтации с европейским противником к изнурительному процессу переговоров, который, однако, сглаживал конфликты и препятствовал их углублению. Они отражали, напротив, осознание обоснованности того, о чем американская сторона заявляла начиная с 1947 г. (а, возможно, и раньше), а именно — что Европа сможет отойти от традиционных форм международного сообщества и изобрести новые формы.

В этом плане французский выбор столкнулся с проблемой нового европейского устройства, а также с проблемой построения интегрированной и объединенной Европы в соответствии с более или менее жесткими критериями. Для традиции французского национализма это было болезненное столкновение, которое, однако, в среднесрочной и долгосрочной перспективе заставит новому осознать европейские проблемы.

Иными словами, в целом французский кризис являлся свидетельством трудностей, через преодоление которых менялся старый способ осуществления внешних сношений; свидетельством того, что стереотипы соглашений или противостояний, запечатленные историей, постепенно разрушались и на их месте рождалась новая международная система, где доминировала биполярность. Однако Франция неохотно приспосабливалась (не только в качестве Франции, но и в качестве части «малой Европы») к новой роли, вытекающей из иного распределения сил в мире. Поэтому данный процесс затрагивал не только Францию, но в различной степени (и в различные моменты) все европейские страны. Французский казус периода 1950–1955 гг. являлся, следовательно, также и показательным подтверждением изменений, происходивших в старой системе международных отношений в период, когда вырабатывались принципы формирования новой системы.

9.3.6. ВАРШАВСКИЙ ПАКТ

Действительно, 1955 год был годом, когда достиг кульминации и завершился процесс создания противостоящих блоков, организованных по принципу зеркального отражения. То, что в Западной Европе проходило трудным и полным неожиданностей путем, происходило и в Восточной Европе, однако с большей легкостью, которая была обусловлена иным характером советских методов. В 1948 г. завершился процесс трансформации существующих политических режимов под влиянием Советского Союза; был преодолен этап (начавшийся в декабре 1943 г. договором между СССР и Чехословакией) двусторонних договоров между Советским Союзом и каждой из стран-сателлитов; был также преодолен период прямого противостояния, фронтального столкновения с западными державами, с настойчивыми попытками помешать завершению процесса консолидации. Таким образом реакция Советского Союза, продемонстрировавшего образцовый прагматизм, а также умение учитывать новые обстоятельства, созданные в Европе «первой разрядкой», была соразмерна и сопоставима с инициативами Запада.

Такой ответ был подготовлен конференцией, проходившей в Москве в период с 29 ноября по 2 декабря 1954 г. с участием представителей Албании, Болгарии, Германской Демократической Республики, Польши, Румынии, Венгрии, Чехословакии и самого Советского Союза. Вывод конференции состоял в том, что в случае, если Парижские договоры будут ратифицированы, восемь стран-участниц примут необходимые контрмеры. В результате 6 мая 1955 г., на другой день после завершения процесса ратификации учредительных договоров по ЗЕС, советское правительство расторгло англо-советский договор о сотрудничестве, подписанный в 1942 г., и советско-французский договор 1944 г. В последующие дни, с 11 по 14 мая, представители восьми стран, уже обсудившие в декабре данную проблему, собрались в Варшаве для подписания «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», ставшего позднее известным как Варшавский пакт (14 мая).

В преамбуле к документу есть ссылка на вступление в силу Парижских соглашений, которые усиливали опасность возникновения войны и угрожали безопасности миролюбивых стран. Далее в нем излагались обязательства, типичные для такого рода союзов, — сотрудничества и дружбы; предусматривалась возможность консультаций в случае угрозы безопасности странам-участницам договора и определялся в ст. 4 *casus foederis*, устанавливая,

что если одно из государств, подписавших договор, подвергнется нападению, то союзники окажут ему немедленную помощь, включая военную (с трактовкой, которая делала выполнение основного обязательства союза автоматическим, а не ограниченным некоторыми условиями, как это предусматривалось в ст. 5 Атлантического пакта). Кроме того, договор предусматривал создание объединенного командования, под руководство которого передавалась часть вооруженных сил, и предусматривал также дальнейшие меры для самообороны стран пакта (первым главнокомандующим войсками Варшавского пакта станет советский маршал И. Конев).

Задачу реализации системы консультаций между сторонами должен был взять на себя Политический консультативный комитет, используя также вспомогательные органы, которые предстояло создать. Договор подписывался на срок в 20 лет и продлевался до 30 для тех стран, которые по истечении первоначального срока действия не реализуют свое право на выход. Кроме того, несомненно с целью продемонстрировать «неагрессивные» и, следовательно, символически противопоставляемые намерениям Атлантического пакта устремления, характеризовавшие новый союз, ст. 11 предусматривала, что договор перестает действовать в том случае, если будет подписано соглашение о создании общеевропейской системы безопасности.

Вместе с договором, заключенным в январе 1949 г. о создании СЭВ (Совета экономической взаимопомощи), Варшавский пакт, формализуя и координируя ряд уже существующих соглашений, мало что добавлял к системе безопасности в зоне гегемонии Советского Союза. Было открыто заявлено о том, что он носит характер ответа на перевооружение Германии. Поэтому его значение было преимущественно формальным: показать, что если система, контролируемая Соединенными Штатами, доминировала в Западной Европе, включая Федеративную Германию, и опекала ее, то аналогичная система контролировала, доминировала и опекала теперь, с участием вооруженных сил Германской Демократической Республики, также и Восточную Европу. Формализация разделения Европы на два блока не могла проявиться более красноречивым и предсказуемо стабильным образом. И в самом деле, Варшавский пакт являлся как бы символом мучительных трудностей, которые на протяжении десятилетия характеризовали внутреннюю и международную жизнь европейских стран; символом и знаком стабилизации.

С тех пор в отношениях между двумя блоками могли быть моменты острых кризисов, но лишь временных, или же конфликты внутри каждого из блоков. В этом смысле Варшавский пакт

стал в большей степени выражением ограниченности возможностей советского контроля над сателлитами, чем демонстрацией сплоченности. Прошло немного времени, и в 1956 г. проявился этот аспект ситуации (как, впрочем, уже происходило в Берлине в июне 1953 г., когда состоялись первые бурные рабочие демонстрации против режима и были применены первые суровые репрессии).

Однако как бы это ни было важным, оставался факт, что в середине 1955 г. Варшавский пакт, взятый в совокупности с другими европейскими и мировыми событиями той эпохи, являлся показателем завершения европейского этапа биполярной конфронтации. С этого времени конфликт будет проявляться в других формах и с другими результатами в других регионах мира. Традиционная холодная война, которую вели в Азии до перемирия в Паньмыньчжоне и в Европе, начиная с 1946 г., уже в течение некоторого времени вступила в период застоя. Вместо нее стали обсуждаться возможности «разрядки» и, более того, с историографической точки зрения, можно уже поставить вопрос, не являлась ли складывавшаяся в Европе ситуация проявлением «первой разрядки», назревшей одновременно с организационным структурированием двух европейских «лагерей».

9.4. Поворот 1953 г. К первой разрядке?

9.4.1. ИЗМЕНЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ СИТУАЦИИ В 1953–1956 гг.

В то время, как дискуссия в Центральной Европе (о перевооружении Германии) представала как ключевой момент столкновения между сверхдержавами и основа будущих международных отношений, с начала 1953 г. (с уже упоминавшимся избранием Эйзенхауэра на пост президента Соединенных Штатов и, немного позднее, со смертью Сталина) важные изменения начали воздействовать на традиционные темы европейской дипломатической жизни. Во всем своем новационном значении проявился ряд других ситуаций, расширявших панораму столкновения до всего мира, унифицируя ось, вокруг которой раскручивались события, но увеличивая число участников этих событий.

Наиболее важным из проявившихся явлений был кризис старого империализма, сначала ползучий или сдерживаемый в определенных географических зонах: в первую очередь французского, а затем британского. Он сопровождался все более распространенным отказом от тенденции сверхдержав к расширению масштаба

возникающего в их зоне конфликта на весь мир. Это был отказ от «холодной войны», понимаемой как обязанность для всех стран принять сторону одного из противников, вплоть до того, чтобы соглашаться на связи с ним посредством союзов или посредством доказательств подчиненности и лояльности, однозначных, хотя еще и не формализованных, в результате чего вся международная жизнь концентрировалась вокруг одной проблемы, тогда как тенденция времени, напротив, состояла в диверсификации ситуаций. Но именно эта диверсификация подталкивала правителей и народы к рассмотрению проблемы глобального конфликта с увеличивающейся дистанции как не своей проблемы. Иными словами, принимали очертания представления, из которых вскоре возникнет движение за нейтрализм, а затем — коалиция неприсоединившихся стран.

На всех континентах развивались новые процессы, ставившие проблемы, внутренние для каждой страны, но находившие отражение и в международном масштабе. Это являлось следствием тенденции, противоположной упомянутой ранее: в соответствии с ней определенные политические силы делали ставку на внешнюю поддержку, которую мог обеспечить им выбор определенного лагеря в биполярном конфликте. Иногда эти новые процессы представляли собой эфемерные моменты политической жизни; а некоторые из них предвосхищали глубокие пертурбации, которые со временем обнаружат весь свой размах (от Ближнего Востока до Юго-Восточной Азии и до Латинской Америки). В появлении всех этих изменений не было, однако, ничего однозначного: это было переплетение акцентов, потребностей, восприятий, стратегий, лишь очень не скоро позволившее понять значение тех явлений, которые вызревали в то время, как мир был занят германским вопросом и другими кризисами, доминировавшими на международной арене.

Именно по этой причине в течение нескольких лет, прежде всего с 1953 по 1956 г., из-за того, что вызревавшие ситуации проявлялись лишь в дальнейшем, оставался неопределенным водораздел между прошлым и будущим. Деятельность отдельных правительств лишь изредка представлялась однозначной (не считая крайних случаев). И самой двойственной представлялась активность сверхдержав, связанных стратегическими планами, принятыми к исполнению, но и воспринимавших симптомы изменений, исходивших из всех регионов мира. Таким образом, закладывались основы нового вызова, с которым должны были столкнуться сверхдержавы. Каким образом они должны были реагировать на изменения после того, как каждая из них укрепила свою соб-

ственную стратегическую систему? Какова мера гибкости в отношении изменений планов конфронтации или диалога в рождающемся международном сообществе? На смену «традиционной холодной войне» стало приходиться «конкурентное сосуществование», менявшее сферу для утверждения превосходства, переводя его из чисто военной в сферу эффективности моделей перехода к экономическому росту и модернизации. Кто преподнес бы больший и лучший урок? Именно «переходный» характер испытаний способствовал тому, что часто преемственность и изменения представлялись как две противоречивые стороны действий одного субъекта; противоречивые, однако подчиненные одинаковой внутренней логике — необходимости подготовить изменения, сохраняя способность решать существующие проблемы действительности и не теряя из вида риски, внутренне присущие трансформации.

Все это просматривалось как в политике Соединенных Штатов, так и в политике Советского Союза. И конечно, приход новых людей к руководству двумя странами повлиял на неизбежную двойственность в том, что касается задачи управления полученным наследством и решения новых проблем. Имел ли место в Соединенных Штатах «мучительный пересмотр», которым Даллес угрожал в случае неодобрения договора о ЕОС? Ответ — отчасти утвердительный. Соглашение, молчаливое или явное, благодаря которому в период с конца войны до 1954 г. Соединенные Штаты никогда ничего не предпринимали в отношении германской проблемы без участия Франции в качестве посредника или даже главного действующего лица, прекратило свое существование и более не восстанавливалось. Такой тенденции способствовали индокитайский кризис, различие позиций, занятых по данному вопросу двумя правительствами, а также различия в подходе к отношениям с арабским миром и к проблеме Северной Африки.

Кризис в отношениях с Францией, достигший в 1956 г. наибольшей на тот период остроты, повлек за собой кризис американской европейской политики. На основе согласования действий США с Францией в предшествующие годы стала возможной значительная часть компромиссов, облегчивших соглашение между двумя державами. Теперь, когда это соглашение дало трещину, американский европеизм утрачивал свое практическое значение и вновь становился проявлением принципиального покровительства Соединенных Штатов в отношении Старого Света, однако покровительства абстрактного, скептического и даже подозрительного в случае, когда страны малой Европы проявили собственную инициативу (не дожидаясь стимула со стороны американцев), создав в 1957 г. европейский Общий рынок.

Недовольство американцев не могло быть направлено против Великобритании. Напротив, англичане при Черчилле, а затем при Идене, сделали все возможное, до и после краха ЕОС, для того, чтобы спасти программу-минимум, включавшую перевооружение Германии и принятие ее в НАТО. Особые отношения между двумя странами в результате кризиса упрочились. Однако их взаимоотношения несли в себе потенциальный раскол, коренившийся в принципиально различной оценке отношений с арабским миром. Для британцев Ближний и Средний Восток, и в особенности арабский мир, оставался территорией, гегемонию над которой надо удержать любой ценой.

Центральным событием на Среднем Востоке был кризис в Иране, начавшийся в апреле 1951 г. с назначением премьер-министром Мохаммеда Мосаддыка, и закончившийся в августе 1953 г. государственным переворотом, вернувшим всю власть шаху Реза Пехлеви. В этой ситуации, как и по вопросам отношений Великобритании с Египтом, американцы, а также Ирак, Саудовская Аравия, Ливия, если и получали стратегические преимущества от сотрудничества с англичанами, то стремились к дистанцированию от британских колониальных позиций и отмежеванию от принципиально антиарабской политики, которую проводило лондонское правительство.

Даже в ситуации крупных кризисов, как, например, арабо-израильский, Соединенные Штаты держались отстраненно, в то время как в процессе борьбы за независимость народов Туниса, Марокко и Алжира они не скрывали своего несогласия с французской политикой. Это была традиция, уходившая глубокими корнями в политику Соединенных Штатов в отношении арабского мира, которая, однако, до 1953 г. ощутимо не проявлялась. В последовавшие за этим годы, вплоть до 1956-го, США открыто не дистанцировались от англо-французских позиций, давая, впрочем, понять, что не разделяют их; однако это несогласие не имело никаких практических последствий. Более того, отношение к некоторым акциям, как, например, иранской 1953 г., египетской 1953–1954 гг., в совокупности с тем, как в целом ставился вопрос о создании системы антисоветских союзов на Ближнем Востоке, создавало впечатление, что в намерения США входило не оказание настоящей помощи арабскому национализму, а лишь замена англо-французского империализма на империализм, менее связанный обязательствами институционального характера, но политически гораздо более сильный.

Другая особенность американской политики состояла в относительном дуализме прагматического подхода Эйзенхауэра к меж-

дународным делам и доктринерства, которым руководствовался — и любил подчеркнуть это — государственный секретарь Даллес. Историографическая дискуссия вокруг и той, и другой личности в значительной степени воспроизвела стереотипы, сохранившиеся благодаря хронике того времени, как это всегда бывает в политической жизни и, в особенности, относительно людей, наиболее открытых для публичного общения. Представление об Эйзенхауэре как о деятеле, неспособном справиться с бюрократическим аппаратом и, следовательно, обреченном на слабое исполнение сложных президентских обязанностей, заменяется другим его образом, в котором рассмотрение этапов карьеры президента приводит к выводу как раз о его исключительной компетенции как организатора сложных аппаратов управления (например, во время войны — Верховного командования союзников в Средиземноморье и Верховного командования союзников для операции *Overlord*) и, следовательно, к восприятию способности Эйзенхауэра осуществлять властные полномочия не очень эффективным внешне, однако твердым, как никогда, образом. И напротив, доктринерство Даллеса сопоставляется со способностью приспосабливаться к ситуации, которую умел продемонстрировать государственный секретарь в сложных случаях, когда он мог бы пытаться осуществлять свои «доктрины», а он, напротив, проявлял готовность отказаться от них ради осуществления воли президента или же из-за своего собственного стремления приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Впрочем, Даллес был не только политиком, но и профессиональным юристом и поэтому человеком практического компромисса.

9.4.2. ДАЛЛЕС МЕЖДУ «ОТБРАСЫВАНИЕМ» И «НОВЫМ ВЗГЛЯДОМ»

В разгар избирательной кампании в американском еженедельнике «Лайф» от 19 мая 1952 г. Даллес опубликовал статью-манифест, где излагал свои внешнеполитические установки. Стратегия сдерживания представлялась ему робкой, ведущей к проволочкам, и ее следовало, по его мнению, заменить «жесткой политикой», в соответствии с которой Соединенные Штаты должны были отойти от методов долгого и неопределенного выжидания и заменить их динамичной деятельностью, вдохновляемой моральными ценностями американской нации и стремящейся к «освобождению» народов, вынужденных жить за железным занавесом в состоянии порабощения. Эти концепции, много раз повторявшиеся за время избирательной кампании, обнаруживали в Даллесе

приверженца внешней политики «отбрасывания» (*roll back*), то есть контрнаступления, которое должно было отодвинуть русских с сильных позиций, завоеванных ими благодаря «слабости» администрации Трумэна.

Речь шла, без сомнения, о предвыборной пропаганде, совершенно не учитывавшей тот факт, что политика Трумэна, как представляется сегодня очевидным, вовсе не была слабой. Речь шла также о предвыборной пропаганде, которая вызывала тревожные вопросы относительно того, как Даллес будет осуществлять свою идею об освобождении угнетенных народов, предполагавшую логический ответ, что это может произойти только посредством войны. Отсюда — образ Даллеса-милитариста, слегка смягченный осторожным прагматизмом его президента. Вскоре сам ход событий подверг испытанию соответствие предвыборных обязательств и действительных политических намерений. В июне 1953 г. восстание рабочих в Берлине предоставило Даллесу прекрасную возможность для вмешательства в поддержку свободы; в 1956 г. революция в Венгрии и решение правительства Имре Надя выйти из Варшавского пакта также явились еще более подходящим случаем для того, чтобы заставить русских отказаться от одной из позиций, занятых ими в Европе. В обеих ситуациях Даллес не пошевелил пальцем, поскольку стабильность в соотношении сил, достигнутая в Европе, была гораздо важнее верности предвыборным программам, выразившим надежды, но не предлагавшим планов конкретных действий.

Другим основополагающим моментом в идеях Даллеса было положение о необходимости пересмотра всей стратегии военно-политического использования американских вооруженных сил и, в особенности, атомных вооружений. Противостояли две потребности: с одной стороны — придать весомое военное содержание значимым американским обязательствам в борьбе против коммунизма, с другой — облегчить финансовое бремя, которого потребовало бы содержание и укрепление мощной армии, оснащенной обычными вооружениями. Американцы в то время выделяли на оборону 14% своего валового национального продукта, в то время как атлантические союзники, хотя и тратили средства по-иному, — только 3%. Проблема иного распределения расходов нашла выражение в постоянном давлении на европейских союзников с тем, чтобы те увеличили размер своего вклада, но в целом это не помогло разрешению противоречия, с которым столкнулся Даллес.

Он, однако, преодолел это противоречие, разрабатывая в течение всего 1953 г. новую стратегическую концепцию (известную как «Новый взгляд» — *New Look*), нашедшую свое наиболее

полное выражение в речи, произнесенной в Совете по международным отношениям в Вашингтоне 12 января 1954 г. Она предусматривала создание антикоммунистической оборонительной системы, способной приобрести максимальную эффективность при допустимых издержках. Конкретно это означало, что «лучший способ для предотвращения агрессии» состоял в том, чтобы «в первую очередь основываться на большой эффективности немедленного отпора», к тому же массированного, против любого враждебного акта со стороны Советского Союза (доктрина «*massive retaliation*», то есть массированного возмездия). Предпосылкой этой концепции было окончание предоставления всякой помощи европейским союзникам, за исключением той, что предназначалась для военных целей.

Массированное возмездие теоретически означало много, на практике — мало или ничего, особенно в момент, когда доктрина была столь торжественно заявлена, в начале 1954 г. В действительности «новый взгляд» предусматривал, что каждому акту советской агрессии будет противостоять массированное ядерное возмездие, способное уничтожить мощь противника. Однако существовала ли после 1945 г. ясная и однозначная советская военная угроза, которая смогла бы оправдать массированное возмездие? Даже война в Корее сопровождалась весьма осторожным поведением со стороны Сталина. В течение длительного времени советская международная активность принимала формы постепенного и взвешенного проникновения, которое не могло создать предлогов для массированного возмездия. Поэтому «новый взгляд» направлял свои угрозы против нереальной гипотезы и оказал влияние скорее на внутреннюю ситуацию в НАТО и в Соединенных Штатах. В НАТО — поскольку он стремился продемонстрировать, что новая ядерная политика, которой недавно пришедшая к власти американская администрация намеревалась придать энергичный импульс, была более эффективной по сравнению с оборонительными целями, каковые прежнее руководство ставило перед собой, но в то же время менее обременительной с финансовой точки зрения. К тому же, по сути, Даллес видел в ней и потенциальную основу для договоренностей с русскими.

Реальная эволюция соотношения сил в ядерной сфере, складывавшегося между сверхдержавами, также делало основную аргументацию новой стратегии еще более надуманной. В январе 1950 г. Трумэном было принято решение одобрить создание водородной бомбы, то есть термоядерного устройства, качественно отличного от тех, что были испытаны против Японии, поскольку оно было способно вызвать взрыв с эффективностью, измеряемой

более, чем килотоннами (килотонна означает мощность взрыва, равную 1000 тонн тринитротолуола, а бомба, сброшенная на Хиросиму, имела мощность 20 килотонн) и мегатоннами, то есть тысячами килотонн. Русские также работали над аналогичной программой под руководством Игоря Курчатова, отца взорванной в августе 1949 г. советской ядерной бомбы, возглавлявшего группу ученых и технических специалистов, в которую входил и Андрей Сахаров.

В этом состязании за термоядерное превосходство американцы располагали форой в несколько лет, и в действительности им удалось первыми (в октябре 1952 г.) провести наземные испытания устройства мощностью 10 мегатонн. Парадоксальным образом усилия русских сыграли роль стимула в отношении американских разработок, поскольку 12 августа 1953 г. им удалось испытать первую сбрасываемую термоядерную бомбу. Речь шла об устройстве пока еще с ограниченной мощностью (200–400 килотонн), которое, однако, демонстрировало, как неуклонно развивается соревнование в условиях сокращающегося дисбаланса сил.

Первая американская водородная бомба была взорвана в феврале 1954 г. и имела мощность 15 мегатонн. Только в ноябре 1955 г. русским удалось произвести взрыв бомбы в 1,6 мегатонн. Соотношение один к десяти показало отставание Советского Союза приблизительно на три года, однако оно было весьма быстро преодолено, в особенности благодаря временному первенству, завоеванному русскими в испытании носителей (то есть ракет среднего и дальнего радиуса действия), которые должны были доставлять термоядерные бомбы.

Именно эти соображения военно-технического характера делают очевидным другой слабый момент американской стратегии «нового взгляда». Массированное возмездие было возможно только при условии, что оно создавало бы громадный риск исключительно для объектов нападения, то есть только в том случае, если русские находились бы в ситуации, когда, подвергшись нападению, они не имели бы возможности ответить адекватными мерами. Быстрые успехи Советского Союза в области, которую Даллес и его советники считали сферой своего доминирования, напротив, на некоторое время свели к нулю политический смысл этой стратегической доктрины. С того момента, когда массированное возмездие стало потенциально вести к массированному ответу, установилось равновесие, аннулировавшее логические предпосылки массированного возмездия (как замечает Марк Трахтенберг). В условиях «равновесия террора», как позднее была названа складывавшаяся ситуация, выживание того, кто взял бы на

себя инициативу ядерного удара, становилось нереальным, поскольку никто не мог противостоять саморазрушительным издержкам атомного нападения. Возникла таким образом проблема «способности первого удара», то есть способности поставить застигнутого врасплох противника своим *первым ударом* в условия *полного* бессилия. Однако по мере того, как термоядерное состязание становилось все более интенсивным, гипотеза о том, что первый удар не будет иметь того тотального успеха, который только и мог его оправдать, открыла изъян в стратегии Даллеса, так же как и в стратегии всех других последующих теоретиков термоядерной эпохи.

В действительности, Сталин никогда не придавал слишком большого значения новым вооружениям, хотя стремление уничтожить американскую монополию и пойти по пути термоядерных вооружений, кажется, поставило под сомнение этот скептицизм. Однако он думал категориями времен Кутузова, то есть исходя из предпосылки, что вооружения, которыми тогда располагали, никогда не смогли бы обеспечить поражение такой великой страны, как Советский Союз. Поэтому его очевидный скептицизм определенным образом ограничил разработку советских стратегических доктрин, построенных на использовании новых вооружений. Только после смерти Сталина, следовательно, одновременно с эволюцией американской стратегической доктрины, в Советском Союзе вопрос о связи между международной политикой и ядерными вооружениями также начал ставиться более систематически.

Вначале результаты были спорные. Между 1953 и 1954 гг. перспектива атомного паритета и одинаковых рисков заставила по-новому посмотреть на проблему неизбежности столкновения между империалистическим и социалистическим «лагерями». В марте 1954 г. один из видных представителей новой советской руководящей группы Анастас Микоян утверждал, что обладание советской стороной атомной и водородной бомбой отдаляло опасность войны. Премьер-министр Георгий Маленков был убежден, что война в ядерную эру означала бы «уничтожение мировой цивилизации». Однако совсем не эти тезисы, как сам Маленков испытал на собственном опыте немного позднее, доминировали в советском мире. И все-таки они были основой нового образа мышления, который со временем получил распространение.

В феврале 1956 г. Хрущев, ставший первым секретарем ЦК КПСС, провозгласил конец ленинской догмы о неизбежности войны против империалистической системы: «Но фатальной неизбежности войны нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами

для того, чтобы не допустить развязывания войны империалистами, а если они попытаются ее начать, — дать сокрушительный отпор агрессорам, сорвать их авантюристические планы».

Логическое построение новой дипломатии Даллеса было, следовательно, уязвимым: концепция «отбрасывания» бесплодна, концепция массированного возмездия неосуществима и контрпродуктивна. Кроме того, она лишь встревожила европейцев из-за опасений, что новая американская стратегия вновь приведет к напряженности и возродит не забытые еще опасности.

Впрочем, возможно для того, чтобы подготовить путь к выходу из тупика, Эйзенхауэр как политик продолжал работать в другом направлении, а именно, для возобновления диалога с целью мирного использования атомной энергии. 8 декабря 1953 г. он представил Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций свой проект возобновления переговоров, прерванных в сороковые годы, в преддверии создания международного органа, наделенного необходимыми полномочиями для осуществления проекта в атомной области (названный тогда *Atoms for Peace* — Атом для мира). Именно этот дуализм показывает, что в глазах мирового общественного мнения американцы не стремились играть роль главных ответственных за состязание с целью достичь первенства с точки зрения разрушительной способности термоядерных вооружений. Проект Эйзенхауэра обсуждался в течение нескольких месяцев, однако это не привело к существенным результатам. И все-таки он продемонстрировал, что в тот момент, когда госсекретарь разрабатывал стратегическую формулу, которая представлялась более угрожающей, президент дополнил ее мирным проектом, не столь популярным и, возможно, более близким к действительной эволюции в соотношении сил.

В самом деле, столкнувшись с трудностями и неудачей попыток осуществить более амбициозные программы, Даллес развил параллельно с ними политическую активность, которая учитывала реальную ситуацию и была направлена как на то, чтобы дополнить систему обороны, созданную в период пребывания у власти администрации Трумэна, так и на то, чтобы заполнить оставшиеся в ней бреши, которые теперь оказались предметом внимания. В этом плане осложнение ситуации в Европе, вызванное кризисом вокруг договора о ЕОС, сопровождалось неуклонным усилением управления периферией, более сложного и более тесно координируемого в районах, оставленных без внимания.

Договор о ЕОС не относился непосредственно ни к Средиземноморью, ни к Ближнему и Среднему Востоку, ни к Юго-Восточной Азии. Однако в то время, как в Европе после одобрения

переворужения Германии ситуация развивалась в направлении некоей стабилизации, то в трех вышеназванных регионах элементы неуверенности и дисбаланса нарастали, предоставляя дипломатии Даллеса возможность завершить крупный замысел по военно-политическому окружению СССР, начатый осуществляться в Европе. Замысел был направлен, с военной точки зрения, на создание посредством двусторонних соглашений, не обязательно внутри НАТО, а по всему южному периметру зоны советского влияния, цепи американских баз. Эти базы, начало которым было положено в 1951 г., с 1953–1954 гг. систематически подвергались модернизации и снабжались обычными вооружениями, а в некоторых случаях — также и ядерными вооружениями для тяжелых американских бомбардировщиков с тактическим оружием (которые предназначались для использования в вероятных столкновениях ограниченного масштаба), или, в особенности после 1959 г. — ядерными боеголовками на ракетах среднего радиуса действия. Стоит отметить, что политика по созданию баз фактически противоречила доктрине массированного возмездия, поскольку она была нацелена на разрешение ограниченных конфликтов, что подтверждает двойственность новых концепций Даллеса.

9.4.3. РАСПОЛОЖЕНИЕ АМЕРИКАНСКИХ БАЗ НА ПЕРИФЕРИИ

Что касается расположения системы баз, то очень упрощая ряд проблем, которые заслуживали бы отдельного рассмотрения, и исходя не из хронологического, а из географического критерия, можно подчеркнуть последовательность американской политики. В декабре 1946 г. голосование Генеральной Ассамблеи ООН обязало страны-участницы разорвать дипломатические отношения с Испанией Франко. Это была ответная реакция, возможно, не совсем справедливая (учитывая косвенную поддержку, оказанную испанским нейтралитетом победе союзников), против авторитарного характера испанского режима. Голосование прошло при противодействии Соединенных Штатов, хорошо понимавших стратегическое значение Испании, но при решительной поддержке группы коммунистических стран, Франции и социал-демократий Северной Европы. Изоляция создала трудности для испанского режима, но не заставила Франко капитулировать перед требованиями возвращения к демократии. Холодная война подтвердила прогнозы, родившиеся еще в 1942–1943 гг., о том, что в ситуации конфликта стратегическая позиция Испании рано или поздно вновь станет полезной. Поэтому Франко избрал политику выжидания.

ния, решив поставить все карты на бесспорный антикоммунизм своего режима, на хорошие отношения со значительной частью католической иерархии и, прежде всего, на развитие отношений с Соединенными Штатами.

Именно эта последняя карта была козырной: начиная с 1950 г. она ослабила остракизм, которому подвергалась Испания, сделала возможной постепенную нормализацию её дипломатических отношений с остальной Европой (в улучшении и без того прекрасных отношений между Испанией и Латинской Америкой или между Испанией и арабскими странами не было необходимости) и поставила вопрос о возможном распространении на Иберийский полуостров западной оборонительной системы. Поскольку принципиальные соображения (то есть торжественные заявления в преамбуле, касающиеся защиты демократии) препятствовали тогда вступлению Испании в Атлантический пакт, то многократно дискутировался вопрос о Средиземноморском пакте, охватывающем это море от одного края до другого. Эта идея была предложена Бевином в 1948 г. и вновь выдвинута Трумэнном в феврале 1949 г., однако она приобрела конкретные очертания после просьбы Греции и Турции о вступлении в НАТО в 1951 г. Никаких конкретных решений в этом направлении принято не было, но вопрос о кооптации Испании был уже открыто поставлен, и после переговоров, длившихся два года, получив полную поддержку Великобритании и Франции, завершился 26 сентября 1953 г. подписанием военно-экономического соглашения сроком на десять лет с возможным продлением. В соответствии с ним Испания получала экономическую и военную помощь и предоставляла Соединенным Штатам в аренду необходимую территорию для строительства определенного числа военных баз (на тот момент — четырех) и возможность использовать портовые сооружения, которые подлежали восстановлению за счет американского правительства. Таким образом к атлантической оборонительной системе в одной из ее стратегически наиболее уязвимых зон добавлялся важный элемент (в отношении которого также и Советский Союз проводил осторожное зондирование).

Другой успех, менее прочный, однако не менее важный, был достигнут применительно к Югославии. После разрыва между Москвой и Белградом западные державы сразу же осознали потенциальное значение этого изменения, которое фактически представляло собой единственный настоящий случай *«roll back» ante litteram*. В течение некоторого времени президент Тито не проявлял желания отойти от своих традиционных интернационалистских позиций, но когда его стране стало непосредственно угро-

жать как проникновение просоветских элементов, так и обсуждавшаяся возможность нападения со стороны Болгарии, поворот совершился быстро.

Уже в ноябре 1951 г. Югославия вошла в число стран, получавших американскую военную помощь. Однако надежды возлагались и на возможность подтолкнуть Тито в направлении более четкой ориентации на создание союза с Грецией и Турцией, который дал бы жизнь балканскому блоку, косвенно связанному с НАТО. На пути достижения этой цели существовало, однако, важное препятствие, которое представляла проблема Триеста. Хотя западные державы и хотели заключить соглашения с Тито, все-таки отсутствие решения по Триесту ставило проблему выбора между лояльностью по отношению к обязательствам перед таким верным союзником, как Италией, или надеждой, возлагаемой на представителя международного коммунизма, хотя и ставшего раскольником.

Именно эти колебания привели три страны (Грецию, Турцию и Югославию) к подписанию 28 февраля 1953 г. всего лишь договора о дружбе и взаимном сотрудничестве и одновременно к активизации усилий по достижению компромисса в отношении Триеста. В этом контексте формула, представлявшаяся наиболее очевидной, подсказывалась фактами, а именно — отказ от «Свободной территории Триест», предусмотренной мирным договором 1947 г., и разделение самой территории на две зоны (зона «А», оккупированная союзниками, и зона «В», оккупированная югославами), предназначенные, соответственно, для Италии и для Югославии.

Это не был компромисс, способный вызвать энтузиазм у тех, кто, как многие итальянцы, все еще ожидали выполнения предвыборных обязательств¹, данных Францией, Великобританией и Соединенными Штатами 20 марта 1948 г., содержавших обещание возвратить Италии всю территорию, на которой должна была возникнуть «Свободная территория Триест». Однако политический контекст 1953 г. настолько сильно изменился по сравнению с 1948 г., что никто на Западе не способствовал бы принятию решений, способных подтолкнуть Тито в «объятия» к Советскому Союзу. Поэтому идея разделения представлялась более реалистичной. Кроме того, ее достоинством было то, что она возвращала Италии город Триест, — этот символ неправомерного положения Италии в европейской системе, а в качестве проблемы — реликт периода Второй мировой войны. В сложившейся обстановке

¹ Имеются в виду парламентские выборы в Италии 18 апреля 1948 г. — *Прим. переводчика.*

правительствами Лондона и Вашингтона была с трудом достигнута договоренность послать (8 октября 1953 г.) двум заинтересованным сторонам ноту, в которой заявлялось о намерении вывести англо-американские войска из зоны «А» и передать эту территорию итальянской администрации.

В краткосрочном плане нота от 8 октября, не только не улучшила, но и обострила итальянско-югославские отношения. В Югославии состоялись антиамериканские демонстрации, и Тито заявил, что если итальянские войска войдут в зону «А», то это будет рассматриваться Югославией как «акт агрессии». Однако в ответ на эти волнения в начале ноября, в годовщину победы 1918 г.¹, прошли проитальянские демонстрации в Триесте, подавленные силами полиции с бессмысленной жестокостью (четверо погибших и тридцать раненых).

В более долгосрочном плане началось, однако, движение в направлении решения вопроса. Идея конференции пяти (Франции, Великобритании, Соединенных Штатов, Италии и Югославии) оказалась нереалистичной, хотя обе стороны готовы были считать заявление от 8 октября приемлемой отправной точкой. Вместо этого в ноябре 1953 г. начались параллельные переговоры в Лондоне, в ходе которых был достигнут компромисс.

5 октября 1954 г. в британской столице был подписан меморандум о соглашении, которое санкционировало разделение «Свободной зоны Триест» на две уже фактически существующие зоны, с некоторыми уточнениями границы в пользу Югославии. Каждой из двух зон управляла администрация, состоящая из двух заинтересованных сторон (которые только в ноябре 1975 г., подписав договор в Осимо, придали окончательный характер временным формулировкам меморандума о соглашении).

Сказанное позволяет понять значение, которое проблема Триеста оказывала на итальянскую, а также югославскую внешнюю политику и на стабилизацию порядка на Балканах. В самом деле, после того, как с пути было убрано это препятствие, переговоры по поводу новой редакции соглашения между Югославией, Грецией и Турцией возобновились и стороны смогли добиться успеха еще до формального соглашения по Триесту, благодаря подписанию 9 августа 1954 г. самого настоящего договора о союзе сроком на двадцать лет, который предусматривал взаимопомощь в случае нападения. Таким образом Югославия также оказывалась связанной с атлантической системой, хотя и косвенным образом, но,

¹ 3 ноября 1918 г. итальянские берсальеры высадились в Триесте, и в этот же день было подписано перемирие между Австро-Венгрией и Италией, на основе которого капитулировала австро-венгерская армия. — *Прим. переводчика.*

впрочем и весьма временным, поскольку годом позже поворот, произведенный Хрущевым в советской политике в отношении Югославии, и склонность Тито к нейтрализму лишили всякого смысла союз, созданный с трудом и за высокую политическую цену. Однако в 1954 г. такую быструю эволюцию невозможно было предвидеть, и, казалось, что балканский союз добавит новый элемент к совокупности соглашений, которыми были связаны страны, окружающие Советский Союз.

Что касается этих соглашений, то оптимальным вариантом был бы, вероятно, средиземноморский союз, который в тот момент мог бы включить, возможно, все страны, имеющие выход к этому морю. Однако наследие обид и старой вражды, которое разделяло многие страны, препятствовало в прошлом и в рассматриваемый период достижению такого максимального результата. Следовательно, путь частичных соглашений становился неизбежен. Теперь как Великобритания, так и Франция должны были заняться отношениями с арабским миром: темой, крайне сложной не только из-за существования израильской проблемы (которая в тот момент еще не стала элементом, доминирующим в общей ситуации в регионе), но также и из-за тяжелого наследия отношений Великобритании с ее прежними колониями, связанными с Лондоном старыми союзами, и в то же самое время не склонными поддерживать отношения с британским империализмом.

Такой же тяжелой была тема, связанная с наследием французского империализма в отношении Туниса, Алжира и Марокко, которые, не будучи тогда независимыми государствами, не принимались во внимание в качестве потенциальных субъектов договорных отношений. Это касалось и Ливии, независимость которой, полученная в 1950 г., и ставшая реальной 1 января 1952 г., сопровождалась сохранением сильного англо-американского влияния, ставшего очевидным после предоставления Великобритании нескольких небольших баз, а Соединенным Штатам — крупной военно-воздушной базы в Уилус-Филд, в центре пустыни Сахара. Но прежде всего это относилось к государствам, имевшим выход к Восточному Средиземноморью или соединявшим его с Персидским заливом и Индийским океаном.

9.4.4. «ОБОРОНА» БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

Именно в отношении этого географического региона американская политика существенно отличалась от британской, и именно по этому вопросу произошел разлад в «особых отношениях» (*special relationship*) между двумя англосаксонскими странами.

В самом деле, англичане были склонны считать весь регион зоной своего преимущественного военно-политического влияния. При этом они не учитывали то обстоятельство, что еще в довоенный период Соединенные Штаты дали значительный импульс своему экономическому присутствию в регионе, в особенности благодаря капиталовложениям в нефтяную отрасль и имели в этом регионе две группы интересов: защита своих инвестиций и поддержание дружественных отношений со странами-производителями нефти.

Сложившаяся ситуация содержала противоречие, с которым должен был соотноситься план создания антисоветской оборонительной системы и на Ближнем Востоке. До тех пор, пока британцы имели надежные точки опоры, такие, как существование монархического режима в Египте, как позиции надежного и решительного союзника в Ираке и экономической гегемонии в Иране, американская администрация не предпринимала шагов, которые могли бы выявить различие интересов. Но когда в 1952 г. король Фарук был свергнут, иракский режим начал демонстрировать меньшую надежность по отношению к ожиданиям британцев, а Мосаддык в 1951 г. бросил вызов Великобритании, национализировав Англо-иранскую нефтяную компанию, потребность в дистанцировании стала более очевидной.

Весной 1953 г. Даллес предпринял длительное путешествие по ближневосточным столицам и вернулся с более ясным пониманием ситуации. Еще ранее по инициативе англичан было создано Объединенное командование для Ближнего и Среднего Востока (MEDO, *Middle East Defense Organization*), в центре внимания которого был Египет. После этого американцы проявили инициативу по реставрации власти иранского шаха (сторонники Мосаддыка вынудили его бежать из страны); он был восстановлен на троне благодаря участию американских спецслужб в обмен на новое соглашение по нефти, в котором интересы британцев были подчинены интересам Соединенных Штатов. Даллес все же считал, что его страна должна избегать прямого вмешательства: следовало, с его точки зрения, ограничиваться поддержкой извне различных инициатив, исходящих от стран региона, благодаря которым должны возникнуть ближневосточный союз и союз стран северной части арабского мира, противостоящий Советам (тогда использовалось выражение *Northern Tier-Северный Ярус*).

Ядром этой конструкции должен был стать турецко-пакистанский договор о союзе (эмбрион Северного Яруса), подписанный 2 апреля 1954 г., к которому 24 февраля 1955 г. добавился так называемый Багдадский пакт между Ираком (где прозападные силы

восстановили контроль над ситуацией) и Турцией. К этому договору впоследствии присоединились Великобритания (30 марта), Пакистан (23 сентября) и Иран (3 ноября). Багдадский пакт должен был стать прочной основой союза, который, включив Египет, полностью закрыл бы Советскому Союзу выход к Средиземноморью.

Однако Египет переживал тогда период глубоких изменений, касавшихся его внутренней жизни, его отношений с Израилем, его отношений с Западом, а также отношений с Советским Союзом. Участие полковника Гамаль Абдель Насера в качестве одной из основных фигур в конференции неприсоединившихся стран, состоявшейся в апреле 1955 г. в Бандунге, было свидетельством отказа нового египетского режима от участия в блоковых союзах. Насер являлся борцом за независимость арабского мира, но это приводило к противоречиям с другими странами региона, в который он вносил элементы нестабильности, что вызывало беспокойство американцев.

Поэтому, хотя Багдадский пакт был создан под руководством американцев и должен был потом превратиться в эмбрион оборонительной организации СЕНТО (*CENTO, Central Treaty Organization*, созданной в 1959 г. и названной «Центральной», чтобы подчеркнуть центральное географическое положение по отношению к атлантической и тихоокеанской зонам), Соединенные Штаты выбрали путь взвешенной и не слишком открытой внешней его поддержки. Такая поддержка не должна была вызывать недовольство британцев и разочарование единственной арабской страны — Ирака, который ради участия в союзе 1955 г. отказался от пан-арабской солидарности, что привело внутри страны в 1958 г. к падению хашемитской монархии и прозападного правительства и к созданию пронасеровской республики. Таким образом из региона с исключительной гегемонией англичан Ближний Восток превращался в регион, раздираемый спорами. Однако главными участниками спора были не только Советский Союз и западные державы, а все страны Ближнего Востока со своими специфическими чертами и со своими особыми проблемами. Суэцкий кризис осени 1956 г. со всей очевидностью высветил сложность проблемы и трудности проведения слишком четких демаркационных линий.

Система союзнических пактов, к которой стремился Даллес, дополнялась в Тихоокеанском регионе уже существовавшим пактом АНЗЮС, то есть союзом Соединенных Штатов с Австралией и Новой Зеландией (заключенным 1 сентября 1951 г.), к которому 8 сентября 1954 г. добавилась СЕАТО (*SEATO, South East Asia Treaty Organization* — Организация договора о Юго-Восточной

Азии). СЕАТО стала организационным оформлением договора о взаимной обороне, который подписали в Маниле представители восьми стран: Соединенных Штатов, Франции, Великобритании, Австралии, Новой Зеландии, Филиппин, Таиланда и Пакистана.

Договор являлся политическим ответом Даллеса на поражение французов в Индокитае и на результаты Женевского совещания (см. ниже), поскольку, хотя он и мало что добавлял к военной силе, уже задействованной предыдущими союзами (фактически только Филиппины и Таиланд не были связаны международными правовыми обязательствами с американской системой), но с политической точки зрения он менял многое. В самом деле союз был создан по образцу Атлантического пакта, его предстояло организовать по модели НАТО. В качестве центрального положения новый договор имел статью 4, определявшую зоны, которые обеспечивались гарантиями Союза. Среди них были Малайя и Британское Борнео (в то время как Тайвань и Гонконг не были включены), а также Лаос, Камбоджа и Южный Вьетнам, то есть зоны, бывшие несколько недель назад ареной антифранцузской партизанской войны, а в южной части Вьетнама, согласно Женевскому компромиссу, в течение двух лет должны были состояться выборы для решения вопроса о будущем страны.

«Разъяснительная декларация», с которой американское правительство выступило вслед за подписанием договора, поясняла, что обязательство вмешательства вступало в силу только в случае коммунистической агрессии или нападения. Это была прямая оговорка, призванная убедить Индию в том, что присутствие Пакистана среди участников не характеризует СЕАТО как союз, потенциально расположенный к поддержке исламского государства в возможной войне против Индии. В действительности настоящий смысл договора правильно выразил некоторое время спустя президент Эйзенхауэр, когда 25 октября 1954 г. пообещал президенту Южного Вьетнама прямую американскую помощь в создании государства, «действительно прочного, способного противостоять поползновениям подрывных сил или вооруженной агрессии». Это было первым проявлением самостоятельного по отношению к Франции выбора Соединенных Штатов во Вьетнаме, а также первым шагом на пути, который приведет Соединенные Штаты к тяжелым испытаниям.

Являлись ли различные проявления политики союзов, которую осуществлял Даллес (тогда полемически говорили о «пактомании»), только расширением сферы действия прежней политики? Только способом окружить Советский Союз, а не отразить его нападение? Эти элементы столь явно присутствовали в дипломати-

ческой деятельности Даллеса, что было бы невозможно отрицать их существование. И все же анализ политики Даллеса, ограниченный этими, так сказать традиционными, аспектами, уловил бы лишь одну сторону в эволюции международной деятельности Соединенных Штатов. Действительно, холодная война выходила за пределы Европы и постепенно от нее отдалялась. Однако это не должно вводить в заблуждение. Даллес был также в достаточной степени реалистом для того, чтобы стремиться уловить новые импульсы, исходившие из советского мира. Смерть Сталина глубоко изменила общую картину, и хотя Даллес никогда не отказывался от своих оборонительных тезисов и своего закоренелого недоверия, он не уклонялся от попытки возобновить диалог между великими державами, а в 1955 г. — от попытки придать этому диалогу какую-то конкретную форму.

Колебания или двойственность американской внешней политики проистекали из противоречий, существовавших между проектами и возможностью конкретных действий; к тому же они были в значительной степени результатом вмешательства в работу администрации комиссии сената по деятельности правительства, которая под руководством сенатора Джозефа Маккарти приобрела характер злобного преследования всего, что имело хотя бы отдаленную связь с коммунизмом. Между 1950 и 1953 гг. она стала практически центром самой настоящей «охоты за ведьмами», отравлявшей американскую политическую жизнь почти всегда необоснованными подозрениями с явно реакционными акцентами во имя защиты национальных интересов. Достаточно вспомнить, что Маккарти упорно боролся даже против назначения в качестве посла в Москве Чарльза Болена, одного из крупнейших экспертов по советским проблемам в американской дипломатии, которого поддерживали Даллес и Эйзенхауэр. Еще во время пребывания у власти администрации Трумэна Маккарти удалось породить страхи и распространить инквизиторские методы, сильно навредившие делу американской демократии.

Только Эйзенхауэр обладал достаточным политическим влиянием для того, чтобы вывести из игры персонаж, который стал мешать в момент, когда отношения с СССР надо было строить на других основаниях. Когда Маккарти заявил претензии на проверку лояльности вооруженных сил, главой и видным политическим представителем которых был Эйзенхауэр, президенту удалось добиться того, чтобы следственные методы самого сенатора были подвергнуты расследованию. Маккарти вышел из него политически уничтоженным, вынужденным по телевидению выявить свою подлинную сущность беспринципного демагога. Но тем

временем дух антикоммунистического преследования, посеянный им, оставил свои следы. По предложению Хьюберта Х. Хэмфри (одного из представителей либерального крыла демократической партии), Конгресс разработал законодательство, которое практически ставило вне закона американскую компартию; законодательство, позднее фактически выхолощенное Верховным судом Соединенных Штатов, однако оказавшееся достаточным для того, чтобы прекратить всякую организованную деятельность коммунистической партии в Соединенных Штатах.

9.5. Борьба за сталинское наследие и «десталинизация»

2.5.1. «КОЛЛЕГИАЛЬНОЕ РУКОВОДСТВО»

В последние месяцы жизни Сталина проявления жесткости в его политической деятельности еще более усилились. Становясь все более недоверчивым и подозрительным, он дошел до того, что отдалил самого Молотова, считавшегося его естественным преемником, назначив на это место Маленкова, а министром иностранных дел Вышинского. Маршал Ворошилов, герой войны (без особых военных заслуг) был подвергнут опале с обвинением, что он является британским шпионом. Сотни тысяч человек, едва попавших под подозрение, оказались в тюрьмах и были осуждены на длительные сроки заключения в системе ГУЛАГа.

Самый острый и выходящий за всякие рамки момент репрессий был наступил 3 января 1953 г., когда «Правда», орган КПСС, объявила о раскрытии заговора и аресте определенного числа лиц, среди которых было 15 врачей, в основном евреев, обвиненных в убийстве «ряда советских руководителей, в том числе — Жданова». Два врача умерли под пытками, другие признались в преступлениях, которых они не совершали, и были освобождены через несколько недель после смерти Сталина.

В *окружении* диктатора соперничество становилось все более острым, все стремились занять положение, выгодное для будущего. За пределами Советского Союза немногие поняли, что среди восходящих звезд особенно блистала фигура Никиты Хрущева. Последний отдавал себе отчет в том, что Сталин больше не контролирует полностью свою умственную деятельность. Говоря его словами: «В оркестре каждый играл на своем инструменте когда хотел, но дирижер уже перестал дирижировать». В подобной обстановке любые заговоры и любые предательства приобретали правдоподобие.

Однако такое положение вещей не омрачило в советском общественном мнении и в глазах *мирового* коммунизма культ, который удалось создать вокруг себя Сталину, как всякому другому тоталитарному диктатору, однако с большей решительностью и напыщенностью, усиленный ореолом, приданным великой победой 1945 г., а также связанный со строгим и закрытым стилем жизни. Ярко выраженный культ, окружавший Сталина в восприятии советских людей и всего коммунистического мира, окутывал его мифологическим сиянием недоступности, придавал диктатору в одно и то же время осязаемое выражение власти, надежды и ужаса — нечто сверхчеловеческое, по отношению к которому у людей есть единственная обязанность: подчиняться. Лишь несколько десятилетий спустя после его смерти историки смогут поставить вопрос о величии и чувстве меры Сталина; лишь в течение немногих десятилетий его противоречивые действия рассматриваются уже не как выражение изощренной тактики, но как глубокая неуверенность в стратегии.

Смерть личности столь крупного масштаба неизбежно возымела болезненные последствия. Те, кто привыкли подчиняться или плести заговоры, неожиданно оказались перед необходимостью принимать решения. Это было новое состояние людей, которое не меняло и не могло изменить природу системы, созданной Сталиным, но которое наделяло «руководителей» в новой ситуации большой ответственностью, понимаемой и переживаемой по-разному в зависимости от их отношений в прошлом с диктатором и от различий в способностях осмыслить возможность формирования новой власти, достаточно сильной для того, чтобы справиться с трудностями переходного периода.

В целом, советская экономическая и политическая система основывалась на полной централизации решений в области экономической политики и на распределении инвестиций безоговорочным суждением руководителей КПСС. Это система была направлена на рост, ведомый не невидимой рукой рынка, а видимой рукой государства (то есть партии). Гигантская бюрократия руководила деятельностью этой системы на основе критериев, ставивших на первый план развитие тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса, привлекая в эти предприятия все больше капиталов и рабочей силы, не учитывая адекватным образом возможностей, предоставляемых ростом производительности труда и использованием новых технологий. И все это в ущерб производству потребительских товаров. Поэтому проблема издержек производства была подчинена необходимости достижения определенных целей в количественном, а не в качественном

отношении. Тотальная монополия государственной промышленности, уничтожая всякую возможность конкуренции, довершала характеристику системы: системы, изолированной от остального мира, самодостаточной, но уже с противоречиями, которые в долгосрочном плане угрожали ее существованию, поскольку нехватка человеческих ресурсов и падение нормы накопления были неизбежны в отсутствие необходимого роста производительности труда и в условиях распределения инвестиций скорее по политическим, чем по экономическим соображениям.

Сам Сталин и некоторые его наследники отдавали себе отчет в этих проблемах, но механизм, созданный за годы пятилетнего планирования, оказался настолько мощным, что его трещины не были достаточно заметны для того, чтобы сформировалось четкое понимание необходимости систематического и радикального вмешательства. Многие деятели в последующих постсталинских правительствах намеревались проводить реформистскую политику, но никому это не удалось.

Новая руководящая группа организовалась в два этапа: один — непосредственно после смерти Сталина и другой — спустя две недели. Сильно упрощая, можно сказать, что сложился союз между Хрущевым, Маленковым и Берия; Молотов возобновил членство в Политбюро ЦК КПСС, и от Вооруженных сил присоединился маршал Николай Булганин. Маленков стал председателем Совета министров и в качестве такового приобрел положение, ставшее доминирующим в политическом плане. Рядом с ним было четыре заместителя председателя: Берия, министр внутренних дел, Молотов, министр иностранных дел, Булганин, министр обороны и Лазарь Каганович, отвечавший за экономические вопросы. Маршал Ворошилов был возвращен из забвения и назначен главой государства¹; маршал Жуков, чей военный авторитет отеснял Сталина в тень, был назначен на должность заместителя Булганина. Хрущев, вместе с Михаилом Суловым и другими, возглавил руководство партией еще до назначения Маленкова, чтобы показать, что он был творцом компромисса, давшего жизнь «коллегиальному руководству». 16 апреля «Правда» утверждала, что «коллегиальность» является фундаментальным принципом партийного руководства и критиковала тех, кто мог бы нарушить этот принцип.

За показным единодушием при принятии решений скрывалось, однако, острое столкновение по поводу выбора основных

¹ К.Е. Ворошилов в 1953–1960 гг. являлся председателем Президиума Верховного Совета СССР. — *Прим. переводчика.*

целей. Как это происходило до установления Сталиным своего неоспоримого господства, и как с тех пор почти всегда происходило в советской жизни, руководящая группа провела внутреннюю дискуссию, которая в других странах приняла бы форму плюралистического сопоставления взглядов существующих политических течений. В общем, отдавая себе отчет, что это разделение упрощает гораздо более сложную и богатую личностными аспектами реальность, можно сказать, что в новом советском руководстве существовало прежде всего сильнейшее личное соперничество, как, например, противостояние Маленкова Молотову, бывшему предполагаемому наследнику Сталина, принесенному в жертву по воле диктатора. Однако наиболее важными были расхождения по поводу выбора основных целей в сфере экономики и внешней политики Советского Союза. В сфере экономики группа технократов и политиков во главе с Маленковым и Берия предлагала ревизию основных целей в ущерб накоплению ресурсов в области тяжелой промышленности и в пользу больших инвестиций в легкую промышленность и в сельское хозяйство. В международном плане это должно было привести к поиску диалога и, следовательно, к отказу от того, чтобы считать неизбежным столкновение между социалистическим лагерем и капиталистическим.

Противоположную позицию, т.е. консервативный выбор пути, олицетворял Молотов, который был связан со сталинским опытом, ориентированным на то, чтобы оставить без изменения систему приоритетов в экономической политике и поэтому склонный к продолжению жесткого противостояния по отношению к Западу. Среднюю позицию, отдававшую предпочтение постепенному процессу приспособления с обновлением фасада: более мягкую по форме, но по существу такую же непримиримую в отношении Запада (она выступала за коллективное осуществление власти, но за сохранение преобладания тяжелой промышленности, хотя и с некоторыми решениями в пользу роста производительности сельского хозяйства) олицетворял Хрущев; его поддерживали военные, с которыми он предусмотрительно объединился в целях укрепления собственной власти.

Это столкновение-дискуссия продолжалось примерно полтора года, вплоть до конца 1954 г., и завершилось поражением Маленкова. Однако короткий период эксперимента Маленкова был чрезвычайно важен в качестве модели или парадигмы для всякого последующего советского опыта, вплоть до эпохи Горбачева, поскольку впервые конкретно и диалектически были поставлены проблемы, которые Сталин решал авторитарным и личностным методом. Таким образом характер советской политической жизни

утрачивал часть тех бесчеловечных аспектов, которые проявились в годы сталинского террора, хотя власть партии оказалась как никогда усиленной, гегемония без дискуссий и без терпимости в отношении согласия будет продолжаться в формах, часто не сильно отличающихся от сталинских, хотя и менее волюнтаристских и менее связанных с капризами дряхлого диктатора.

В чисто политическом плане первой жертвой столкновения стал Берия. 10 июля 1953 г. «Правда» сообщила о его аресте, за которым последовало несколько месяцев молчания, а затем, накануне Рождества того же года, — сообщение о приведении в исполнение приговора к смертной казни в отношении министра внутренних дел и шести его сотрудников. Берия являлся главой политической полиции с 1939 г. и в качестве такового нес главную ответственность за создание вместе со Сталиным режима террора и поддержание порядка внутри страны в трудные послевоенные годы. Об обстоятельствах его ареста в то время распространялось много версий. Главное обвинение, предъявленное ему, помимо типично сталинского обвинения в том, что он — агент на службе у иностранного капитала, состояло (и это было более правдоподобно) в подготовке государственного переворота.

Документы, опубликованные в последние годы, позволяют дать более правильное политическое объяснение. Берия, который, конечно, не был выдающимся либералом, считал, однако, необходимым, чтобы Советский Союз принял некоторые меры, предназначенные для смягчения недовольства в странах Восточной Европы, из которых постоянно поступали тревожные сигналы. Возвращаясь отчасти к направлению, которого придерживался Сталин, он ставил в центр германский вопрос и, хотя не очень отчетливо, оценивал деятельность Вальтера Ульбрихта по все более ускоренному социалистическому преобразованию Восточной Германии как ошибку. Она, по его мнению, породила недовольство, проявлявшееся в уходе восточных немцев на Запад. Эта политика препятствовала продолжению попыток Сталина избежать интеграции Федеративной Республики в западную оборонительную систему, и побудить принять предложение о воссоединении в условиях «буржуазного» режима, нейтрального и нейтрализованного (то есть открытого для советского давления).

В первые дни июня 1953 г. идеи Берия возобладали, и Советскому Союзу удалось убедить Ульбрихта издать постановления о замедлении насильственной коллективизации в сельском хозяйстве и некоторой перестройке полицейского режима. Это был очень смелый политический расчет, как это сразу же стало очевидно. В самом деле, едва правительство Восточного Берлина со-

общило о смене курса, в самом Берлине, а затем во всей Восточной Германии началась серия забастовок, в которых участвовали сотни тысяч рабочих и которые вынудили вооруженные формирования режима ГДР и советские войска к жесточайшим репрессиям, приведшим к гибели сотен людей и к резкому повороту политического курса. Ульбрихт удержал власть в Восточной Германии, поскольку не скрывал своего недоверия в отношении советского диктата, однако политическое поражение стало тем предлогом, который позволил сразу же выместить на Берия все враждебные чувства, которые скопились против него в течение его жизни. Тот факт, что опорой насильственного смещения министра внутренних дел была армия, союзница Хрущева, заинтересованная в уменьшении власти политической полиции, возглавляемой Берия, сам по себе говорит о многом. А то обстоятельство, что в последующие месяцы очень энергично обсуждалась тема «социалистической законности», подчеркивает значение, которое хотели придать на этом этапе перераспределению власти.

*9.5.2. «КОЛЛЕКТИВНОЕ РУКОВОДСТВО»
И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. ОСТОРОЖНАЯ РАЗРЯДКА?*

Непрочность и слабость его личной власти не препятствовали Маленкову продвигать с определенной решительностью свою экономическую программу. 8 августа 1953 г. он выступил с важной речью в Верховном Совете, речью, в которой доминировали вопросы внешней политики, но которая также характеризовалась новаторскими подходами во внутренней политике. Основные намеченные проблемы новое правительство намеревалось поставить решительным образом. Необходимо, говорил Маленков, придать новое значение потребностям потребителей, поднять уровень жизни, а для этого — увеличить сельскохозяйственное производство. Следовало также расширить доступность товаров широкого потребления. Маленков подчеркивал тот факт, что СССР обладает «мощной и технически превосходной тяжелой промышленностью», и отмечал: «До сих пор мы не имели возможности развивать легкую и пищевую промышленность такими же темпами. В настоящий момент мы можем это сделать и, следовательно, обязаны, с целью обеспечить более быстрое улучшение материального и культурного уровня жизни народа, любыми способами ускорить развитие легкой промышленности».

Таким образом тема благосостояния народа была поставлена в центр нового правительственного курса, что означало явный поворот по отношению к прошлому. С этого момента соотношение

между глобальным ростом советского ВВП и производством товаров потребления стало одним из критериев как измерения эффективности деятельности правительства, так и оценки ее общих направлений. Однако на том этапе все происходило еще в рамках проекта реформ, нисколько не менявшего концепции, на которой строилась советская экономика. Поэтому дискуссия быстро (и вовремя) превратилась в техническую дискуссию о формах оптимизации производства и развивалась в соответствии с приоритетами, которые Маленков четко наметил в 1953 г., но от которых его преемники позднее дистанцировались.

В плане внешней политики последствия поворота были многозначительными. Маленков восхвалял советскую мощь, которая возросла с производством водородной бомбы, но придавал своим словам отчетливо пацифистский и направленный на уменьшение международной напряженности характер. Он долго говорил об изменениях, произошедших после смерти Сталина, и об атмосфере надежды, распространившейся в мире: «Наше глубокое убеждение состоит в том, что в настоящее время не существует нерешенного или спорного вопроса, который не может быть решен мирным путем посредством взаимного соглашения между заинтересованными сторонами... Мы — за мирное сосуществование между двумя системами».

Это был тезис, который Маленков поддерживал вплоть до занятия 12 марта 1954 г. позиции (противоположной мнению военного руководства и значительной части политической номенклатуры СССР), содержащей утверждение, что ядерная война была бы катастрофой для всего человечества, потому что означала бы его конец. Тезис, который несколько месяцев спустя, когда власть председателя правительства стала ослабевать, был опровергнут как Хрущевым, так и Ворошиловым — они утверждали, что ядерная война приведет прежде всего к окончательному уничтожению капитализма.

Эта атмосфера, которую передал советский писатель Илья Эренбург в своем романе «Оттепель» (начиная с его названия), не случайно появившемся в 1954 г., была воспринята во всем мире. Ситуации, тянувшиеся годами, находили быстрое разрешение; открывались новые сферы для дискуссии. Не всегда это проходило в спокойной обстановке и без полемики. Устремления немногих в коллективном руководстве с трудом одерживали верх над менталитетом многих, испытывавших ностальгию по сталинизму. И все-таки все месяцы, начиная с весны 1953 г. до второй половины 1955 г., были отмечены явным стремлением мирно решать разногласия, а не обострять их.

Во внешней политике «коллективного руководства» доминировал прежде всего поиск диалога с Западом: с позиций силы и без мысленных оговорок в те месяцы, когда у власти был Маленков; с позиций силы и с многочисленными мысленными оговорками — после начала гегемонии Хрущева. Еще более интересно отметить, что в то время, как Сталин концентрировал свое внимание преимущественно на европейских проблемах или на аспектах, связанных с прямым столкновением с Соединенными Штатами, его преемники сразу же расширили круг своих интересов. Ощущение того, что ситуация в Европе уже стабилизировалась, формирование движения неприсоединившихся стран и начало этапа быстрой деколонизации казалось выдвигали и перед Советским Союзом новые проблемы. Поэтому его международная политика быстро приобрела глобальный масштаб, которого никогда не было при Сталине, и его дипломатия с большей уверенностью и другими интонациями заявила о себе в Средиземноморье, в Африке, в Латинской Америке, на Ближнем Востоке, в Восточной Азии, в Китае и в Тихоокеанском регионе. В определенном смысле собиралось державное наследие, оставленное Сталиным: поскольку европейский фронт был укреплен (допуская, что дело обстояло именно так), можно было посмотреть на будущее СССР уже не как на будущее сверхдержавы, ограниченной Евразией, но как сверхдержавы, способной заставить считаться с собой во всем мире.

Можно было бы заметить, что расширение сферы интересов входило в противоречие с декларировавшимися намерениями в отношении Запада, направленными на разрядку международной напряженности. В действительности это замечание не лишено основания, и оно указывает границы, в которых могла развиваться политика доброжелательных отношений с западным союзом. В самом деле, именно расширение горизонтов делало невозможным в те годы и равное с Западом присутствие Советов в экономическом и военном планах. Речь шла о стремлении быть действительно глобальной державой, при котором, однако, следовало считаться с реальными фактами, и которое вступало в противоречие с тем обстоятельством, что Соединенные Штаты уже являлись глобальной державой, экономически присутствующей во всем мире и в военном отношении все еще опережавшей СССР на несколько лет.

Таковы были «новые границы» биполярной системы. Кое-кто захотел видеть в ней продолжение логики холодной войны. Хотя эпизоды, для которых была характерна эта логика, повторялись в последующие годы с разной степенью интенсивности, и хотя со-

ветская политика может быть истолкована как ответ на политику Даллеса, — создание системы союзов вдоль всей границы зоны советского влияния, эти новые границы придавали новый смысл и новое значение биполярному столкновению. Приближались годы сосуществования-конкуренции: все еще противостояние, но смягченное стремлением к сосуществованию.

Первым проявлением новых советских ориентаций стало разблокирование (которого, впрочем, хотел и Эйзенхауэр) переговоров по перемирию в Корее. Прерванные уже давно, они возобновились 20 июня 1953 г., в том числе и благодаря инициативе советской стороны, и 27 июля завершились подписанием перемирия в Паньмыньчжоне.

В своей речи от 8 августа Маленков заявил, что Советский Союз отказывается от своих требований в отношении Турции, датированных 1944 г. Одновременно были возобновлены нормальные дипломатические отношения с Югославией и Грецией. Было заявлено о добрых намерениях в отношении Ирана, Индии, Пакистана, Афганистана и всех стран западной системы.

25 января 1954 г. началось Берлинское совещание министров иностранных дел четырех великих держав, оккупировавших Германию. И хотя у него не было главной цели, совещание стало важным поворотом, неохотно принятым Даллесом. С первого дня работы Молотов предложил, чтобы на втором этапе было созвано совещание пяти (с участием Народного Китая) для обсуждения главных тем международной разрядки. Предложение было пересмотрено во время работы совещания из-за отказа Даллеса согласиться на встречу, которая означала бы косвенное признание Народного Китая американской стороной. Однако в конце совещания была найдена компромиссная формула, касающаяся необходимости обсудить мирный договор с Кореей, созвав 26 апреля в Женеве совещание с участием всех сторон, заинтересованных в разрешении корейского конфликта, но также и индокитайского вопроса. Компромисс был найден в формуле, которая отделяла приглашающие державы от приглашенных, с уточнением, что участие в работе последних (то есть Народного Китая и Северной Кореи) не будет означать дипломатического признания этих двух стран. Несмотря на эту оговорку, результат был важным, поскольку Даллес признал, что нельзя обсуждать корейский вопрос без участия Китая, а французы признали, что вопрос об Индокитае уже стал международной проблемой, а не только внутренней проблемой французской колониальной системы.

Совещание в Женеве начало свою работу в момент наиболее острой политической дискуссии во Франции по ЕОС. Оно долго

и безуспешно обсуждало корейский вопрос. Обсуждало все так же безуспешно проблему Индокитая до тех пор, пока во Франции Пьер Мендес-Франс не был назначен председателем Совета министров. Хотя здесь не место для анализа данной темы, следует, однако, подчеркнуть, что прибытие Мендес-Франса в Женеву дало толчок переговорам. После серии контактов на высшем уровне 20–21 июля был подписан пакет соглашений между Францией и различными антагонистами ее господства во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже.

С точки зрения общего соотношения сил между державами Женевские соглашения отражали новые условия, вытекавшие из переходного периода в системе международных отношений. Тот факт, что совещание состоялось и было завершено конструктивным образом в отношении по крайней мере одной из двух дискутировавшихся тем, само по себе являлось позитивным моментом. После мирных договоров 1947 г. и перемирия в Корее впервые конфликтующие стороны достигли компромисса по важному вопросу.

Участие Китайской Народной Республики подтверждало ту роль, которую она уже приобрела в жизни Азии. Это еще не было всеобщее признание, а, напротив, признание, жестко оспариваемое Соединенными Штатами, однако умеренность министра иностранных дел Чжоу Эньлая показала, что Китай мог также играть решающую роль в Азии, роль, которую его соседи — такие как Индия, Вьетнам и сам Советский Союз — не могли не учитывать. Великобритания до конца выполнила свою задачу посредничества и установления равновесия. Ее вклад был ценен и немало способствовал ее сближению с Францией, результаты которого станут очевидны вскоре, после провала договора о ЕОС.

Советский Союз подтолкнул вьетнамцев к компромиссу принесением в жертву немалых военных успехов. Советская дипломатия могла оценивать результаты как плод собственной деятельности. Даллес, которого на протяжении переговоров почти всегда представлял Уолтер Б. Смит, не препятствовал тому, чтобы примирение состоялось, как будто бы речь шла о событии, лишь косвенно касавшегося Соединенных Штатов. Однако они уже приготовились принять наследство (возможно, горькое) освобождения французов от своих обязательств и готовили подписание договора СЕАТО. Таким образом их отстраненность была лишь видимостью, прикрывавшей как намерение не иметь прямых дипломатических отношений с Народным Китаем — в момент, когда от Тайваня (при поддержке мощного китайского лобби) исходили протесты на высоком уровне по поводу уступок, сделанных

коммунистическим агрессорам — так и гораздо более существенное намерение заменить Францию, не принимая от нее непосредственное наследство, которое имело бы слишком сильный привкус «пещерного» империализма. В этом смысле их формальная отстраненность выражала одну из черт политики администрации Эйзенхауэра в отношении проблемы империализма. В 1954 г. никто не предвидел жизненно важного значения, которое вьетнамский вопрос приобретет для Соединенных Штатов несколько лет спустя.

9.5.3. ВОСХОЖДЕНИЕ НИКИТЫ ХРУЩЕВА

В сентябре 1953 г. Хрушев был избран Первым секретарем Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (КПСС). Контроль над политическим аппаратом реализовывался в виде формальной ответственности. Это был симптом ослабления Маленкова по отношению к его противникам, ослабления уже необратимого. Его предложения по экономической политике в большей степени, чем его международная деятельность (которая, впрочем, возглавлялась сталинистом Молотовым) противопоставили его партии и вооруженным силам. В декабре 1954 г. Маленков был практически смещен со своей должности, но формальное решение было принято Верховным Советом только в конце января 1955 г., когда Маленкова освободили от его обязанностей и назначили заместителем председателя Совета министров. Его пост занял маршал Николай Булганин, в министерстве обороны его заменил маршал Жуков. Это изменение означало возвращение правительства под полное руководство коммунистической партии с разрушением практики, которую пытался установить Маленков. Знаком перемен было то, что Маленкова не постигла участь Берия, и он не был сразу же подвергнут ostracismu, а лишь постепенно выведен из состава советской номенклатуры и в конце концов оказался в полной неизвестности.

Дуэт Булганин—Хрушев усилил деятельность предшествующего руководства в международном плане и в конце концов придал дипломатии СССР совсем новый темп. Если до тех пор главы правительства и партии в СССР весьма неохотно покидали страну, то большее равновесие властей позволило двум советским государственным деятелям развить бурную деятельность как по количеству инициатив, так и по числу предпринятых зондирующих поездок. Среди многочисленных путешествий, которые Булганин и Хрушев осуществили на первом этапе существования своего руководства, выделяются по крайней мере три эпизода: поездка

в Китай в конце 1954 г., поездка в Югославию в середине 1955 г. и поездка в Южную Азию в конце того же 1955 г.

Советско-китайский союз, с трудом создававшийся и с трудом существовавший даже в периоды военного сотрудничества во время войны в Корее, был одним из решающих моментов для международного положения СССР. Сталин не мог навязать Мао Цзэдуно определенную модель построения коммунизма. Мысль и деятельность Мао непосредственно следовала за практикой и китайской традицией. В стране таких размеров, как Китай, в которой аграрная проблема оказывала преобладающее экономическое влияние на все другие аспекты производительной жизни, было невозможно осуществить любой вариант быстрого создания тяжелой промышленности ценой массового уничтожения крестьянства. Согласно Мао, китайский способ производства мог быть изменен в первую очередь с учетом этой реальности, а не советской модели. Две великие страны разделяли также последствия Второй мировой войны, в финальной стадии которой националистический Китай заплатил весьма высокую цену за советское выступление против Японии. Союз 1950 г. отчасти сгладил противоречия, однако не решил все проблемы.

Сначала Маленков, а затем его преемники внимательно подошли к этому вопросу. Не прошло и четырех дней после смерти Сталина, как было заявлено, что советский посол в Пекине, карьерный дипломат, назначенный всего лишь за месяц до этого, заменяется Василием Кузнецовым, заместителем министра иностранных дел. Немного позже, 26 марта, было подписано торговое соглашение, переговоры о котором шли уже в течение многих месяцев и на базе которого Китаю предоставлялась дальнейшая финансовая помощь, оцениваемая историком Адамом Уламом как средство для того, чтобы избежать проявления Пекином открытого недовольства в отношении нового советского руководства. Дальнейший и более важный шаг в том же самом направлении был сделан как раз благодаря первому важному визиту за пределы СССР, совершенному Хрущевым и Булганиным.

Переговоры, предпринятые по этому случаю и завершившиеся 11 октября 1954 г., поставили главные темы во взаимоотношениях между двумя странами. Как и ожидалось, Советский Союз обязался вывести войска из базы в Порт-Артуре, хотя в соответствии с существующими соглашениями это должно было произойти после подписания мирного договора с Японией. Очень сложными оказались экономические переговоры. Был пересмотрен вопрос о советском участии в совместных компаниях по эксплуатации полезных ископаемых и обновлены условия дальнейшей выплаты

долгов (считается, что в общей сложности между 1950 и 1960 гг. Советский Союз предоставил Китаю кредиты на общую сумму два миллиарда долларов, однако по этим данным отсутствует однозначная документация). Большое значение имел также ряд научных соглашений, касавшихся обменов студентами и учеными и советской помощи Китаю в ядерных исследованиях. Критический аспект этой совокупности соглашений представляла, однако, нетерпимая позиция Хрущева относительно того, чтобы Китай оплачивал услуги, товары и оборудование, поставляемые из СССР. Братская помощь не была бескорыстной, и некоторые полагают, что именно сдержанность советской стороны способствовала зарождению у Мао Цзэдуна семян личной враждебности по отношению к Хрущеву; эти семена дали всходы несколько лет спустя.

С другой стороны, постоянное упорство, с которым Соединенные Штаты даже после Паньмыньчжона продолжали отказываться от признания Китая и поддерживать националистическое правительство, нашедшее убежище на Тайване (Формозе), в качестве единственного законного китайского правительства, толкало к соглашению. Напряженность стала уменьшаться лишь в 1955 г., после того, как в течение нескольких месяцев обсуждался вопрос о присутствии войск националистического Китая в виде гарнизонов на островах Куэмой и Мацзу. Эти острова находились вблизи побережья континентального Китая и поэтому на них предъявляло права пекинское правительство, однако Чан Кайши защищал их до последнего, превратив острова в залог и гарантию продолжения военного покровительства Соединенных Штатов и в препятствие для развития диалога между Вашингтоном и Пекином.

Начавшиеся тогда секретные переговоры между американцами и китайцами привели в сентябре этого же года к открытию дипломатического канала для поддержания контактов между двумя странами, фактически заложившего основы для последующих изменений. Это было, однако, трудным делом, поскольку националистический Китай и его сторонники в Соединенных Штатах чинили бесконечные препятствия любому сближению, опасаясь, что оно может привести к нормализации, так что только в 1968 г. было достигнуто соглашение о том, чтобы в Варшаве проходили периодические политические встречи между представителями двух держав (США и КНР).

26 мая 1955 г. Хрущев, сопровождаемый Булганиным и Анастасом Микояном, отправился в Белград и, проявив незаурядное нахальство, завершил пылкими объятьями с президентом Тито столь острый конфликт, разделявший обе страны с 1948 г. Вся ответственность была возложена на Берия, и Хрущев заверил Тито,

что компартия Югославии является настоящей марксистско-ленинской партией. Объятия, консультации и декларация о дружбе, завершившая визит, были важными успехами для Тито, который понял, что признана возможность «существования других форм социалистического развития». Югославский президент никогда не отказывался считать себя настоящим коммунистом, лишь по принципиальным соображениям столкнувшимся с СССР. Когда в июне он отправился с ответным визитом в Москву, атмосфера была еще более дружеская, и Тито пообещал, что Югославия всегда будет вместе с Советским Союзом ради победы коммунизма. Однако ни одно из этих выражений не следовало воспринимать буквально.

Примирение не означало также возвращения к зависимости. Тито, вероятно, не хотел никогда, за исключением моментов наибольших трудностей, считаться врагом Советского Союза, но претендовал на то, чтобы его признавали как одного из крупных лидеров мирового коммунизма, который сумел создать (с весьма ограниченным успехом, можно сказать сегодня) иную форму коммунизма, характеризующуюся самоуправлением, хотя эта формула никогда и не была реализована на практике. Кроме того, едва возникшие благодаря Балканскому союзу связи с Западом, хотя и были лишены военного содержания из-за примирения с Москвой и, кроме того, поворота Югославии к нейтралитету, никогда не прекращались в экономическом плане. Фактически Тито находился между двумя системами, обхаживаемый обеими, и готовый к оппортунистическим решениям или к внешним эффектам триумфов в третьем мире. В действительности, он всегда оставался связанным ситуацией внутри страны, для которой он придумал в то время ряд институциональных реформ, направленных на смягчение расхождений между этническими группами, но способствовавших, напротив, лишь затруднению их интеграции.

Третьей крупной поездкой, открывавшей перед советской политикой новые горизонты, был визит Хрущева и Булганина в Южную Азию 17 ноября — 21 декабря 1955 г. Этапами этой поездки были визиты в Индию, в Бирму и в Афганистан. Визит в Бирму был своего рода данью нейтральной позиции государства, которое было родиной У Тана, будущего генерального секретаря ООН; визит в Кабул был обязательным для нормализации отношений с соседом, важным для новой советской политики в отношении Индии. Самое большое значение имела поездка в Индию с посещением различных частей этого большого государства. В самом деле, она обозначила дальнейший этап перехода Неру с прозападных позиций первых лет его правления после рождения независимой Индии в 1947 г. к нейтралистским позициям 1955 г.,

вплоть до потенциально просоветских позиций, проявившихся именно начиная со встреч с советскими руководителями. Две страны сблизилась благодаря деятельности, которую Неру развернул, начиная с Корейской войны и позднее, предлагая свое посредничество в конфликте между коммунистической системой и Соединенными Штатами. Это посредничество с течением лет приобретало все более критический характер по отношению к Соединенным Штатам. Поэтому антиколониальные заявления Хрущева находили в Индии благодарную аудиторию, тем более что они сопровождались обещаниями технологической помощи и безусловной гарантией, которую Советский Союз давал своей мощью против участия Пакистана в Западном союзе.

В конце встреч был подписан ряд торговых соглашений, чрезвычайно обширных, и ряд политических соглашений, которые утверждали в конфликтных ситуациях нейтральные или же враждебные по отношению к Соединенным Штатам позиции: как, например, необходимость признания КНР и права Народного Китая на членство в ООН; право Китая на Тайвань; необходимость пунктуального выполнения Женевских соглашений; советская поддержка Индии, направленная против существования португальской колонии в Гоа; советская поддержка индийской позиции в конфликте с Пакистаном из-за Кашмира. В целом это были основы рождавшегося союза, который просуществует долго и будет отражаться на всей ситуации в Азии и, в особенности, на отношениях между СССР и Китаем, поскольку Китай и Индия были разделены пограничными конфликтами и вопросом о Тибете.

Могут ли эта активность и расширение перспектив, которое она открывала перед советской внешней политикой, быть сведены к трактовке этого этапа международных отношений как трехлетия разрядки? Не были ли они, напротив, проявлением активности, которая была направлена против интересов Соединенных Штатов и которая соответствовала во всех пунктах шагам Соединенных Штатов? Ответ на эти вопросы не может быть ни однозначным, ни окончательным. После смерти Сталина начался переходный период, результаты которого еще должны были созреть. Только в результате открытого проявления процесса десталинизации можно будет сделать первые выводы относительно этого периода.

Между тем на многообразии международной деятельности накладывалась борьба за власть внутри Советского Союза. На переходном этапе действия в международной сфере могли приобретать агрессивный и конфликтный характер лишь в результате ошибки. Их неудача могла лишь усугубить внутренние проблемы. Однако это не исключало динамизм. Более того, динамизм отмечал

две международные цели, важные для стабильного управления Советским Союзом: поиск постоянного компромисса для Европы и расширение советского присутствия во всей системе международных отношений. Речь шла о двух тесно связанных аспектах, хотя и необязательно не разделяемых. Более того, именно больший динамизм мог оправдать в глазах тех, кто испытывал ностальгию по сталинским «доблестям», уступки, которые в то же самое время делались Западу и представляли собой откровенные шаги в направлении разрядки.

*9.5.4. АВСТРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДОГОВОР
И ЖЕНЕВСКОЕ СОВЕЩАНИЕ 1955 г.*

После укрепления позиций Хрущева эти шаги стали еще более энергичными. Первой была решена австрийская проблема. Дискуссия вокруг мирного договора с Австрией тянулась безрезультатно с 1947 г. В качестве корректного в тот момент использовалось выражение «государственный договор», поскольку в точном смысле Австрия никогда не вступала в войну, став первой жертвой гитлеровской агрессии в 1938 г., и к началу военных действий уже более чем год не являлась субъектом международного права. Аншлюс был объявлен недействительным в 1943 г. во время Московской конференции, и это позволило создать после окончания военных действий временное, а затем свободно избранное австрийское правительство, в то время как территория республики подверглась четырехсторонней оккупации, аналогичной оккупации Германии, при которой Вена оказалась в том же положении, что и Берлин. Аналогия с Германией на этом и заканчивалась. Наличие единого правительства помогло Австрии избежать риска расчленения. Вопрос о мирном договоре, однако, остался отложенным до Женевского совещания 1954 г., когда эта тема вновь была рассмотрена. И хотя конкретных решений принято не было, был сформулирован тезис о том, что на основе мирного договора сама Австрия должна взять на себя обязательство придерживаться постоянного нейтралитета.

Переговоры продолжались вплоть до начала 1955 г., когда Советский Союз отказался от выдвижения в качестве условия для заключения договора по Австрии одновременное решение германской проблемы. Решающая и заключительная стадия переговоров, активными и энергичными участниками которых были австрийцы (в отличие от того, что происходило в 1945–1946 гг. в отношении других мирных договоров), началась в апреле 1955 г. и привела 15 мая к подписанию Государственного договора. Вопрос

о нейтралитете отсылался к решению, которое венское правительство обязывалось принять с помощью парламента. Текст договора содержал, напротив, откровенный запрет на поиск экономического и политического союза с Германией. Предусматривалось, что Австрии будут возвращены ценности, перемещенные в Германию, вместе с тем от Австрии не требовалось никаких репараций, а австрийское правительство отказывалось от предъявления аналогичных требований в отношении Германии или союзных держав.

В октябре, после завершения общего процесса ратификации договора, палаты австрийского парламента проголосовали за постоянный нейтралитет Австрии. Сразу после этого была распущена Союзная контрольная комиссия, и четырехсторонние оккупационные силы покинули австрийскую территорию. Это был случай, как утверждалось впоследствии, добровольного «отбрасывания», поскольку впервые советские войска добровольно ушли с территории «противника», оккупированной во время войны. В этом смысле, а также и по своему значению в целом Государственный договор принадлежал к категории решений, расширявших масштабы разрядки.

Впрочем, возможна и менее невинная трактовка. Советский Союз отказался от прямого контроля над государством, построенным по правилам рыночной экономики, которое не могло быть вовлечено в советскую орбиту. В то же время он, однако, вынудил вывести войска союзников и тем самым серьезно нарушил военную целостность атлантического фронта. Нейтральная Австрия разрывала связь между северным и южным флангами НАТО. При перемещении войск и военных ресурсов из Баварии в Италию и, наоборот, они не могли больше рассчитывать на путь через перевал Бреннер, а должны были преодолевать большое расстояние, в обход территории Австрии и Швейцарии. Время показало, что такая уловка оказалась излишней, но в 1955 г. она являлась ценой, которую Запад заплатил за разрядку.

Атмосфера оптимизма, созданная государственным договором, вписывалась в политику «доброй воли», которую старались проводить четыре великие державы. Её не могло разрушить ни завершение процесса интеграции Германии в НАТО, ни параллельное подписание Варшавского договора. Это были лишь формальные процедуры, предназначенные для закрепления на бумаге существующего уже в течение многих лет положения. Тот факт, что Австрийский договор был подписан на другой день после создания Варшавского пакта (14 мая 1955 г.), подтверждал возможность наложения новых явлений на старые.

В тот самый момент, когда маршал Булганин взял на себя власть, заменив Маленкова, он развернул широкую кампанию за мирное сосуществование. Реакция Запада была сначала осторожной, в особенности с американской стороны. Однако Даллес не исключал, что смена лидерства в Москве могла открыть путь к восстановлению «традиционной дружбы» между СССР и США. Дальнейшему улучшению ситуации способствовало решение Советского Союза отделить австрийский вопрос от германского, что открыло путь к Государственному договору. Иден возглавил сторонников нового международного совещания в верхах, которое породило бы, как в период после Первой мировой войны, новый «дух Женевы».

В этой обстановке в завершающие дни австрийских переговоров западная дипломатия выступила с предложением совещания в верхах глав государств и правительств четырех великих держав. В центре дискуссии должны были находиться германский вопрос и крупные проблемы, касающиеся вооружений. Начались размышления о результатах гонки за ядерное превосходство, начатой в 1950–1953 гг. Запад стал серьезно задумываться над тем, какое влияние новый советский политический курс будет оказывать на мировое общественное мнение. Обе системы уже сложились, но если советская система находилась под строгим контролем коммунистических партий и вооруженных сил, то западная система страдала от тактических слабостей, типичных для открытых и плюралистических режимов, особенно очевидных в периоды, когда становились популярными нейтралитет и неприсоединение.

Местом встречи, назначенной на 18–23 июля (хотя первоначальное предложение ограничивало встречу в верхах 21-м июля), была избрана Женева. Однако теперь речь шла о том, чтобы понять, будет ли совещание возможностью возобновить переговоры в стиле Второй мировой войны, изобилующие торгом и тщательно выверенными взаимными уступками, или же оно будет встречей в верхах, открытой для проявления общественных настроений, главной проблемой которой будет декларация в пропагандистском смысле относительно того, что холодная война закончена, и что у двух сторон нет больше причин бояться друг друга и противостоять друг другу, даже если в действительности они продолжали испытывать глубокое взаимное недоверие.

Намеченная повестка дня состояла из четырех пунктов: 1) объединение Германии; 2) европейская безопасность; 3) разоружение; 4) развитие отношений Восток–Запад. Дискуссия была очень дружественной и достаточно откровенной. Н. Булганин, Н. Хрущев и В. Молотов представляли СССР; Дуайт Эйзенхауэр и Джон

Фостер Даллес — Соединенные Штаты; Эдгар Фор и Антуан Пине — Францию; Антони Иден и Гарольд Макмиллан — Великобританию.

При аналитическом подходе возможно излишне воспроизводить дискуссии тех дней. Большие ожидания оправдались лишь в одном: четверо участников остались полностью несогласными по всем пунктам дискуссии, но в то же время выражали это в цивилизованной форме, заставляющей предположить, что отношения между державами действительно изменились. С другой стороны, хотя ни одна из проблем не создавала возможностей для сближения позиций, были выдвинуты предложения, которые оставили свой след и дали свои плоды годы спустя. План, представленный Иденом по воссоединению Германии после свободных выборов, в совокупности с проектом трех взаимных гарантий, включающих также договор пяти, который должен был предотвратить опасность новой агрессии со стороны Германии, превратился с тех пор в один из двух подходов к германскому вопросу. Другой был представлен проектом советского происхождения (довольно зрелым) по созданию демилитаризованной и нейтральной зоны в центре Европы как предпосылки для воссоединения Германии и вывода всех иностранных войск из Европы после подписания временного договора между двумя группировками. Таким же образом проект Эйзенхауэра по взаимному воздушному контролю, названный «Открытое небо», предвосхищал практику, которой впоследствии американцы будут следовать в одностороннем порядке, но также выдвигал идею системы контроля без регулярных инспекций, имевшую потенциал развития огромного значения (системы самолетов и спутников-шпионов). Наконец, предложение французского представителя Фора по созданию «Фонда развития», связанное с проектом, предлагавшим сделать достоянием гласности уровни соответствующих вооруженных сил и соответствующих военных бюджетов, хотя и отражало обостренную чувствительность, характерную в тот момент для Франции в отношении колониального вопроса, предвосхищало одну из тем, которой суждено было доминировать в 60-е и 70-е годы.

В целом, хотя совещание завершилось фактически безрезультатно и в историографическом плане стало потом интерпретироваться почти как пауза в ходе крупного столкновения, необходимо не игнорировать то, что происходило в ходе самого совещания. Между Эйзенхауэром и Хрущевым не установились такие тесные отношения, как те, что существовали между Сталиным и Рузвельтом. Первый был слишком осторожный и вдумчивый, а другой — слишком хитрый для того, чтобы могла сложиться дей-

ствительно дружеская атмосфера. Французский и английский премьер-министры были лишь временными актерами второго плана, быстро оставившими свои государственные посты. Однако все эти недостатки Женевской встречи компенсируются одним достоинством — тем, что она возобновила практику встреч глав государств на высшем уровне. После этого, с более или менее краткими интервалами, та же самая практика будет возобновляться, часто принося конкретные результаты.

Впрочем, то, что новая атмосфера потенциально существовала, было подтверждено на следующий день после Женевской встречи событием, которое можно интерпретировать по-разному — визитом в Москву канцлера Аденауэра. До 1953–1954 гг. никто не мог себе представить, что главный сторонник интеграции Западной Германии в американскую систему может восприниматься в Москве как желанный гость. И все-таки несколько дней спустя после ратификации Парижских соглашений, создававших ЗЕС, 8 июня, советское правительство направило федеральному канцлеру приглашение отправиться с визитом в Москву.

Прежде чем принять предложение, Аденауэр дождался конца Женевского совещания и провел консультации с союзными правительствами. Его визит состоялся с 8 по 13 сентября 1955 г. Это было непростое испытание для немолодого и жесткого германского государственного деятеля, который умел решать сложные проблемы. В самом деле, советское предложение состояло в том, чтобы он согласился начать прямые переговоры с Германской Демократической Республикой, что лишило бы всякого смысла так называемую доктрину Хальштейна, сформулированную этим близким соратником Аденауэра. В соответствии с этой доктриной, существовала только одна Германия, Федеративная, и тот, кто признает правительство ГДР, тем самым лишится признания другой Германии, и, следовательно, разорвет свои дипломатические отношения с ФРГ. Учитывая эти предпосылки, канцлер по прибытии в Москву подошел к проблеме воссоединения только с точки зрения гарантий, которые свободно объединившаяся Германия могла бы дать СССР. Кроме того, он энергично поставил проблему возвращения немецких военнопленных, еще оставшихся на советской территории: военнопленных, численность которых Аденауэр считал высокой, но по подсчетам советской стороны, их число не превышало 10 тысяч и это были преимущественно военные преступники.

В таких условиях переговоры в Москве не были дружественными и привели к единственному результату — решению установить нормальные дипломатические отношения между двумя странами,

выдвинутому в качестве условия для освобождения немецких военнопленных. Это было условие, вынудившее Аденауэра вступить в противоречие с доктриной Хальштейна, однако оно предоставляло ему возможность вновь поставить вопрос о военнопленных, слишком деликатный и слишком важный для внутренней жизни Германии, так что он согласился заплатить за него ценой отступления от собственной безукоризненной последовательности. Попытка Советского Союза сделать ставку на стремление немцев к единству для раскола Запада не удалась. Однако Аденауэр подал своим союзникам важный сигнал о свободе маневра и возможности альтернатив в его внешней политике. Это было предупреждение для Франции, Великобритании и прежде всего для Соединенных Штатов, чтобы они имели в виду тот факт, что Федеративная Республика Германии являлась основой западной системы в Европе.

Наконец, последним знаком атмосферы разрядки было решение вопроса, который тянулся с 1945 г., и политическое значение и численное выражение которого увеличивалось — вопроса о принятии определенного числа новых членов в ООН. Вопрос деликатный, поскольку от него могло зависеть численное соотношение голосов внутри организации, а также вопрос, отягощенный обидами из-за неоднократных вето русских по поводу принятия Италии, уравниваемых западными вето против принятия Венгрии, Болгарии и Румынии (не говоря уже о проблеме Народного Китая). Понадобился целый год переговоров для того, чтобы прийти к голосованию, которым 14 декабря 1955 г. Совет Безопасности окончательно одобрил компромисс: 16 стран (некоторые из них недавно освободившиеся) были приняты в Объединенные Нации. Число членов организации возросло с 58 до 74. Для ООН начинался этап изменений, которые за немногие годы полностью изменили ее облик и существующее соотношение сил.

9.5.5. «ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ» ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Атмосфера оптимизма и надежды, преобладавшая в те годы, была нарушена неожиданными трудностями, которые процесс десталинизации вызвал в Советском Союзе и во всей Восточной Европе. С самых первых мгновений, последовавших за смертью Сталина, советские руководители, сначала Маленков, а затем Хрущев, пытались поставить на новую основу отношения с правительствами и странами, принадлежащими к советской системе социально-политических союзов. С 1953 по 1955 год имел место ряд случаев вмешательства Советского Союза, направленных на изменение политического курса и руководства, которое должно

было его осуществлять в этих странах. После этого трехлетия ситуация обнаружила всю свою взрывоопасность, выявив внутренние трудные проблемы советской системы.

В самом деле, с 1953 по 1955 г. советское правительство, начав осуществлять новый внутренний курс, было также озабочено тем, чтобы способствовать изменениям в Восточной Европе. В общей картине наиболее деликатной представлялась ситуация в Восточной Германии. Вследствие слишком непосредственного сопоставления с Западной Германией и весьма тесных связей, которые Москва навязывала немецким коммунистам, складывалось сочетание отсталости и отсутствия свободы передвижения, на которое восточные немцы заставили обратить внимание. Когда, начиная с апреля 1953 г., немецкие требования стали известны в Москве, момент еще не был благоприятным для их принятия. Однако в начале июня, по инициативе Берия, СЭВ объявил о серии мер по облегчению финансового бремени, предоставлению большего пространства для частного предпринимательства и приостановке проходившей тогда радикальной коллективизации.

Этого заявления оказалось недостаточно для того, чтобы сдержать сильное недовольство народа в Восточной Германии. 16 и 17 июня в Восточном Берлине и других городах ГДР состоялись массовые демонстрации против правительства Вальтера Ульбрихта и против Советского Союза. Для их подавления понадобилось вмешательство советских танков, нормализовавших ситуацию посредством активных действий, сопровождавшихся сотнями жертв. Однако затем репрессии не были продолжены, а ответственность за совершенные ошибки была переложена на Берия и некоторых членов правительства Восточной Германии. Члены правительства Ульбрихта, со своей стороны, выступили с необходимой самокритикой, обязуясь замедлить политику строительства социализма в стране. На тот момент руководство Ульбрихта и Отто Гротеволья успешно вышло из кризиса и уцелело.

Второй страной с политикой нового курса была Венгрия, до середины 1953 г. возглавлявшаяся Ракоши, символом самого крайнего ортодоксального сталинизма. В результате изменений в Советском Союзе на первый план вышел коммунистический деятель, к которому Ракоши относился враждебно, Имре Надь, осторожный, умеренный коммунист, специалист по проблемам сельского хозяйства. В течение недолгого времени, с 1945 по 1946 г. он был министром внутренних дел, затем оставался в правительстве на более низких должностях до того, как в 1952 г. его назначили заместителем премьер-министра, поручив заниматься проблемами сельского хозяйства. Тот факт, что он избежал судьбы

таких людей, как Райк, относится на счет покровительства, которое ему оказывали Маленков и Берия. Их доверие было подтверждено в июне 1953 г., когда венгерская делегация, возглавлявшаяся Ракоши и Гере, полностью отвечавшими за экономические вопросы, была приглашена в Москву. В нее входил также Надь.

Новые советские лидеры не скрывали от Ракоши глубокой неудовлетворенности в отношении него и с энергией, достойной сталинских методов, заставили его сменить правительство. Ракоши остался первым секретарем партии, однако премьер-министром должен был стать малоизвестный Имре Надь, а его заместителями — Э. Гере и Андраш Хегедюш. Начался период дуализма, подогреваемого столкновением в борьбе за власть между Надем и Ракоши, который на практике бойкотировал меры правительства. Столкновение проходило аналогично тому, что имело место в Москве между Маленковым и Хрущевым. Когда в феврале 1955 г. Маленков был вынужден уйти в отставку, то несколькими неделями позже Надя постигла та же участь. Его вина? — В том, что «недооценил роль партии» и являлся правым уклонистом. Надь отказался занять правительственные посты меньшего значения, и в ноябре 1955 г. был исключен из партии. Поскольку времена изменились, он не был подвергнут суду. Однако с его удалением из правительства новый курс в Венгрии оказался парализованным. Руководство сталиниста Ракоши только усилило возникшую напряженность и привело в конечном итоге в 1956 г. к взрыву.

В других странах советского блока «новый курс» проявился с менее болезненными результатами. В Чехословакии, после смерти Клемента Готвальда в марте 1953 г., президентство республики было доверено Антонину Запотоцкому, а руководство партией перешло к Антонину Новотному, при разделении государственных и партийных функций, которое повторяло советскую практику. Новотный быстро стал бесспорным лидером страны, а его реформы, ограниченные денежной сферой, вызвали в июне 1953 г. некоторые беспорядки, подавленные со сталинской жестокостью. Благодаря обещанию новых реформ внутренняя напряженность в стране начала уменьшаться. В действительности все осталось без изменений: новый чехословацкий курс был отложен более чем на десятилетие.

В Румынии процесс изменений ограничился частичной амнистией. Георгиу-Деж, генеральный секретарь ЦК партии остался фактически в той же должности, которую он занимал с 1945 г., и в августе провозгласил в стране «новый курс» в экономике, замедлявший коллективизацию в сельском хозяйстве.

В Болгарии, хотя и были реабилитированы некоторые коммунистические деятели, казненные в 1949 г. как сторонники Тито (главным из них был Т. Костов), Вилко Червенков продолжал сохранять посты премьер-министра и лидера партии вплоть до 1954 г., когда он должен был передать руководство партией другому сталинскому деятелю Тодору Живкову. Соперничество между ними вылилось на первых порах в начало нового болгарского реформистского курса, однако это не имело действительно новаторских последствий, если не считать окончательную победу Живкова, менее связанного со сталинским наследием.

Последней страной, вступившей на путь изменений, была Польша, и сделала она это в соответствии с аналогичными процедурами, которым следовали почти все другие государства советского блока. В марте 1954 г. Болеслав Берут, доверенное лицо русских, сохранил контроль над партией, но уступил пост председателя Совета министров левому социалисту Юзефу Циранкевичу (бывшему премьер-министром в 1947–1952 гг.). В августе широкая амнистия возвратила свободу тысячам людей, среди которых был и бывший секретарь Польской объединенной рабочей партии Владислав Гомулка. Новые настроения начали распространяться по всей Польше. Правительство приходило в движение медленно, однако оставляло пространство для формирования более свободной общественной атмосферы, открытой для дискуссии.

Усилия отдельных правительств советского блока, параллельные тем, что предпринимал Маленков в Советском Союзе, состояли в попытке изменить характер ряда экономических решений без ослабления контроля над властью. В некоторых из этих стран (таких, как Румыния, Болгария и Чехословакия) такие усилия имели успех. Напротив, венгерские и польские события привели в движение более автономные силы, несогласные с правительством. Десталинизация превращалась в стремление к изменениям в целях подтверждения национальной и культурной идентичности собственных стран, на эволюцию которого события в Советском Союзе имели решающее влияние.

9.5.6. XX СЪЕЗД КПСС И «ДОКЛАД ХРУЩЕВА»

В Советском Союзе Никита Хрущев после победы в конце 1954 — начале 1955 г. в борьбе с Маленковым занялся укреплением своей личной власти и утверждением своей политической линии. Своим успехом он был обязан союзу с военными и с представителями тех отраслей государственной промышленности, которые почувствовали для себя угрозу в решениях Маленкова. Проблема

для Хрущева состояла в том, чтобы предоставить достаточную свободу военным, не попав при этом в зависимость от них. Из этой потребности родился решительный толчок, который он придал наращиванию советского военного потенциала в сфере обычных вооружений, и прежде всего в ядерной и ракетной сферах, толчок, за которым последовали успехи, имевшие большой резонанс.

Поскольку эти успехи проявлялись в период относительной разрядки международной напряженности, они оставляли Хрущеву пространство и время для того, чтобы дополнить экспансию силы серьезной попыткой новых реформ в сельском хозяйстве, в большей степени, чем в сфере производства потребительских товаров, а также для выполнения столь же серьезной задачи — освобождения от контроля старой сталинской гвардии, которая все еще ограничивала его власть. В целом Хрущев полагал, что ключ к росту советской экономики заключается не в перемещении инвестиций из одной отрасли промышленности в другую, а в больших усилиях по решению проблем сельского хозяйства с целью улучшения условий жизни советского народа. Таким образом отражался опыт его работы в данной отрасли и характер его личности — оптимистичный и эмоциональный до такой степени, что он не всегда мог себя контролировать; Сталин не мог найти себе более отличающегося от него преемника. Тот же самый план перейти в отношениях с западным блоком от прямой конфронтации к опосредованному соревнованию подтверждает такое мнение. СССР сумел бы добиться больших успехов, если бы готовился к этому в обстановке, свободной от явных проявлений международной напряженности, и если бы он укрепил экономические связи блока стран, которые были ему верны.

Кульминационный момент восхождения Хрущева представлял XX съезд КПСС, проходивший в Москве с 14 по 25 февраля 1956 г. В ходе этого съезда первый секретарь произнес две речи. Первая, произнесенная при открытии, открытая и посвященная в первую очередь международным вопросам, а затем — внутренним. Вторая, произнесенная во время секретного заседания, состоявшегося 25 февраля, в отсутствие зарубежных делегаций, посвященная почти исключительно «проблеме Сталина», «доклад», считавшийся секретным (исключение составили руководители некоторых крупнейших несоветских компартий), однако скандальным образом сделанный достоянием публики газетой «Нью-Йорк Таймс» 4 июня 1956 г.

В центре международного анализа Хрущева было три вопроса, жизненно важных для мирового развития: мирное сосуществование, возможность избежать войны и различные пути перехода

к социализму в различных странах. Хрущев напомнил, что ленинский принцип «мирного сосуществования государств с различным социальным строем» был и остается «генеральной линией» советской внешней политики и что утверждение этих тезисов означает не отказ от идеологической борьбы против капиталистической системы, но увязывание надежд на «неизбежную победу социализма» с «коренным превосходством социалистической системы». От этой предпосылки Хрущев подходил к ревизии марксистско-ленинского принципа о неизбежности войны до тех пор, пока существует капитализм; устаревшего тезиса, отражавшего эпоху, в которую он был сформулирован, когда существовали только империалистические государства. На смену империалистическим системам тем временем пришли новые силы (очевидно, эта отсылка касалась движения неприсоединившихся стран), сильное ядро стран, «которое активно боролось против войны», и которое вместе с рабочим движением капиталистических стран позволяло утверждать, что если угроза войны еще могла исходить от авантюристического капитализма, война «уже не являлась более фатально неизбежной».

Радикальные изменения в международной обстановке открывали путь новым формам перехода к социализму в зависимости от разнообразия вклада, который каждая страна могла внести в строительство нового общества. Югославия в Европе и Китай в Азии были ярким примером таких позитивных различий. В целом, во всем мире рабочее движение совершило столь значительные шаги вперед, что можно было предположить, что оно сможет завоевать власть мирным путем. Только в странах, где капитализм был все еще достаточно силен, переход к социализму должен был произойти после «ожесточенной борьбы революционного класса».

Оптимистическое видение, наполнявшее хрущевские прогнозы, основывалось на открытии новых пространств, где могла распространиться активность Советского Союза, и на рассмотрении тенденций, становившихся заметными в результате победы антиколониализма. Оно не учитывало ограничений, связанных с ситуацией внутри СССР и непривлекательностью перевозносимой модели. В самом деле, как можно было восхвалять эту модель в тот самый момент, когда явным и тайным образом проявлялись недостатки сталинской системы, из которой вышел Советский Союз? В открытой речи Хрущев ограничился тем, что подчеркнул необходимость укрепления социалистической законности, необходимость коллективного руководства и борьбы против «культы личности». Эта постановка вопроса, в совокупности с более или

менее непосредственным знанием секретного доклада 25 февраля, лишали оптимизм первого секретаря его сути, предлагая гораздо более хрупкий образ «нового советского величия», чем тот, на который рассчитывал Хрущев.

Длинная, полемичная, драматичная и театральная секретная речь была посвящена критике культа личности Сталина, тому, как он мог распространиться и стать в определенный момент «источником целого ряда извращений, все более опасных и пагубных, партийных принципов, партийной демократии, революционной законности». Напомнив о негативной оценке, которую Ленин неоднократно давал Сталину, и все же признав некоторые заслуги последнего, Хрущев рассмотрел отдельные главы своего обвинения покойному диктатору: массовые репрессии не только против врагов ленинизма, но также и против «многих честных коммунистов» или вовсе невиновных людей; нарушения революционной законности; отказ от коллективного руководства; фабрикация процессов против коммунистов на основе фальшивых обвинений и осуждение обвиненных на основе признаний «вырванных под пытками» (из 139 членов и кандидатов в члены Центрального Комитета, избранных на XVII съезде, 98, то есть 70% были арестованы и расстреляны, преимущественно в 1937–1938 гг.); политика массового террора, вследствие которой «многие тысячи» невиновных и честных коммунистов погибли из-за сфабрикованных в их отношении чудовищных фальсификаций; ошибки в ведении войны против Германии по причине концентрации военных решений в руках одного единственного человека. Заслуга победы принадлежала не Сталину, а всему советскому народу и его стойкости. Во время и после войны имели место массовые депортации целых народностей и ухудшение политической атмосферы: «Сталин стал еще более капризным, раздражительным и грубым и, в особенности, более подозрительным. Его мания преследования достигла немыслимых масштабов. Многие соратники стали в его глазах врагами».

Хрущев продолжал, перечисляя ошибки, совершенные в связи с «постыдным» осуждением Югославии, и ошибки, совершенные в последние годы при соучастии Берия, например, так называемый заговор врачей. И поскольку практика руководства, которой придерживался Сталин в последние годы своей жизни, была серьезным препятствием для социального развития страны, Хрущев завершил свою обвинительную речь призывая к коллективному руководству и к последовательному восстановлению законности в советской жизни. Все, однако, должно было сохраняться в секрете: « Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем

более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обижать перед ними наших язв».

Еще до того, как текст секретного доклада был опубликован в американской печати, критика культа личности вызвала в самом СССР и, более того, в некоторых странах-сателлитах горячую дискуссию. Эта тема доминировала в спорах внутри коммунистических партий всего мира, и в особенности Западной Европы, которые признавали сталинские злоупотребления, и которые в позициях, заявленных Хрущевым, находили аргументы для утверждений о неизбежном демократическом приходе компартий к власти. Объявленный 17 апреля роспуск Коминформа (почти жест любезности по отношению к Тито) являлся символом намерений Хрущева придерживаться тезиса о законности различных путей к социализму.

Резонанс «секретного» доклада был, однако, огромным во всем коммунистическом мире. В Китае, где концепцию национальных путей к коммунизму приветствовали как легитимизацию специфики китайского опыта, секретный доклад рассматривался также как первый симптом изменения в реформистском смысле. Это был мотив для расхождений, пока еще потенциальных, в котором можно обнаружить причины последующей острой конфронтации между Хрущевым и Мао Цзэдуном. Однако прежде всего вспыхнула Восточная Европа и, в особенности, Польша и Венгрия.

9.5.7. КРИЗИС 1956 г. В ПОЛЬШЕ И ВЕНГРИИ

В Польше неожиданно разгорелась и приобрела открытый характер шедшая уже в течение двух лет дискуссия, направленная против сталинской политики, которая трансформировалась в массовое движение, отстаивающее требования профсоюзов. Де-сталинизация не могла ограничиваться политической сферой, она должна была стать стимулом к формированию нового социального порядка. В противном случае она была бы лишь обновлением фасада и корректировкой методов.

28 июня 1956 г. 15 000 рабочих завода по производству локомотивов, железнодорожного и военного оборудования в Познани, в Польше, доведенных до отчаяния отказом удовлетворить их требования о повышении заработной платы и сокращении темпов работы, вышли на улицы города, дав толчок движению протеста, которое в течение нескольких часов превратилось в самое настоящее восстание. Только на следующий день ценой нескольких десятков погибших и сотен раненых полиции удалось восстановить

контроль над ситуацией. С этого дня дискуссия по всей стране обострилась и затронула самые жгучие темы.

Гомулка встал во главе оппозиции, обвиняя правительство в том, что оно вышло за разумные рамки и само спровоцировало рабочее восстание. Таким образом Гомулка стал ориентиром для большинства поляков. Он был лояльным коммунистом, и в его намерения входило вернуть партии утраченный авторитет осуществлением назревших реформ. Смерть Берута сразу же после возвращения с XX съезда КПСС открыла ему дорогу, поскольку Эдвард Осубка, которого русские прочили на место нового лидера партии, назвал имя Гомулки в качестве наиболее подходящего в данных обстоятельствах преемника. Последний взял власть и добился реализации своей программы, хотя и ценой острейшего столкновения внутри самой партии между его сторонниками и сталинистами.

19 октября Хрущев счел необходимым отправиться в Варшаву в сопровождении большого числа советских руководителей, но решил встретиться с новым польским лидером только в аэропорту. Он должен был признать, что ситуация предоставляла только два пути выхода: кровавые репрессии против самого Гомулки, решительно настроенного на продолжение своего курса, или компромисс с группой того же Гомулки, единственного, кто уже сумел мобилизовать массы, не призывая к антисоветской контрреформе, но пообещав поддерживать более тесный контакт с народом. Гомулка был кооптирован в Центральный комитет партии, из которого, напротив, был исключен советский маршал Рокоссовский, являвшийся с 1949 г. польским министром обороны. Это было символическое решение, принятия которого польские коммунисты добились от правительства Москвы в обмен на обязательство избегать того, чтобы движение приняло антисоветский характер. В этом смысле Гомулка был человеком очень подходящим для разрешения кризиса. Его лояльность по отношению к марксизму-ленинизму не могла подвергаться сомнению; его преданность Советскому Союзу также была бесспорной. Своей популярностью он был обязан своему прошлому оппозиционера и своей репутации представителя антисталинского и реформистского течения.

Однако убедить русских в том, что замена политических кадров является благом, было нелегко. Хрущев долго колебался, прежде чем дать свое согласие, и напряженность возросла настолько, что поставила переговоры на грань провала. Только 23 октября он послал Гомулке, поддержанному сотнями тысяч людей, телеграмму, в которой поздравлял его с руководящей ролью,

приобретенной им в руководстве партией и страной, и в которой объявлял о выводе советских войск из Польши. Хрущеву пришлось бороться с силами, выпущенными на волю в результате его собственной политической деятельности. В Польше удалось найти мирное решение кризиса благодаря появлению внутри коммунистической партии таких деятелей, как Гомулка, учитывавших национальные чувства, но не склонных делать из них повод для международного кризиса, то есть для пересмотра отношений с СССР, который оставался, между прочим, главным гарантом стабильности западных границ Польши.

Последствия венгерского восстания очень скоро превзошли эмоциональное воздействие польского кризиса. В самом деле, если в Польше компартии удалось найти внутренние человеческие ресурсы для преодоления кризиса, то совсем иной была внутренняя ситуация в Венгрии, поэтому аналогичные элементы не могли играть такую же роль. На территории Венгрии в соответствии с Варшавским договором находились советские войска, однако социальная структура, свойственная этой стране, всегда затрудняла работу компартии, как об этом свидетельствовали те же медленные темпы советизации. Прошлая полемика между Имре Надем и Ракоши оставила глубокий след.

В среде интеллигенции возникали группы сторонников обновления, которые в марте 1955 г. создали внутри коммунистических структур «Кружок Петефи» (по имени национального поэта, героя антигабсбургского восстания 1848–1849 гг. и символа венгерской нации). С самого начала деятельность кружка оставалась под контролем партии, но вскоре дискуссии стали более напряженными, а кампания Хрущева против Сталина до и после разоблачений секретного доклада отразилась на них болезненным образом. Все новые темы становились предметом дискуссий, которые от внешне абстрактных проблем культуры перешли к постановке важнейших философских и политических вопросов, вплоть до того, что объектом дискуссии стала сама политика партии. Кружок вышел из повиновения его организаторам и стал превращаться в место сосредоточения несогласных.

В июне была рассмотрена тема чисток, проведенных при Ракоши. Вдова Райка отстаивала безукоризненную репутацию своего мужа. Виновником в злоупотреблениях, совершенных в тяжелые послевоенные годы, был сразу же назван Ракоши. Предпринимались попытки заставить кружок замолчать, но было слишком поздно.

17 июля состоялось заседание Центрального Комитета Венгерской партии труда (компартии), а из Советского Союза тем

временем прибыли два главных соратника Хрущева — идеолог Михаил Сулов и авторитетный деятель Анастас Микоян. В наэлектризованной атмосфере было решено, что Ракоши должен быть принесен в жертву (его переправят в Москву) и заменен лицами, которые, впрочем, были к нему близки, например, Э. Гере, избранный первым секретарем партии. Партия к тому времени была глубоко разделена на сталинистское крыло, группу умеренных сторонников обновления (во главе с Яношем Кадаром) и группу сочувствующих Имре Надю, который, впрочем, после исключения из партии отказался выступить с самокритикой, необходимой для его восстановления. Результатом этого раскола стал политический паралич руководящей силы и укрепление элементов оппозиции за пределами компартии. Однородную силу, почти единую в требовании более глубоких перемен, представляла интеллигенция. Простая замена Ракоши на его заместителя рассматривалась как всего лишь обновление фасада. Нужна была новая программа, и Надь представлялся человеком, которого следовало призвать для ее осуществления.

В течение октября напряженность продолжала нарастать. Родственники Райка и других жертв чисток Ракоши потребовали не только полной реабилитации, но также и торжественных похорон; 6 октября их ритуал превратился в крупную массовую манифестацию, прошедшую в суровой, мрачной атмосфере, в ней участвовало около 300 000 человек. Возбуждение нарастало. В середине октября начались студенческие демонстрации, сначала в небольших городах, затем в Будапеште.

Вечером 22 октября в Политехническом институте в Будапеште было созвано студенческое собрание, на котором дискуссия очень быстро приняла самый оживленный характер. Была сформулирована программа из десяти пунктов, которая требовала формирования нового центрального комитета партии, и содержала призыв к Надю возглавить новое правительство. Резолюция требовала также вывести советские войска из страны и снести огромный памятник Сталину. Это требование было провозглашено публично на демонстрации, организованной на следующий день, 23 октября у памятника Петефи, около университета. Она превратилась в еще одну грандиозную пробу сил. На улицах к шествию студентов присоединялись трудящиеся, простые люди. Толпа разрослась и дожидалась вечера, чтобы направиться к площади перед парламентом. Все более пламенные речи способствовали нарастанию напряженности.

Демонстранты обращались к Надю как к человеку, который должен был олицетворять изменения, и требовали, чтобы он пуб-

лично разъяснил свои намерения. Надь, который за десять дней до этого был, наконец, вновь принят в партию, вышел из своего дома и выступил перед людьми, толпившимися на площади Кошута; речь была спокойная и, возможно, даже нерешительная, призывавшая к конституционному порядку и к переговорам внутри партии. Необходимо придать новый импульс движению к социалистической демократии, но сделать это посредством реформ. В определенном смысле умеренность Надя (который не чувствовал себя облеченным никакой властью и не обладал характером харизматического вождя, увлекающего за собой массы) разочаровала толпу и ввела в заблуждение Гере и его соратников относительно возможности восстановить контроль над ситуацией. В речи по радио в этот же вечер первый секретарь компартии осудил беспорядки, взвалив ответственность за них на «ложь, распространяемую врагами социализма». Он пообещал созвать центральный комитет, однако не пошел на другие уступки.

Обещания Гере, настолько оторванные от реальности, вызвали гнев оппозиции. Слова начали соединяться с оружием. Здание радио было окружено тысячами людей. Они или охранявшие здание военные сделали первые выстрелы. Очень скоро конфликт приобрел ожесточенный характер. Из дворца радио по толпе был открыт огонь — десятки раненых, сотни убитых. Это было начало первого этапа столкновений, длившихся всю ночь. Между тем собрался Центральный Комитет и в неопикуемой атмосфере тех часов принял решение назначить Надя премьер-министром, ментально получив согласие Хрущева, в то время как Гере оставался во главе партии.

Относительно склонности Хрущева пассивно следить за развитием ситуации позволительно высказать некоторые сомнения. На венгерской территории находились тогда две дивизии Советской армии, то есть приблизительно тридцать тысяч человек с более чем тысячей танков. В тот самый момент, когда Хрущев согласился с назначением Надя, эти войска начали передвижение. Радио, контролируемое партией, распространило информацию о введении военного положения и о том, что «фашистские и реакционные элементы» развернули вооруженные нападения на общественные здания и части венгерской армии.

Сам Имре Надь обратился с просьбой о вмешательстве Советского Союза, аргументируя его необходимость активностью, которую развернули «контрреволюционные банды». Присутствие некоторых провокаторов в массовом движении было очень вероятно. Ошибка состояла в том, что они одни не могли бы ничего совершить, если бы в действительности массы сами по себе не

были готовы выступить. В течение нескольких дней это создавало трудности для Надя, поскольку утром 24 октября советские танки вошли в Будапешт. Они, однако, не получали четких политических приказов, и это позволяет предположить, что в Москве надеялись еще на «польское» разрешение кризиса. Впрочем, это подтвердилось и одновременным возвращением в Будапешт Микояна и Сулова, которые в течение трех дней обсуждали с венгерскими руководителями формулировки компромисса. Скептицизм был велик, и сам Хрущев (который консультировался по этому вопросу с Тито, и несколько дней спустя, 2 ноября подписал с ним секретные соглашения, имея в виду сотрудничество, способное мирно погасить кризис), колебался при принятии решений.

С другой стороны, ход событий уже ускользал из-под всякого контроля. Будапешт был во власти толпы. С утра 25-го демонстрации возобновились с двумя требованиями: вывод советских войск и отставка Гере, на которого возлагалась ответственность за попытку подавления. И снова манифестации обернулись кровью. Из правительственного дворца раздались первые выстрелы из огнестрельного оружия. Толпа рассеялась и стала искать убежище. На земле осталось по крайней мере 100, возможно 200 убитых. Число раненых осталось неизвестным. С этого момента слово перешло к оружию. Демонстрации прекратились, и началась самая настоящая городская партизанская война между венгерскими повстанцами и советскими войсками или силами, верными партии. Восстание распространилось на всю Венгрию.

Во главе восставших встал генерал венгерской армии Пал Малетер, который, получив приказ атаковать манифестантов с помощью нескольких танков, отказался выполнить его, когда понял, как он сам рассказал несколько дней спустя, что «борцы за свободу — это не бандиты, а сыновья, верные венгерскому народу». В политическом плане ситуация была более неясной, однако эволюция позиции Надя способствовала её прояснению. В самом деле, в первые дни Надя пытался успокоить волнения возобновлением реформистской политики, начатой им самим в 1953 г. Однако это был неподходящий момент для долгосрочных решений. С помощью русских стало возможным 25 октября заменить Гере на Яноша Кадара, одну из жертв преследований Ракоши. Надя надеялся таким образом, что прекратятся бои. Но случилось обратное, и произошел самый настоящий взрыв, выразившийся в политическом неистовстве анархистского толка и в нарастании желания бороться с чужеземцами.

Под воздействием этого импульса Надя получил возможность и необходимые силы для осуществления решительного поворота,

не без оснований полагая, что русские с ним согласятся. 28 октября он заявил, что партийные органы подверглись глубоким изменениям путем исключения всех тех, кто принадлежал к крылу, наиболее связанному с прошлым периода Ракоши. Он заявил также, что достигнуто соглашение относительно вывода советских войск, что распущена секретная полиция и что вместо нее создается новая служба безопасности. Суслов и Микоян, все еще находившиеся в Будапеште, приняли решение, которое, по их мнению, могло уменьшить давление и оттянуть время. Советские танки быстро отошли из Будапешта, и в течение нескольких дней Венгрия наслаждалась вкусом отвоеванной свободы. Впрочем, русские статьи, появившейся в «Правде» 31 октября, кажется, укрепили эти надежды, декларировав намерение вновь обсудить как с венграми, так и с другими странами Варшавского договора вопрос о пребывании своих войск.

В этой атмосфере Надь продемонстрировал масштаб своего собственного поворота. 30-го октября он объявил о формировании нового правительства на плюралистической основе с Малетером в качестве министра обороны. Шел процесс быстрых изменений, охвативший всю страну. Нарастала неопределенность. Авторитет правительства утверждался с трудом. К тому же, как говорил Надь, «свободе угрожали не только внешние силы, но также и необдуманные шаги», скрыто намекая на страх перед радикализацией масс и возникновением военного столкновения между представителями старого режима и новыми силами. Правительство обещало свободные выборы, однако все громче звучало требование, чтобы Венгрия вышла из Варшавского договора, требование, о котором Надь сообщил Микояну уже 31 октября, настаивая на начале переговоров по этому вопросу. Надь заблуждался относительно согласия русских, в котором Микоян и Суслов ему отказали, так что публичное заявление о решении выйти из Варшавского договора было сделано Надем *после* того, как он узнал, что его вводят в заблуждение относительно масштаба вывода советских войск.

В этом смысле венгерский кризис, на который тогда смотрел весь мир, несмотря на временное обострение ситуации в ближневосточном регионе, превращался из внутреннего кризиса советской системы в международный кризис. Поворот 30 октября менял природу «венгерской революции». В предвидении такого развития событий русские уже нарастили свои силы и решились на вмешательство. Именно усиление советских войск спровоцировало, следовательно, заявление 1 ноября о том, что Венгрия выходит из Варшавского договора и выбирает позицию международного

нейтралитета; вместе с решением выпустить на свободу кардинала Миндсенти, содержавшегося в тюрьме или под домашним арестом, было вершиной венгерской революции. Освобождение примаса отражало желание завоевать полную поддержку эксперимента католиками. В речи 3 ноября Миндсенти использовал взвешенные и аккуратные выражения.

Однако солидарности католиков было недостаточно. В действительности Надь был изолирован в международном плане. Его эксперимент проходил как раз в то время, когда Франция и Великобритания предприняли вмешательство в Суэце, создавая мощный отвлекающий момент. Правда, из разных частей западного мира раздавались всякого рода заявления и бурные выражения сочувствия в связи с тем, что происходило в Венгрии. Следовательно, очень вероятно, что венгры почувствовали себя воодушевленными и сопротивлялись в надежде на солидарность извне. Но они ошибались. Инициативу Запада парализовал не только кризис в Суэце. Существовало также глубокое убеждение, что идеи «отбрасывания», которыми тешил себя Даллес, являлись уже контрпродуктивными и, что, следовательно, европейская ситуация не должна подвергаться изменениям. В этом смысле Надь находился в полной изоляции в тот момент, когда хор средств массовой информации создавал у него иллюзию, что он может рассчитывать на поддержку в мире.

Явная неспособность Надя удержать ситуацию под контролем подтолкнула русских к тому, чтобы лишить его своей поддержки, а заявление о выходе из Варшавского договора сделало очевидным масштаб кризиса. Вплоть до 30 октября русские с подозрением наблюдали за инициативами Надя и его соратников. На следующий день они приняли контрмеры. С этого момента позиции стали проясняться. Янош Кадар возглавил новое Венгерское революционное рабоче-крестьянское правительство, созданное 2–3 ноября с советской помощью. Таким образом он готовился стать выразителем компромисса с СССР. Венгерская революция вступила в стадию спада. В самом деле, вечером 1 ноября русские начали продвигать свои войска к венгерской столице, в то время как советский посол Андропов вводил Надя в заблуждение, начав 2 ноября переговоры о выводе советских войск. Ситуация была на распутье между нормализацией и крахом. Однако 3 и 4 ноября ход событий ускорился. На рассвете 4 ноября Надь выступил с драматическим посланием, зафиксированным западными радиостанциями: «Говорит Имре Надь, Председатель Совета министров Венгерской Народной Республики. Сегодня на рассвете советские войска начали наступление на нашу столицу с очевидным

намерением свергнуть законное демократическое венгерское правительство. Наши войска ведут бои. Правительство находится на своем месте. Я сообщаю эту весть народу страны и общественному мнению мира».

Часом позже, в то же самое время, когда Тито солидаризировался с советской интервенцией (как, впрочем, это сделали все другие представители коммунистического мира), Надь с семьей и главными соратниками, был вынужден укрыться в югославском посольстве, предоставившем ему политическое убежище. Эпизодическое сопротивление продолжалось до декабря. Однако основная часть столкновений между русскими и венграми завершилась в течение нескольких дней. Настоящий вооруженный конфликт привел к нескольким тысячам жертв убитыми и ранеными; многочисленным изгнанникам и подвергшимся гонениям.

В это же время Янош Кадар сформировал новое правительство, которое, дистанцируясь от вины Ракоши и Гере, старалось придать себе некоторую респектабельность. Однако сторонники свободного правительства Надя были пойманы и посажены в тюрьмы. Сам Надь, который 22 ноября с югославским пропуском пытался избежать ареста, был заключен в тюрьму. Против него и его соратников развернулся судебный процесс, продлившийся долго, поскольку Хрущев, которому претили крайние меры, был вынужден одобрить их под давлением его внутренних врагов в партии. 15 июня 1958 г. «судебное разбирательство» завершилось смертным приговором И. Надю, П. Малетеру, И. Силади и М. Гимесу, а также несколькими приговорами к различным срокам тюремного заключения для других обвиняемых. 16 июня приговор Имре Надю был приведен в исполнение — предупреждение для всех тех, кто вынашивал планы, угрожающие советской системе.

Венгерская революция продемонстрировала много печальных вещей. Состоявшись после событий, последовавших за берлинским восстанием 1953 г., она показала советской системе, что только сила удерживает вместе группу стран, которые не сплотились ни политически, ни экономически. Она выявила важную характеристику советской системы: видимость глубоких структурных изменений вступала в противоречие с принципиальной невозможностью вырвать с корнем национальное чувство и местные политические и экономические традиции. Преобразования, которые предполагали изменения, не оставляющие странам, вовлеченным в этот процесс, возможности вернуться к прошлому, действительно укоренялись с трудом. Эти трудности существовали во всей Восточной Европе до 1956 г., оставались они и после. Многие осознавали тот факт, что советское господство было по-

верхностным, основанным на бюрократической системе, и что оно не проникло в жизнь общества. Формула «национальных путей к социализму» пыталась отчасти свести эти различия к единой основе. Однако она лишь слегка прикрывала различия, которые не были и не будут стерты временем, и которые периодически будут выявляться во многих частях советской системы до того момента, пока она не придет к своему всеобщему кризису.

Иные последствия венгерский кризис имел для коммунизма в Западной Европе. Это был момент поворота, сравнимого с августом 1939 г., и даже большего масштаба, учитывая, что за это время коммунистические партии Западной Европы стали более сильными и влиятельными. 1956 год показал многим (особенно многим интеллектуалам), что недостатки советского опыта не ограничивались только отклонениями личностного характера сталинской диктатуры. Это были недостатки, внутренне присущие природе «реального социализма», то есть способу, каким СССР превращал в действительность социалистические идеи. С этого переломного момента начался медленный и неотвратимый кровоточащий процесс, который отдалил многих интеллектуалов от коммунистической идеи и пробил брешь в отношениях между западными компартиями и КПСС. Это был малозаметный процесс, за исключением нескольких нашумевших случаев, но также и явление, которое разрушит способность компартий влиять на мировую интеллектуальную жизнь. Мечта о гегемонии меркла; легкое привлечение многих «товарищей с улицы» становилось невозможным.

Путь к выходу из кризиса был найден благодаря международной системе. Несмотря на все призывы и антисоветскую риторику, обрушенную на общественное мнение средствами массовой информации и пропаганды западных правительств, никто не пошевелил и пальцем. Многие венгерские беженцы нашли убежище на Западе, где получили сочувствие и солидарность, но не политическую поддержку. Именно этот печальный опыт служил однозначным индикатором. За исключением критического пункта, в виде Берлина, Европа в тот момент считалась стабильным и мирным континентом, который ни одна из сверхдержав не собиралась тревожить. Последние уже были вовлечены в другие ситуации; эхо венгерских событий было приглушено последствиями Суэцкого кризиса. Для системы международных отношений венгерский кризис был внутренним потрясением советской системы. Всякое вмешательство лишь делало ситуацию более драматичной, вновь обнажая раны, которые первая постсталинская разрядка затянула.

Биполярный конфликт действительно переместился в другую плоскость — конкурентного сосуществования. Европа не являлась более полем сражений или, выражаясь менее напыщенно, ареной столкновений. Она была умиротворенным континентом, который могло потревожить только недовольство местного характера. Ни русские, ни американцы не имели больше причин менять эту ситуацию. Поэтому те, кто рассматривает венгерский кризис как эпизод холодной войны, выражает глубоко ошибочное мнение. Он, напротив, свидетельствовал о том, что холодная война в Европе завершилась.

